

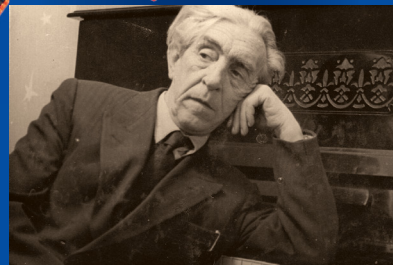
№5 (83)
МАЙ

2020

СИМБИРСКЪ

Литературный
Журнал

12+

К 75-летию Победы.
Борис Шафрат-Сталь.
Клятва на Пискаревском
кладбище. Стихи

стр. 14

Евгений Ларин.
Тося. Документальная повесть

стр. 31

Знаменитые
актеры-фронтовики

стр. 45

Художник, поэт,
фронтовик Юрий Куликов

стр. 54

СИМБИРСКЪ

12+

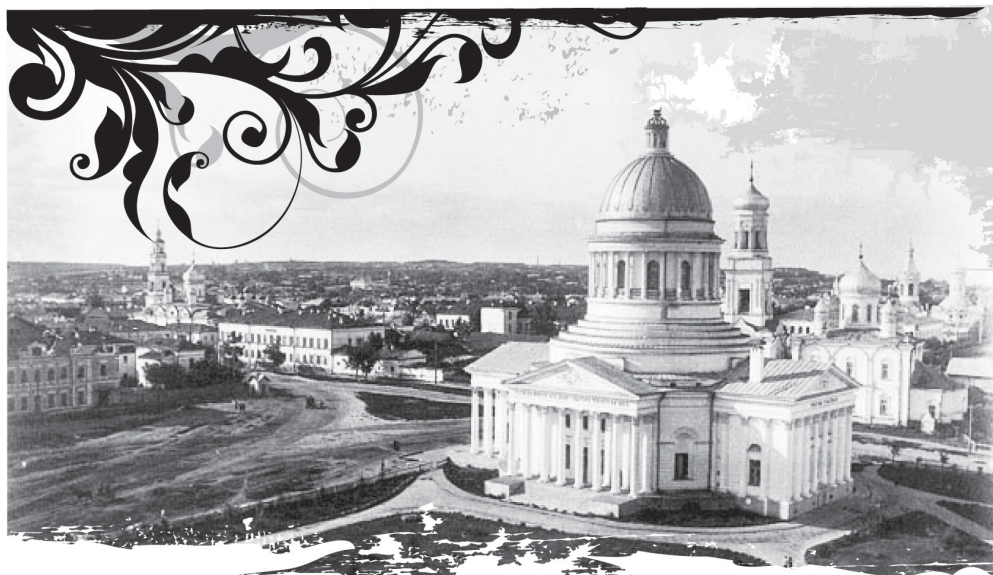
№5 (83)

МАЙ

2020

Литературно-художественный
и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

*Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.*

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89278036256

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Инга Гаак
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск,
ул. Пушкинская, 11, ком. 219.
Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 12.05.2020 г.

Дата выхода 19.05.2020 г.

Тираж 700 экз. Заказ №516

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Контур», 127282, г. Москва, проезд Студеный,
д. 4, корпус 1, помещение V, К 15, т.: (8332) 228-297,
www.printtown.ru.

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №5 (83), 2020

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова и Валерия Толкачёва.

На обложке: Владимир Черкунов. Салют на 9 мая. (Владимир
Иванович Черкунов(1933-1999), ульяновский художник, член
Союза художников СССР).

На обороте обложки: Юрий Куликов. Натюрморт.

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал
«СИМБИРСКЪ» №5 (83), май 2020

Содержание

Всё в мае светлое, сквозное.....	3
Дороги памяти военной	
К 75-летию Победы	
Лидия Ануфриева. Стихи	4
Лидия Федякина. Дети военных лет	6
Борис Шафрат-Сталь.	
Клятва на Пискаревском кладбище	14
Фёдор Ошевнёв. Мечта десантника. Рассказ	16
Олег Храмов. Награда. Рассказ	21
Николай Коваль. Как Бог даст. Рассказ	24
Виталий Богомолов. Предатель. Рассказ.....	26
Черемшан	
Евгений Ларин. Тося. Повесть.....	31
Никас Сафронов. Война в истории семьи	43
Евгений Евтушенко. Бессмертный полк. Стихи	44
Знаменитые актёры-фронтовики	45
Победу оставьте за нами. Фотографии В. Ламзина	52
Григорий Медведовский.	
Ещё из мечей не сковали орала.....	53
Солдат, художник и поэт. Картины Юрия Куликова.....	54
Юрий Куликов. Лицо войны. Стихи.....	58
Евгений Мельников. К штыку приравнял перо.....	62
Татьяна Швец. Ты шагнул через себя, к огню	63
Страна поэзия	
Николай Полотнянко. Слово. Стихи	65
Не заживает память о войне.	
Стихи ульяновских поэтов	68
Нина Климок. Мы - дети тех, кто выжил на войне	69
Лукоморье	
Вера Алексеева.	
Белые голуби, черные вороны. Сказка.....	70
Книжная полка	
Нина Ягодинцева. Взрослые мифы о детском чтении... ..	72
Двое	
Владимир Игошин. Недавно видел я во сне... Стихи	75
Дорога к храму	
Сергий Адодин.	
Пять месяцев жизни. Молебн. Рассказы.....	77
Соло	
Елена Фролова. Между зимой и летом. Стихи.....	81
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО	84
Юбилейный календарь.....	86-96

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41.

В период самоизоляции вы можете пригласить на дом
почтальона для оформления подписки на журнал.
Телефон для справок 89176381583

Оформить подписку
на II полугодие 2020 года
(подписной индекс ПАО41)
можно и с помощью Интернет
на сайте podpiska.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

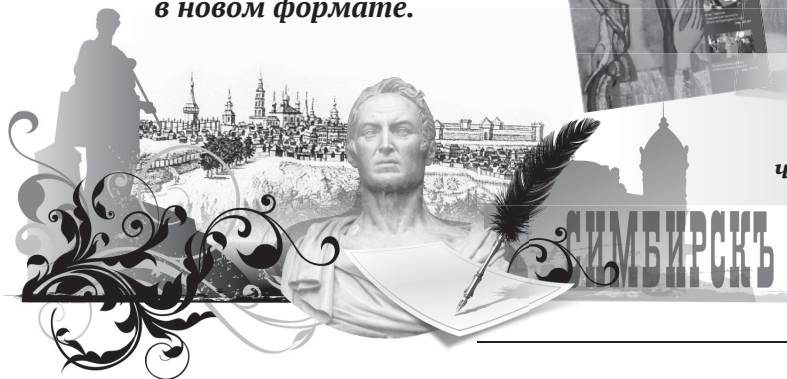

Дорогие друзья!

Со второго полугодия 2020 года
журнал «Симбирскъ»
будет выходить
в новом формате.

**Вы сможете получать «толстый»,
сдвоенный номер один раз в два месяца.
Обращаем ваше внимание на то,
что подписка на полугодие стала дешевле!**

Благодарим всех
наших читателей и подписчиков!

ВСЁ В МАЕ СВЕТЛОЕ, СКВОЗНОЕ...

Новый номер журнала посвящен 75-летию Победы.

Читайте стихи и прозу о войне, воспоминания о ветеранах, публикации из семейных архивов.

Славному юбилею посвящена поэтическая подборка Лидии Ануфриевой.

*Нет! О войне мы знаем не по слухам,
И в памяти остаться ей в веках...
Она явилась испытаньем духа
Непобедимого... И потому, пока
Стоят на страже мира обелиски
Свидетелями мужества солдат,
Мы склоним головы пред ними низко
Сегодня... Как и много лет назад.*

Тему продолжают автобиографические записки Лидии Федякиной «Дети военных лет», рассказы Виталия Богомолова, Николая Ковалея, Олега Храмова, Фёдора Ошевнёва.

Публикуем стихи участника Великой Отечественной войны, ленинградца Бориса Шафрата (вступительное слово Татьяны Борисовны Толоконниковой – дочери фронтовика).

В рубрике «Черемшан» начинаем публикацию документальной повести Евгения Ларина «Тося» о погибшей на фронте уроженке Мелекесса Антонине Потаповой.

На страницах журнала рассказываем о знаменитых актерах-фронтовиках. (Автор галереи портретов – Никас Сафронов.) На фотографиях Владимира Ламзина – победители – ветераны войны.

В майском номере представляем творчество ульяновского художника, поэта, фронтовика Юрия Куликова. На цветной вкладке – картины, объединенные военной темой.

*Следом – стихи.
Как много на душе осталось,
Бессонницей ночей грозя,
От той войны, и я устало
Несу, а позабыть нельзя...
(Ю. Куликов)*

И Юрий Куликов писал картины и стихи о том, что «позабыть нельзя».

В подборке «Не заживает память о войне» – стихи Александра Кузнецова, Николая Благова, Льва Бурдина, Рэма Герасимова. 75-летию Победы посвящена и публикация Нины Климко, ее строки, по-

священные родителям: «Мы – дети тех, кто выжил на войне».

В рубрике «Страна поэзия» подборка стихов Николая Полотнянко «Слово».

В разделе «Лукоморье» – сказка Веры Алексеевой «Белые голуби, чёрные вороны».

Надеемся, многим будут созвучны размышления поэта Нины Ягодинцевой «Взрослые мифы о детской литературе».

«Мы живём в очень жёсткое время бессмысливания и подмен, и если что-то видим и понимаем в нём, то именно благодаря усвоенным в детстве основам. Каким будут воспринимать мир наши дети? – вопрос остаётся открытым. Диалог с детством надо вести очень серьёзный, это всё больше чувствуют и родители, и писатели.»

В рубрике «Двое» – лирические стихи Владимира Игошина.

Поэтические страницы продолжает подборка Елены Фроловой «Между зимой и летом».

Рассказы священника и писателя Сергея Адолина читайте в разделе «Дорога к храму».

Завершают номер новости программы «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» и «Юбилейный календарь», подготовленный Николаем Марьяниным.

*Фронтовик Юрий Куликов писал:
...Мы тяжелы сегодня на подъем,
Собраться вместе за столом непросто,
Но каждый год на празднике своем
Объединяемся единым тостом.
За то начало долгой тишины,
За ту неповторимую минуту,
Когда в окопах черный мрак войны
Сгорел в огне победного салюта.*

И в нынешнем мае победный салют прогремел – несмотря ни на что! Праздник пришел в каждый дом, в каждую семью, как и 75 лет назад. Как близка сегодняшнему дню картина Владимира Черкунова (с обложки журнала) – праздничный фейерверк, победные раскаты, объединяющая радость!

С Днем Победы, дорогие друзья! Мира и света, терпения и милосердия, любви и добра!

Елена КУВШИННИКОВА

ИСПЫТАНИЕ

*Посвящается Д.Ф. Баеву,
участнику обороны Ленинграда*

1.

Уж тридцать лет, как скован он недугом,
Кроватью ограничив жизни круг...
А в хлопотах о нём его супруга,
И собеседница, и верный друг.
Участник обороны Ленинграда,
Больничного листа с войны не знал,
Когда здоровье – лучшую награду –
Однажды в один миг недугу сдал.
А, бывало, он, тудяга,
И танцор, и забияка,
Вскинув крылья крепких рук,
Выходил в широкий круг
То с приплясом, то с прихлопом,
То в присядку, с поворотом:
«Шире круг, честной народ!
В пляс душа моя идёт!»

2.

И вот теперь ногам артиллериста,
Прошедшего с боями всю войну,
Уж не ступать ни по траве росистой,
Ни дома по паркету своему.
Ну а война? Она, конечно, снится,
Как он огонь по цели вновь ведёт...
И в памяти встают живые лица,
С кем был он у Сенявинских болот.
И может он гордиться – это ясно:
Ведь у него хранятся много лет
В коробочке два ордена прекрасных –
Свидетели отваги и побед.
Участник жизни он теперь экранной,
Известиями дышит из газет,
Их обсуждая со своей желанной,
Несущей стойко вахту трудных лет.
Вот так судьба связала ветеранов...
Отыщешь их, пойдя только в народ.
Их жизнь – почти сценарий для экрана:
Переплетенье с мужеством невзгод.

3.

Где эта женщина находит силы,
Чтоб вовремя умыть, убрать, подать?!
И оставаться доброй, терпеливой...
Где тот родник, что может их питать?
Таких, на вид простых и сердцу милых,
Но самых сильных женщин на земле?
Быть может, тот родник – сама Мария,
Та Богородица, с сияньем на челе?!
Пусть будет так. И всем поклон им низкий
За милосердь. Стойкость. Доброту.
Всем женщинам! Особенно российским,
Способным взять любую высоту.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Играем в школу. И сестрёнка
Рисует, помню, что-то мне
Своею худенькой ручонкой
Кусочком мела на стене.
Соседка-бабушка заходит,
Ей сахар-рафинад даёт.
Сестрёнка им по стенке водит
И вдруг: «Не пишет мел!» – ревёт.
А бабка, головой качая,
Даёт лизнуть кусочек ей,
Украдкой слёзы утирая...
Война была и для детей
В нехватке сахара и хлеба –
Его пекли нам с лебедой.
И все мы ждали лишь победы
Над смертью, горем и нуждой.

* * *

Мой отец для великой Победы
Долг солдата свершил до конца.
В его память хранились у деда
Как святыня осколки свинца.
Иногда мы их брали с подружкой
В наши игры, не чуя вины
И не зная, что в наших игрушках
Есть реликвии страшной войны.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

1.

Нет! О войне мы знаем не по слухам,
И в памяти остаться ей в веках...
Она явилась испытаньем духа
Непобедимого... И потому, пока
Стоят на страже мира обелиски
Свидетелями мужества солдат,
Мы склоним головы пред ними низко
Сегодня... Как и много лет назад.

2.

Вновь небеса ликуют с нами,
Дождя даруя благодать...
Своими чистыми слезами
В который раз Природа-Мать
Скорбит о тех, чей подвиг ратный
Вписался в Память на века...
Неисчислимы те утраты,
И скорбь светла и глубока.

3.

Мы, низко кланяясь сединам
Героев, Песнь в их честь поём
За Свет Победы негасимый,
За всё, что отразилось в нём.
Мы, низко кланяясь могилам,
Где победители лежат,
Их воскрешаем облик милый,
Что был десятки лет назад.
Мы низко кланяемся плитам,
Где пламя Вечного огня...
И сердце шепчет: «Не за-бы-ты,
Пока сияет солнце дня».

Лидия ФЕДЯКИНА, врач. Пишет прозу. Автор романов, повестей, рассказов. Публиковалась в альманахе «Симбирлит», сборнике «Золотое зеркало», в журнале «Симбирск».

ДЕТИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

День был тихий и жаркий. Солнышко ярко освещало самые укромные уголки улиц большого села.

Катенька, устав от жары, прибежала домой. В комнате за обеденным столом сидели мама, папа и трое незнакомых дядей. Они были обуты в белые матерчатые туфли, натёртые мелом, который крошечными крупинками сыпался на пол. У всех были грустные и встревоженные лица. На Катю против обыкновения никто не обратил внимания. Тревога невидимым облаком повисла в комнате и проникла в Катю тело. Она постояла немного, затем спряталась в угол за комод и, прижавшись к стене, стала слушать то, о чём говорят взрослые. Они говорили непонятно, часто повторяли, что Гитлер напал на нас и много погубил людей. А что за зверь такой – этот Гитлер, никто не говорил. Катя впервые услышала о нём. Посидев ещё немного в углу, она решила пойти к своей подруге Маше, которая у соседнего дома кувыркалась на лужке.

– Маша! Машенька! – кричала Катя. – На нас напал Гитлер! Он кусает всех людей, и они от этого умирают!

– А Гитлер – это что? – спросила девочка.

Ей было пять лет, но она до сих пор не умела выговаривать «р», и Катя, которая была старше её на один год, принялась объяснять ей, фантазируя и пугаясь своих слов.

– Гитлер – это такой огромный шмель, который летает очень быстро. У него длинное жало, которым он кусает людей, и они от этого умирают.

– А он сюда долетит? – спросила перепуганная Маша.

– Конечно! – ответила Катя. – Пойдём спрячемся от него у нас под кроватью.

Девочки, держась за руки, вбежали к Кате в спальню, закрыли за собой дверь и забились под кровать в самый дальний угол.

– Ой! Как страшно! – воскликнула Маша. И слёзы потекли по её щекам.

– Не бойся, – утешала её Катя, – он же не умеет открывать двери.

И девочки крепко прижались друг к другу.

Скоро им надоело бояться, они, забыв о «Гитлере», выбрались на улицу в открытое окно и начали кувыркаться у дома в густом зелёном лужке. Солнышко уже клонилось к закату, жара постепенно спадала, и девочки растянулись на траве, глядя в чистое голубое, такое мирное небо. Из соседнего дома выбежал Славка, Машин брат. Он был старше её на четыре года и уже учился в школе у Катинной мамы,

поэтому считал себя вправе следить за поведением своей сестрёнки и даже иногда наказывать её.

– Ага! Вот вы где! – грозно крикнул он, потрясая выструганной узором ивовой тросточкой.

Девочки разбежались по домам. Катя осторожно заглянула в комнату. Чужие дяди уже ушли, но тревога ещё витала в воздухе, и девочке сделалось грустно. Постояв немного, Катя снова спряталась в углу за комод.

За обедом она всё же спросила о том, что за зверь этот Гитлер, зачем он напал на нас и почему убивает людей.

– Гитлер – это человек, который командует большой армией бойцов, – ответил ей папа. – Они убивают наших бойцов для того, чтобы завоевать нашу страну.

– А разве бывает так, чтобы человек убил человека? – удивилась Катя. – Ведь кошки не убивают кошек, собаки тоже не убивают собак, даже волки не убивают волков. Не бывает так, чтобы люди убивали людей!

Папа задумался, но сказать ей горькую правду трудно, всё равно она скоро всё это узнает.

– Ты ещё маленькая, дочка, и не знаешь, что на земле бывают войны, из-за которых погибает много людей. Вот и у нас с сегодняшнего утра началась война. Армия Гитлера напала на нашу страну, чтобы завоевать её, а нас уничтожить, то есть, убить. Наша армия защищает страну, а значит, и нас. Они воюют и убивают друг друга.

– Ой! Как страшно! – Катя закрыла ручонками своё лицо.

– Не бойся, – успокоил её отец, – наша армия сильная, она не даст нас в обиду.

Катя успокоилась и забыла о войне. Она продолжала играть с детьми в классики, прятки и другие игры. Всё так же ярко светило солнышко, в огородах зеленели ранние овощи. Только деревья в садах стояли сухие. Прошедшая зима была очень морозной, поэтому деревья и кусты, на которых росли яблоки, груши и ягоды, все вымерзли. Их спиливали на дрова, потому, что тяжело было смотреть на мёртвые деревья, особенно сейчас, когда где-то далеко на войне умирали люди.

Через некоторое время жизнь в селе, где жила Катя, изменилась. Однажды проснувшись в своей кровати, она увидела, как мама, плача, собирает папины вещи в мешок с двумя лямками. Девочка встала и молча прижалась к ней. Потом они завтракали втроём тюрей с молоком.

– Ты уезжаешь, папа? – спросила Катя.

– Да, дочка, я еду на войну вместе с другими папами нашего села, – ответил он. – Но ты ведь будешь умницей и будешь помогать маме?

Кате очень хотелось плакать, но она переборола это желание и ответила совсем как взрослая:

– Да, конечно, я буду помогать маме, только ты, папа, не дай себя убить бойцам Гитлера.

– Вы с мамой верьте, что мы победим врага, и я вернусь. Ждите меня!

Папа надел на спину свой мешок с вещами, а Катя с мамой пошли провожать его.

Все уезжающие собрались на сельской площади. Там уже было много народа. Стояли две грузовые машины с низкими скамеечками в кузове. На высоком крыльце двухэтажного дома сельского совета стоял парторг и громко читал написанную на бумаге речь. Его никто не слушал: женщины и дети жались к отъезжающим мужьям, отцам и братьям.

Катя подняла голову и осмотрелась. Рядом Таня прижалась к своему папе, и по её щёчкам текли слёзы, а он что-то говорил её маме, и та в ответ кивала головой.

– ...Мы победим! Враг будет разбит! – окончил свою речь парторг.

– По машинам! – прозвучала команда.

Папа молча обнял и поцеловал маму, поднял Катю, поцеловал её и побежал к одной из машин, где уже сидели отъезжающие, ловко вскочил в кузов, и стоял, глядя на маму и Катю, пока машины не поехали, оставляя за собой облако пыли. Тогда-то и заголосили женщины, заплакали дети.

Машу на провода не взяли, а Славка стоял, прижавшись к своей бабушке. Мама у них умерла, когда Маша была ещё совсем маленькой.

Все провожающие начали постепенно расходиться по домам. Вернулись домой и Катя с мамой. В доме стало как-то пусто. Да ещё солнечные дни сменились на ненастье, часто лил дождь.

Катя целыми днями сидела на крыльце и смотрела на лес, росший за речкой. Он на фоне чёрных туч казался светлым. Когда кончились дожди, маму и других учительниц рано утром повезли в поле убирать поспевшую пшеницу. На машине, которая убирала поле, никто теперь работать не умел, поэтому колосья пшеницы срезали серпами. Катя всё это видела, потому что мама не оставила её на целый день дома одну а взяла с собой. Колхозницы жали пшеницу очень ловко, а мама и другие учительницы скоро устали, у них заболели спины, и они, встав на колени, продолжали жать. Когда настала пора ехать домой, у мамы колени распухли и были сплошь покрыты ссадинами. Зато Катя сегодня вдоволь накаталась на лошадке.

На окраине села стоял большой заброшенный дом без окон. В нём открыли ясли для детей, которых не с кем было оставить дома, и мама отдала туда Катю. В доме был деревянный, выскобленный добела пол, для самых маленьких к потолку подвесили несколько деревянных колыбелек с дном из толстой материи. Около дома стоял длинный стол и высокие скамейки. С наступлением времени обеда на столе появлялись алюминиевые миски и ложки. В миски наливали густой суп, сваренный из пшена и воды. Дети усаживались за стол и с аппетитом ели

тёплый суп, некоторые даже просили добавки, и в ней никому не отказывали. Кате тоже очень нравилось обедать на свежем воздухе, и она съедала полную миску густого супа, когда дома отказывалась и от половины вкусной домашней еды. После обеда детей укладывали спать прямо на голом полу головами к стене. Между стеной и полом была большая щель, в которую Катя и её соседки с удовольствием смотрели, как внизу по балке бегают мыши. Они были такие милые, с розовыми ушками и длинными хвостами. Очень хотелось их потрогать, но щель была узка для руки. А мышки росли, становились на задние лапки и сами лезли сквозь щель, укладывались рядом с Катей, а она их гладила и пела им песенку сквозь сон.

Проснувшись, дети бежали на улицу. Там, на пустыре, где стоял их дом, были заросли высокой травы с крупными резными листьями и длинными стеблями. Дети ломали хрупкие стебли, снимали с них тонкую кожу и с жадностью ели сочную, сладковатую мякоть, имеющую вкус морковки. Им казалось, что не было ничего вкуснее этих стеблей.

Когда солнышко ложилось спать, за малышами приходили их мамы. Остальных же воспитательница провожала до сельской площади, от неё дети находили дорогу домой сами. Дома Катю встречала усталая мама. Они ужинали тюрей с молоком и ложились спать. Рано утром завтракали небольшими кусочками хлеба и яйцом. Хлеб мама покупала по карточкам, всего триста граммов. Это была треть небольшого кирпичика, тяжёлый, сырой, чёрный хлеб. Потом мама отводила Катю в ясли... И так каждый день.

В августе к ним приехала жить мамина сестра, тётя Аня, и Катя больше не посещала ясли, а оставалась дома с тётей Аней. Мама теперь работала не в поле, а в лесу. Они пилили деревья для заготовки на зиму дров.

Катя играла с прежними друзьями: Машей и Славкой, у которого были такие голодные глаза, что Катя не удержалась и спросила, не хочет ли он есть.

– Очень хочу, – признался Славка, – принеси мне кусочек.

Катя помчалась домой и отрезала небольшой ломтик чёрного хлеба, который Славка быстро запихал в рот и проглотил, казалось, даже не прожевав.

Как-то раз Катя и Маша кувыркались на лужке, и вдруг Маша стремительно кинулась к чему-то, лежащему в траве. Это оказалось неизвестно откуда взявшимся яблоком, загнившим сбоку: ведь в то лето из-за вымерзших садов не было ни яблок, ни ягод. Маша с такой жадностью вцепилась в него зубами, что стала похожа на голодного зверька, наконец получившего пищу. Катя с удивлением смотрела, как в одну минуту в Машином животе исчезло яблоко вместе с гнилью.

Однажды, вернувшись с прогулки, она увидела, что мама лежит на кровати и стонет, а около неё хлопочет тётя Аня.

– Аня, – услышала Катя слабый мамин голос, – если я умру, постарайся дать Катеньке высшее образование.

У Кати что-то оборвалось внутри, даже слёз не было, а какой-то холод дохнул в лицо, потом про-

ник внутрь, и она опустилась на пол, прижавшись к стене.

Когда девочка очнулась, она увидела, что около маминой кровати сидит сельский фельдшер, которая приходила делать Кате прививки.

– Это от переутомления, – сказала она. – Полежите дня три и принимайте эти порошки. Всё будет хорошо.

Фельдшер выписала рецепт, попрощалась и ушла.

– Больше я никуда не отпущу маму, и она будет брать меня с собой, – думала Катя. – Я буду защищать маму от опасности или погибну вместе с ней.

С тех пор Катя ездила с мамой в районный центр на ежегодные конференции учителей, волновалась, когда мама долго не приходила с педсоветов, и однажды в дождливую осеннюю ночь девочка, не выдержав, пошла в школу, бесстрашно пройдя через кладбище в кромешной тьме, так как этот путь был короче. Тревога, навсегда поселившаяся в сердце ребёнка, подавляла страх.

В конце августа пришло письмо от папы. Его принёс хромой дурашливый парень, которого прозвали «молодой», за то что он каждый месяц женился то на одной, то на другой девице. Молодые жёны, прожив с ним меньше месяца, выгоняли его, и он женился снова. Он ходил по селу с большой почтовой сумкой, которая от его хромоты взлетала и шлёпала его по попе. «Молодого» все и ждали и боялись: ждали письма, а боялись похоронки с фронта.

Читать письмо от папы сошлись все соседи, всем было интересно, как живут их близкие на фронте. Оказывается, все эти два военных месяца их обучали стрелять из огнестрельных орудий и только сейчас отправляют на фронт. Папа писал это письмо как раз перед отъездом.

Наступили тёмные, дождливые осенние дни. Снег шёл и таял, было сыро и холодно, поэтому дети-дошколята сидели по домам и слушали рассказы взрослых о войне.

Как-то раз в доме, где жила Катя, вечером собралось много женщин-соседей. Они уселись за большим обеденным столом и начали свою беседу. Катя тихонько пробралась под стол, села на пол и начала слушать. Одна из соседок рассказывала от своего лица о случае, который она услышала от инвалида, вернувшегося с фронта залечивать свою рану.

– ...Нас было десять человек. Всем приказали разуться и нести сапоги вместе с вещевым мешком. Потом нам завязали глаза, приказали взяться за руки и повели через какой-то ручей. Вода в нём была густая, а дно скользкое и неровное. Когда мы отошли от ручья метров сто, всем развязали глаза, и мы увидели, что наши ноги почти по колено были в крови...

– И когда только перестанут крошить людей?! – воскликнула мама.

Катя с закрытыми глазами ясно увидела, как какая-то машина мелко крошит людей, стоящих перед ней в очереди, а ярко-красная кровь струится, образуя небольшую речку, по которой шли солдаты с завязанными глазами.

От страха Катю стошнило прямо под столом. Мама извлекла её оттуда, напоила молоком и уло-

жила спать. С тех пор Кате долго снился один и тот же сон, в котором по их улице шли фашисты, но не люди, а олени с большими ветвистыми рогами, которыми убивали людей, а по их копытам, журча и переливаясь, текла кровь. Катя пряталась от них у стены под окном, подсматривая на улицу, и ей было так страшно, что она просыпалась, вылезала из своей кровати и лезла на кровать к маме, чтобы там доспать спокойно.

В начале зимы в село начали приезжать люди. Их называли беженцы, потому что они убегали от войны. Приехали из Москвы девочки со своими мамами. Они жили напротив Катиного дома, и она быстро подружилась с ними, хотя они были уже школьницами. Дома у Кати тоже появились друзья: к ним поселили мать с двумя дочками: Хелли и Вальве, и мальчиком Женей, который потерялся во время бомбёжки, и они взяли его с собой. Все трое были старше Кати, но какие-то трусливые: вздрагивали, если на пол падало жестяное блюдо, боялись грозы. Глядя на них, Катя тоже стала бояться грозы, особенно если гром был сильным, потому что Хеля и Валя говорили, что это очень похоже на войну.

Наступил новый 1942 год. Через село проходили наши войска, и дети с любопытством смотрели на солдат. Однажды приехали лыжники в белых халатах и таких же колпаках, но надетых поверх их зимней одежды. Они остались в селе ночевать, разместившись по избам. Там их кормили и топили для них бани. На другой день они уехали туда же, куда ушло наше войско.

Вернувшись с работы домой, мама шила на ручной машинке тёплые рукавицы с отдельными большим и указательным пальцами, для того чтобы бойцам было удобнее стрелять из ружья. Тётя Аня вязала большие носки из шерсти. Это было заданием для женщин всего села. Потом эти рукавицы и носки собирают и отправят на фронт для наших солдат.

Наконец наступила весна, в мае было уже жарко, как летом. У многих детей, в том числе и у Кати, на ногах начали появляться нарывы и синеватые тёмные пятна. Очень чесались и болели дёсны, шатались зубы, пока ещё молочные. Катя их сама расшатывала: всё равно им выпадать.

Когда разлились реки и лес стоял в воде, мама, тётя Аня и другие женщины сразу после завтрака уезжали на лодках ловить сухие деревья на дрова. Как Катя ни просилась с мамой, её не брали. Дом запирали, а её и других детей выставляли на улицу играть. Они играли в классики, лапту, прятки, а Кате было не до игры, она тревожилась за маму, которая не умела плавать, как другие, и если лодка перевернётся, то мама сразу же пойдёт ко дну и утонет. Поэтому девочка сидела на берегу и смотрела вдаль на воду: не появятся ли лодки. Они появлялись только к вечеру, когда солнышко садилось за горизонт. Мама и тётя Аня волокли по земле до дома пойманные мёртвые деревья, потом все трое ели тюрю с молоком и укладывались спать. Молоко давала корова Венка, которую Катя любила кормить кусочком хлеба с солью, когда та приходила из стада. Венка долго облизывалась после угощения, и кончик её языка залезал к ней в ноздри, что девочку очень сместило.

Как только уходила разлившаяся вода и обнажались берега рек, тётя Аня ходила в лес за диким луком. Она приносила его целыми пучками, и все его с удовольствием ели. Он был сладковатый, с запахом лука и нисколько не щипал язык. Вскоре у детей начали пропадать нарывы на ногах, но дёсны всё ещё были рыхлыми. В начале лета овощи на огородах ещё не выросли, и было очень голодно. Хлебного пайка никому не хватало, поэтому многие женщины ходили на болота и добывали там какие-то съедобные корни. Их сушили, размалывали и пекли из них лепёшки. Они были сладковатые на вкус и пахли чем-то душистым.

Летом в село прибыло ещё много беженцев, их тоже расселяли по избам. Приехавшие дети были похожи на покойников: запавшие глаза, впавшие щёки на бледных лицах и почему-то тёмные губы. Их откармливали густым супом из пшена и воды в том же доме, где в прошлом году были ясли.

Кате этим летом исполнилось семь лет, и мама решила отдать её в школу, потому что она уже умела читать и писать и даже написала письмо папе на фронт. На последней странице она нарисовала себя, маму, тётю Аню и корову Венку. Но ответа так и не дождалась. С тех пор о папе ничего не было слышно.

Первого сентября Катя не стала дожидаться маму, пока она примет свой класс, а взяла портфель и сама отправилась в школу. Дети все были старше неё: тогда начинали учиться с восьми лет. В школе Кате пришлось писать палочки в тетради. Это было труднее, чем писать слова. Палочки никак не хотели быть ровными, как того требовала учительница. Зато после занятий всем классом шли за речку в лес, где были заросли шиповника. Дети собирали спелые красные плоды и высыпали их учительнице в корзину. Ничего, что шиповник больно колот им руки, зато эти плоды высушат и отправят на фронт лечить раненых бойцов.

В школьном коридоре на стене висел большой плакат: на городской улице в беспорядке лежали осколки разбитых окон, в центре на мостовой на спине лежала женщина, а вокруг её головы расплзлось большое красное пятно. Над женщиной, зажав себе голову руками, склонился мальчик лет восьми. Было ясно, что у мальчика убили маму. Около этого плаката постоянно толпились школьники и отходили от него с печальными лицами.

Катя почти все перемены простаивала возле плаката и не могла оторвать глаз от мальчика и его мёртвой мамы. Она переживала его горе так глубоко, что никому об этом не говорила, даже своей маме. На большой перемене её едва можно было дозваться в класс, где на партах стояли миски с густым супом из пшена и воды – горячие обеды для школьников.

Этой осенью Катя тяжело заболела малярией. Приходилось пить горькие порошки хинина, но болезнь не отступала, и с наступлением зимы мама возила Катю на санках в больницу, где ей делали уколы от малярии. Больница была далеко, в декабре темнело рано, и они возвращались домой уже в полной темноте. Катя лежала в санках, закутанная в одеяло, и смотрела на небо. Оно было тёмно-синее и сплошь покрыто крупными яркими звёздами. Девочка неотрывно смотрела на них, любясь красо-

той звёздного неба.

После выздоровления она быстро нагнала упущенный школьный материал и с удовольствием ходила на утреннюю строевую подготовку, которой руководил военрук, отпущенный с фронта по болезни.

Всех школьников выстраивали на площади перед школой. Первыми строились десятый, потом девятый классы, и самыми последними выстраивали первоклашек

– РАВНЯЙСЬ! – громко командовал военрук.

И школьники ровняли валенки, чтобы стоять в одну линию.

– СМИР-Р-НО!!

Все замирали с вытянутыми по швам руками.

– НА ЛЕ-ВО!!

Все поворачивались налево, образуя строй в чётуре ряда.

– ШАГОМ-М...АРШ!

Колонна ребят двигалась. Старшие школьники запевавали песню уже взрослыми голосами, а младшие еле успевали за ними, постоянно путая шаг.

– ...В последний бой летит стальная эскадрилья, – звучали последние слова песни, а Катя любовалась, как восходившее солнце окрашивало снег в нежный розовый цвет.

В феврале у Кати в доме собрались соседки. Пили «чай» из натёртой сушёной морковки с высушенными в русской печке кусочками тыквы, которые назывались курагой. Рассказывали об ужасах Сталинградской битвы, которая недавно закончилась нашей победой. Катя, уже не помещавшаяся под столом, сидела за комодом в углу, и снова её затошнило от страха, когда она услышала, что осенью вода в Волге во время боя становилась розовой от крови. На другой же день Катя взяла санки и побежала со своей новостью к берегу реки, где дети катались с горы.

– У меня там отец погиб, – печально произнёс Шурик Шарапов. – Мать и до того болела, а как к Новому году похоронку принесли, так совсем слегла.

Шурик был очень маленького роста, из-за того что вся работа по дому была на нём.

– А я знаю случай, когда в деревне, занятой фашистами, те поймали партизана и живого его распилили пилой на две части – сказала Рина.

Её полное имя было Октябрина. Она была из беженцев и жила в ветхой избушке с матерью и младшим братишкой на другом конце села, но поскольку дружила с Катей, то постоянно находилась в их округе.

– Ой! Как страшно! – закричали младшие дети, зажав уши руками.

А Катя схватилась за живот: её снова затошнило от страха.

Весной бурно таял снег, журчали ручьи, и было странно думать, что где-то гибнут люди. Кате уже исполнилось восемь лет, и мама ей сшила ко дню рождения платьице из широкой юбки покойной бабушки, себе же она сшила платье из льняных штор, которые висели на двери. В магазине в то время не продавали никакой материи.

И тут по селу пронеслась весть: враг близко, пора бежать из села.

– Бежать! Бежать! – повторяла за ужином мама.

А у Кати болезненно что-то сжималось в груди. Дети военных лет выросли быстро, и она понимала, что значит «бежать». Однако никто из села не уехал. Ограничились тем, что с наступлением темноты запретили в домах зажигать лампы или требовали тщательно занавешивать окна. Это называлось светомаскировкой от вражеских бомбардировщиков.

Летом учителям в лесной пойме выделяли участки травы, и мама решила научиться косить траву, потому что покупать Венке сено было уже не на что. Косить она научилась быстро и вместе с другими учителями рано утром ходила косить траву. Брала с собой и детей. Это были для них самые замечательные времена. Идти надо было долго, почти до самой Волги, красивой лесной дорогой. На полянках высокая трава была седой от росы. Уставшие, они приходили на место и располагались в тени деревьев. Немного отдохнув, взрослые шли косить траву, а дети, доспав положенные природой часы, лазали по деревьям, играли или вдали от косцов бегали по траве, которая достигала им до плеч. Отпряного запаха кашки немного кружилась голова.

Обедали все сообща, разложив на газете всё, чем были богаты: печёная картошка, лепёшки из молотого корня с примесью зёрен лебеды, а дети получали ещё и по варённому яйцу. Потом взрослые шли косить, а сытых детей тянуло в сон, и они засыпали в тени дерева прямо на траве.

Солнце уже клонилось к закату, когда взрослые кончали косить и шли к Волге купаться. Она была совсем близко: всего несколько шагов. Купались долго, самозабвенно смывая с себя пот и цветочную пыльцу. Дети резвились в прозрачной воде, ощущая под ногами рябое и твёрдое песчаное дно реки. Мимо них ближе к противоположному берегу проплывали пароходы, выкрашенные с целью маскировки в серый цвет.

Катя навсегда запомнила бегущие от парохода волны, которые со свистом пронеслись по песку, когда пароход был уже далеко; гору на том берегу, отражённую в вечерней воде, и свежий запах самой воды.

Из леса возвращались, когда было ещё светло, и по дороге собирали дикий лук. Было так приятно идти босиком по твёрдой лесной тропе, перепрыгивая через обнажившиеся корни огромных деревьев. Домой приходили, когда уже смеркалось, ужинали хлебом, запивая его молоком, и ложились спать. И так ходили до тех пор, пока не высыхала скошенная трава, превращаясь в сено. Его смётывали в стога, помогая друг другу, и ставили на стог свой опознавательный знак.

Это было лето 1943 года. Наша армия теснила врага, освобождая свои территории, поэтому из села начали уезжать беженцы, возвращаясь в свои родные места. Уехали Хелли, Вальве и их приёмный брат Женя. Катя осталась в доме одна, не считая взрослых. Было очень скучно. Раньше их было четверо, и они беспрестанно чем-то занимались.

– Зачем они уехали? – плакала Катя.

– Они поехали к себе домой, – утешала её мама.

– Ведь ты же любишь свой дом и село, в котором живёшь?

Катя молча кивнула головой и вытерла ладошками слёзы.

– И они тоже любят свой дом, – сказала мама.

С началом учебного года после уроков второклассникам поручалась более ответственная работа: под присмотром учителей идти в поле и собирать с земли потерянные при уборке колоски пшеницы. Их было не так и много, но к вечеру набиралась целая корзина. Пока стояла чудесная погода бабьего лета, таких корзин набиралось около десятка. Их сдавали в колхоз, обрабатывали отдельно, пекли хлеб и отправляли его в особой упаковке как вклад детей в общее дело – приближение победы над врагом. Точно так же поступали с собранными детьми плодами шиповника. В этом году его собирали первоклашки.

В начале декабря у Венки кончилось сено, а тётя Аня заболела и не могла ехать за ним в лес вместе с мамой. Поэтому мама взяла с собой Катю.

– Ты уже большая девочка, – сказала она, – и вполне можешь мне помочь нагрузить воз сена.

Мама попросила в колхозе лошадь, запряжённую в сани, к которым была привязана большая, сплетённая из прутьев корзина, которую называли плетюшкой.

Они выехали сразу после занятий в школе, около двух часов дня. Стояла пасмурная погода. Тёмные тучи нависали совсем низко. Лошадка бежала резво, и они быстро доехали до того места, где летом косили траву, нашли свой стог сена, и мама, забравшись на него, начала вилами сбрасывать его в плетюшку, а Катя, стоя в ней, старательно утаптывала сено. Очень скоро они наполнили плетюшку душистым сеном, и ещё столько же сена было над ней. Получился довольно высокий воз, который они с мамой утягивали верёвками. Катя тянула верёвки вместе с мамой изо всех сил, в результате чего возок стал ниже и плотнее.

– Полезай наверх и ложись на сено вниз животом, – сказала мама, подсаживая Катю.

Потом она залезла на возок сама и легла рядом с дочкой. Одной рукой мама держала вожжи, а другой – держалась за верёвки.

– Держись крепче, – сказала она Кате.

Девочка едва просунула руки под сеном и ухватилась за верёвки. Мама натянула вожжи, и возок тронулся. Лошадь уже не бежала, а шла шагом. В декабре темнеет быстро, да ещё из тучи посыпал снег, и стало темно, как в сумерки. Вдруг лошадь побежала рысью, потом фыркнула, заржала и понеслась в галоп по накатанной лесной дороге.

– Держись крепче! – крикнула мама. – Только бы не опрокинулась плетюшка, а сани не опрокинуты.

Они судорожно сжимали руками верёвки, вжавшись в сено, потому что на поворотах возок бросало из стороны в сторону.

– Мама, наша лошадь сошла с ума? – спросила Катя.

– Волки! – крикнула мама. – А наша лошадь умница: изо всех сил бежит!

Катя подняла голову и осмотрелась вокруг. Мимо пролетали клочки пены, вырывавшиеся изо рта лошади, а сквозь деревья и падающий снег вид-

нелись догоняющие возок тени. Они бежали стаей и были похожи на больших худых собак. Наконец лошадь пробежала замёрзшую реку и остановилась при подъёме к селу, тяжело дыша. От её спины валил пар. Волки остановились на противоположном берегу реки. В село днём они заходить не отважились. Мама спрыгнула с возка и помогла слезть Кате.

– Мы пойдём пешком: лошадка очень устала, – сказала она.

Когда лошадь отдышалась, мама взяла её под уздцы и повела в гору к селу. Катя обернулась: волки неохотно уходили в глубь леса.

Катя в этой ситуации почти не испугалась, ей просто было всё любопытно, а мама испугалась сильно, после у неё было плохо с сердцем, и она пила камфарные порошки. Зато у Венки теперь было много сена.

Вторая встреча с волком у Кати состоялась буквально через день.

Занятия в школе начинались с восьми утра, было ещё совсем темно. Пока мама собиралась, уже одетая Катя выбежала на крыльцо, и её что-то потянуло посмотреть вниз. У самой спинки крыльца она увидела большие светящиеся ярким зелёным светом чьи-то глаза. Она замерла и стояла, любуясь этими чудесными глазами. И простояла бы долго, но тут скрипнула входная дверь – это вышла на крыльцо мама. В ту же секунду от крыльца метнулась большая поджарая тень. Мама ахнула и прижала Катю к себе.

– Это был волк! – воскликнула она. – Хорошо, что ты не испугалась, иначе он напал бы на тебя. Волки чувят испуг, а ты была спокойна, и он подумал, что ты сильнее него.

Несколько дней спустя из районного центра в село приехали два солдата с автоматами и сказали жителям, что в их лесах прячутся два дезертира и что на них надо устроить облаву.

Кроме солдат, на облаву поехали председатель сельского совета и парторг. Все они были на лыжах. Их сопровождали трое десятиклассников на лошади, запряжённой в сани. В тот же день дезертиров убили, привезли в село и оставили в назидание ребятам у дороги, ведущей в школу.

На другой день Катя и её подруга, возвращаясь из школы, остановились возле них. Два молодых паренька лежали в санях без зимней одежды, спокойные, как будто спали. А снежинки кружились, падали им на лица и не таяли.

Катя впервые видела мёртвых людей, и у неё в горле застрял какой-то ком, мешающий говорить. Она усиленно глотала, пока не проглотила его.

– Глупые, зачем они убежали? – спросила Катя свою подругу.

– Они боялись того, что их убьют на фронте, – ответила та.

– Но они всё равно замёрзли бы в лесу, или их съели бы волки, – не унималась девочка.

– Ладно, пошли отсюда, – увела Катю подруга, которая была постарше неё.

Они шли молча. Теперь Катя убедилась в том, что люди могут убивать людей.

За две недели до Нового года дети оставались после уроков в школе делать украшения для ёлки.

Учителя красили бумагу в разные очень яркие цвета, резали ножницами тонкие полоски в семь сантиметров, а дети склеивали короткие полоски в колечки, задевая каждую полоску за предыдущее колечко. Получалась яркая цепь, которую они надевают на ёлку вместо бус. Делали разноцветные фонарики, из блестящей бумаги резали спирали...

И вот она стоит, большая и нарядная, в самом большом классе, где вместо парт у стен стояли скамейки. Вместо музыки мелодии напевает пионервожатая, а девочки-первоклашки танцуют танец снежинок. Другие девочки хорошо спел песню о трёх танкистах, а Нина из четвёртого класса громко и с чувством читала стихотворение о Родине.

– ...но эти три берёзки при жизни никому нельзя отдать! – прозвучали последние строки стиха.

Дети притихли, видимо, каждый думал о своём.

– Это правда, – думала Катя: – разве можно отдать врагу наш лес и наше село, занесённое снегом, где в полнолуние светло как днём, снег блестит, а из труб домов вьётся дымок? Разве можно отдать им нашу зиму, когда на солнце разноцветными огоньками сверкает снег? Сидели бы в лужах в своей Германии, а не отнимали бы чужую зиму.

Праздник заканчивался хороводом вокруг ёлки и песней «В лесу родилась ёлочка». Потом каждый ребёнок получал подарок – скромный пакетик с печеньем и двумя настоящими конфетами. И все довольные расходились по домам. Ярко светило солнце, в воздухе летели блестящие чешуйки. Катя подставила рукавичку, но на неё ничего не упало.

– Это в мороз при тихой погоде так сверкает воздух, – сказала мама.

Они с Катей зашли к девочке-первокласснице, жившей от них неподалёку, чтобы занести ей подарок. Таня не пришла на ёлку, потому что у неё не было зимней одежды. В школу она ходила в старенькой шали, повязанной на голову и закрывавшей грудь и спину, поверх которой была надета короткая кофточка на подкладке. Рукава были короткие, и между ними и рукавичками виднелась полоска голых рук с посиневшей кожей, покрытой мурашками. Она всегда ходила быстро, чтобы не замёрзнуть, бежать бегом не было сил. Таня и летом боялась холода: не купалась в речке вместе с другими детьми и убежала от дождя.

Наступил новый 1944 год. В феврале, когда после зимних каникул дети приступили к учёбе, ребят десятого и частично девятого классов срочно призвали в армию. Их увезли в районный город, месяц обучали стрельбе и прочим военным действиям, а потом отправили на фронт. Жители села приуныли, даже дети не играли в свои привычные игры, а собирались стайками и обсуждали происшедшее событие.

– Моя мамка целый день плакала, когда Вовку увезли, – сказал Женя, младший братишка призванного.

– Наша соседка тоже всё время плачет, – добавила Маша.

– Если все слёзы, которые наше село выплакало за время войны, собрать вместе, наверное, получится река или даже – озеро, – рассуждала Катя.

– Когда я вырасту большой, – мечтательно про-

говорил Женя, – выгучусь и построю красивое озеро прямо на нашей площади. И назову его «Озеро слёз».

И он старательно решал задачи по арифметике, записывая решение на пожелтевшей книге тростниковой палочкой с воткнутым в неё металлическим пером вместо ручки и чернилами, сделанными из печной сажи.

В то время тетради выдавали только ученикам первого и второго классов и то лишь на уроки чистописания. На остальных уроках школьники писали или на книгах, или на самодельных тетрадях, сделанных из обёрточной бумаги.

В школе занятия проходили вяло. Ученики девятого класса на уроках всё время оглядывались на пустующие места своих товарищей, тех, кто родился в 1925 году. После занятий все школьники спешили по домам, потому что у многих в семье кто-нибудь болел и нужно было помогать взрослым. Только Рина уходила последней: она укутывала в обрывок стёганого одеяла ножки младшего братика, сажала его на санки и везла домой. Братишка в этом учебном году пошёл в первый класс, а зимней обуви у него не было, поэтому Рина привозила его в школу на санках, а после занятий в школе отвозила домой. Сама же Рина вместе с Катей училась во втором классе.

В апреле их класс приняли в пионеры: выстроившись в линеечку, они хором дали клятву верности Отечеству, им повязали на шею красные галстуки и наказали беречь их, а к первому мая – галстуки выстирать и отгладить.

День на первое мая выдался солнечный и жаркий. Колонна демонстрантов начиналась со старших школьников, которые несли знамёна. За ними шли пионеры с барабанщиком во главе. Эту роль исполняла Катя – ей лучше всех удавалось выбивать разнообразные ритмы. За пионерами шли все остальные школьники. Труды военрука не пропали даром: все дети шли строевым шагом, в ногу, ровными рядами.

Демонстранты сначала проходили по улицам до конца села, а оттуда возвращались по главной улице к зданию сельского совета, с высокого крыльца которого их приветствовали председатель сельского совета, партторг и директриса школы. После митинга все расходились по домам усталые, но гордые доверенным делом.

Летом школьники с третьего по девятый класс готовили школу к новому учебному году. Ребята из девятого класса ремонтировали оконные рамы, вставляли стёкла, а девочки их мыли и утепляли окна. Школьники восьмого, седьмого и шестого классов красили парты, все остальные – мальчики носили воду, а девочки мыли пол. Поскольку ремонт школы шёл поэтапно, то работали не все вместе, а согласно очередности работ, и он затягивался на месяц и даже больше. Летние каникулы проходили в привычном уже ритме: полевые работы, косьба травы, заготовка дров. Трудились учителя и старшие школьники. Сбор колосков и плодов шиповника оставляли младшим.

От ребят, ушедших на фронт, не было никаких вестей. Их матерей успокаивали тем, что фронт теперь далеко, даже за пределами страны, и письма идут долго.

В конце лета в село пришла помощь из Америки в виде банок какао, свиной тушёнки и шпига – солёного сала, нарезанного кусочками и обваленного чем-то коричневым. Учителя срочно организовали прямо во дворе школы оздоровительную площадку для особо истощённых детей и кормили их заморскими продуктами. Учителям тоже дали по баночке свиной тушёнки. Мама за обедом поделила эту баночку на три части, и семья полакомилась впервые за все эти годы. Такой вкусной еды Катя ещё никогда не пробовала.

Начался новый учебный год, миновали осень и начало зимы, дети отпраздновали очередную ёлку, а вслед за этим наступил новый 1945 год.

За последние три года в селе много семей получили похоронки или уведомления о без вести пропавших бойцах. Такое уведомление получила и мама ещё в 1943 году. Те семьи, у которых отцы или сыновья были живы, получали от них посылки с консервами или удивительными по своей красоте тканями.

– А когда в нашем магазине будут продавать такие материи? – спрашивала Катя у мамы и тёти Ани.

– Когда ты вырастешь большая, – отвечали взрослые, – тогда будут продавать такие ткани. А сейчас мы и мешковине были бы рады.

Прошла великолепная, снежная, русская зима. По улицам бежали ручейки. Катя уже не пускала по ним кораблики, как раньше, считая себя почти взрослой, ведь ей скоро должно исполниться десять лет.

В апреле школьников третьего класса потрясла печальная новость – умер их одноклассник, сын одной из учительниц – Артур Мамаев. Он был тихим, не играл в подвижные игры, часто сидел на крыльце и задумчиво смотрел вдаль. Учился он только на отлично, особенно любил решать сложные задачи. Однажды он простудился, заболел и умер. Так же тихо умер, как и жил. Его хоронили всем классом на кладбище, которое было в ста метрах от школы.

Дети молчали, молчали и учителя. Только его мама без конца повторяла:

– Туся, Туся, зачем же ты ушёл?..

У Кати перед глазами всё время стояла картина похорон и бледное, спокойное лицо Артура.

– Девочки, помните, – спросила Катя, – ему прошлым летом в поле, когда собирали колоски, сделалось плохо? Его ещё Варвара Петровна водой из бутылки поливала. Может быть, он уже тогда болел?

– Может быть, – ответила Рина, – он ведь никогда ни на что не жаловался.

Они с девочками и ребятами после уроков собирались стайками и обсуждали вести, приходящие с фронта.

– Наши фронтовики добивают фашистов, – сказал Шурик.

– Скорее бы их добились, – ответила Рина. – Надоело по карточкам хлебные крохи получать.

Мать у Рины была больна, и отоваривать хлебные карточки приходилось ей.

– Обидно, если кто-то из наших солдат погибнет перед концом войны, – вздохнула Катя.

А то, что война скоро закончится нашей победой, никто из них не сомневался. Недаром считают, что дети обладают какой-то долей предвидения.

И вот она пришла, долгожданная победа. Пришла неожиданно 9 мая ясным солнечным утром после прошедшего накануне дождя. Это надо видеть, что творилось с жителями села. Все высыпали на улицу: обнимались, плясали и плакали. Горевали о погибших и радовались за оставшихся в живых. Дети сновали между взрослых, возбуждённые и радостные. Младшие из них, которые не помнили мирного времени, удивлённо спрашивали:

– А разве так бывает, когда нет войны?! И никто не убивает людей?

– ДА! Бывает! – отвечали им взрослые. – Только так и должно быть, чтобы на Земле воцарился МИР!

Послесловие

В этой повести нет ничего придуманного. Все описанные события происходили в действительности. Это воспоминания, облачённые в форму художественного произведения.

Все дети понимают больше и чувствуют глубже, нежели об этом думают взрослые. А дети военных лет отличаются от детей мирного времени: они раньше взрослеют, становятся более ответственными, и у них глубже проявляется любовь к своей малой Родине, которую они боялись потерять.

Характерно, что в годы войны дети в войну не играли. Игры были разнообразными, но только не в войну. Они начали играть в неё гораздо позже, когда прочно установился мир.

Все дети военных лет – жители вышеописанного села, повзрослев, стали полноценными гражданами своей страны. Из них вышли учителя, агрономы, врачи, капитаны речного пароходства и даже подводники, плавающие на субмаринах.

Никто из них не сбился с пути, не стал алкоголиком или наркоманом. Все имели благополучные семьи. А главное, они честно трудились и берегли своё честное имя.

Памятник детям войны в Ульяновске

Пять лет назад на площади 30-летия Победы, возле обелиска был открыт памятник «Дети войны». Автор композиции – москвичка Мария Галас.

Бронзовая скульптурная композиция, изображающая девочку с узелком и мальчика с вязанкой хвороста на санках, была открыта 28 апреля 2015 года.

Памятник детям войны стал дополнением мемориального ансамбля на площади 30-летия Победы. На строительство памятника был объявлен народный сбор средств, инициатором создания памятной скульптурной композиции стал Совет ветеранов Ульяновской области.

Борис Эрастович Шафрат - Сталь

родился в Санкт-Петербурге
1.01.1897 г.

в семье потомственного
дворянина Эраста Эрастовича
Шафрат и купчихи I гильдии
Анны Михайловны Шафрат

Борис Крымский

Татьяна ТОЛОКОННИКОВА, руководитель Ульяновского городского клуба поэтов, член Российского союза профессиональных литераторов.

Об отце

Мой папа, Борис Эрастович Шафрат, родился 1.01.1897 года в Санкт-Петербурге в семье потомственного дворянина Эраста Эрастовича Шафрат, и купчихи первой гильдии Анны Михайловны Шафрат. Во времена Петра I прапрадеда – штабс-капитана Эраста Эрастовича Шафрата – пригласили в Россию из Германии. Он остался в России навсегда. Обрусел, а его потомки все несли и несли немецкую фамилию, хотя и были уже русскими. Папа учился в царской гимназии, а потом (уже при Советской власти) в высшем военном артиллерийском училище в Санкт-Петербурге. В революцию ему было 19 лет. Гражданскую войну закончил в чине капитана химического войск. Перед Великой Отечественной войной получил Госнаграду за изобретение краски для танков. Во время войны выступал с концертными бригадами на передовой прямо в окопах, поднимая дух защитников Родины. Он писал стихи, дружил с питерскими поэтами, посещал «Зеленую лампу» вместе с Сергеем Есениным. После войны женился на моей маме и воспитал меня и брата. Работал фотокорреспондентом «Комсомольской правды» и других изданий, был кинологом-любителем, обладал еще многими талантами. Неисправимый оптимист, он всегда помогал людям. Как артист умел найти подход к любому человеку. Его все любили. Он ушел из жизни летом 1976 года в Ростове-на-Дону. Остался его большой альбом со стихами и еще больше воспоминаний из его удивительно эмоциональных рассказов. Как мастер художественного слова и поэт носил псевдоним Борис Крымский и Борис Сталь. Много выступал по всей России. Успех всегда был грандиозный (так говорила мама). Она его боготворила. Была младше папы на 29 лет. Была с ним до последней минуты. Царство небесное моим дорогим прекрасным родителям и огромная благодарность!

Борис ШАФРАТ-СТАЛЬ (псевдоним Борис Крымский) (1897 – 1976). Участник Великой Отечественной войны, мастер художественного слова, поэт.

КЛЯТВА НА ПИСКАРЁВСКОМ КЛАДБИЩЕ

СЛОВО ЛЕНИНГРАДЦА

За прочный мир, за мощь своей страны
За сердце Родины зубами будем драться.
Не быть тому, чтобы врагу пробраться
К могилам, где похоронили мы
Свои счастливые мечтанья и надежды.
Здесь каждый камень сердцу говорит
О том, как умирали бунтари,
Под пытками не закрывая вежды,
И ждали мщенья. Где пламенем горит
Написанное кровью слово «Ненависть»,
Где неприступной крепостью стоит
Наш Ленинград – мой Ленинград любимый.
Угодно, может быть, пожаловать кому?
Так мы еще не разучились драться!
Пусть клятвой у могил пороку тому
Произнесут свободные сыны
В кольце блокады и в огне войны
Проверенное слово ленинградцев!

12 июля 1946 г.
г. Азов, Ростовская обл.

РЕКВИЕМ

З. Космодемьянской

Мы только прах вставанием почли,
Но подвиг Твой останется бессмертен.
Кто там сказал, что нет ее? Не верьте!
Она сейчас прошла... Вот здесь почти...

И звуки голоса еще не отлетели
Из этих стен. Пусть прозвучат в сердцах
Слова, что бросила в декабрьские метели
Отважных сыновей достойная сестра.

Им тесно на земле. Бескрайнею любовью
С Петрищева они войдут в века.
Не вырвет их забрызганная кровью
Жестоких войн черная рука.

С ваятелем, с художником, с поэтом –
Везде, где может пролететь молва,
Как знамя Родины пройдут по белу свету
Пылающие Зоины слова.

Про подвиги, подхваченные песней,
Войдут они в былины и стихи
О девушках, что не было чудесней,
О Родине, что воспитала их.

Пусть знает Мир, что мы на поле боя,
Родные защищая рубежи,
Пойдем на смерть, как шла на пытки Зоя,
За светлую, за радостную жизнь.

Попробуйте грядущее измерьте
Или заставьте звезды не гореть.
Кто там сказал, что нет ее? Не верьте!
Бессмертная не может умереть!

*29 декабря 1947 г.
Алушта. Крым*

ГОСПИТАЛЬ

Приладив паутину к потолку,
Паук-наильник муху поволок.
(Попалась муха в лапы пауку...)
А я без ног...

*27 марта 1947 г.
Джанкой. Крым*

9 МАЯ

Пока через Шпрее качались понтоны,
История в груди горящего хлама
С театра войны собирала патроны
Последнего акта чудовищной драмы.

Сорвалась премьера. Позорно играя,
Фигляры ушли, не дождавшись овации,
А мы написали: «9 Мая!»
На траурном занавесе капитуляции.

В ЧАДУ ВОЙНЫ

В чаду войны пылающих годин,
Когда к победе нас вела дорога,
Два полюса сместились в один:
Любовь и Гнев славянского народа.

Родная Русь, Тебе уже не вновь
Незванные, напрашенные гости,
Но гнев к таким и Родине любовь
Хранит союз несокрушимой мощи.

Придет пора – Ты будешь не одна,
Любимая народами, родная
Святая Русь... Живи, моя страна,
Свободная от края и до края!

*30 августа 1949 г.
Рига. Гостиница «Савой»*

ОТОМСТИ, ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ

Не скучай, если я не вернусь.
(Бог со мной и с моими заботами.)
Не скучай, если вновь обманусь
И к тебе не вернусь. Не скучай!

Полюби эти грозные дни,
Пусть звенит эта песня про молодость.
Повтори нашу сказку с другим
И в другом, что мое, полюби.

Не грусти, если этой зимой
Все предчувствия горькие сбудутся...
Все равно мои песни забудутся
И наступит покой. Не грусти.

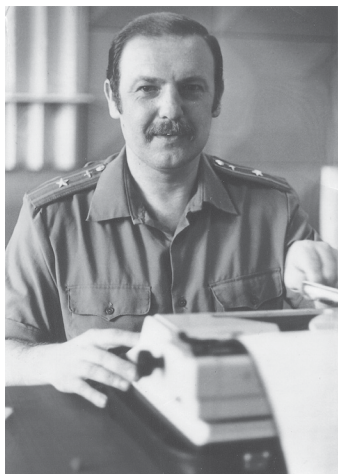
Отомсти за меня и любовь,
Что не дали испытать до забвения.
Отомсти! В опьянении мщенья
Слаще жить... Отомсти за любовь!

Не скучай, если есть человек,
Полюби. Я простишь поклонюсь.
Не грусти, но запомни навек:
Отомсти, если я не вернусь!

1945 г.

Фёдор ОШЕВНЕВ, Ростов-на Дону. Член Союза журналистов России, член Союза российских писателей. Майор внутренней службы в отставке. Участник боевых действий. Лауреат литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова.

МЕЧТА ДЕСАНТНИКА

Федор Ошевнев

Живых фронтовиков сегодня осталось крайне мало. А мой отец, закончивший войну старшим сержантом, помкомвзвода, ушел в мир иной еще в июле 1999-го...

До выхода на пенсию мы чаще озабочены текущим днем и его насущными проблемами, многое иное откладывая на потом. И как часто потом оказывается, что опоздали, упустили расспросить родителей о важном, главном... Недодали

подарившим нам жизнь заботы, внимания, тепла. Недожалели, не уберегли. Увы... Но хоть о чём-то сугубо значимом, насущном для них узнать-таки удалось?

Отец мой, Михаил Фёдорович Ошевнев, вырос в селе Девица, в глубинке Центрального Черноземья. Десятилетку окончил в 1942-м, восемнадцать лет ему сравнялось 23 января 1943-го. А назавтра, в сельсовете, парню вручили повестку из райвоенкомата, обязующую прибыть туда через день. На обороте бланка было указано: «Остричься наголо, иметь с собой документы, нательное белье и продукты». Ниже, нелепым пунктом, стояло: «Громоздких вещей с собой не брать».

Отец призывника, до войны колхозный молотобоец, к тому времени более года числился пропавшим без вести где-то под Смоленском. Теперь настал черед сына заменить родителя на защите Родины.

Поначалу новобранец попал в учебные лагеря, развернутые на территории бывшей Троице-Сергиевой лавры. Крупнейший мужской монастырь был закрыт еще в 1920-м, а часть его помещений перестроена под жилье и склады. Но в 1940-м постановлением Совнаркома комплекс зданий в черте крепостных стен объявили государственным музеем-заповедником, на восстановление памятника старины выделили немалые средства, и вскоре начались реставрационные работы. Вот только война сразу внесла жесткие коррективы...

Тесно расквартированная по бывшим монастырским кельям армейская молодежь настойчиво обучалась азам военного ремесла. К сожалению, о деталях первых дней срочной службы отец упоминал мало. Мне запомнились какие-то вовсе не относящиеся к боевой подготовке моменты. Скажем, что по ночам спящих сильно донимали полчища клопов, гнездившихся в старых матрасах.

И еще отложилось в памяти, как отец отмечал, что кормили солдат в тыловой части скудно. Основу рациона составляли ржаной обойный хлеб, крупы и макароны, картофель и овощи. Мяса и рыбы причиталось совсем чуть-чуть. Плюс неизменный чай и по три куска сахара на день к нему. (О махорке и мыле речь сейчас не идет.)

Сливочного масла и других молочных продуктов, консервов, печенья и фруктов, а также – замечу особо – яиц рядовому составу не полагалось. Масло, печенье и рыбные консервы выделяли лишь среднему и высшему начальствующему составу – впрочем, совсем в малом количестве, разве что губы помазать.

Усиленный паек тогда получал только летно-технический состав ВВС. Для особой же категории – боевых расчетов экипажей самолетов – предусматривался не только ржаной, но и белый хлеб, по двести граммов свежего молока, двадцать граммов сгущенки, творога и сыра, десять – сметаны и сухофрукты для компота. Летная норма включала еще пол-яйца в сутки; то есть крутое яйцо дополняло завтрак через день.

Отец рос единственным ребенком в семье. Почему так случилось? Слышал, как моя мать говорила, что у ее свекрови были проблемы по женской части. Родители его всегда держали корову, кабанчика, кур, кроликов. Последних – чтобы их мясом рассчитывать перед государством за право иметь в личном хозяйстве буренку. За нее с любого двора взимали по двести пятьдесят литров молока и по восемь кило масла в год, да плюс к натуральному оброку добавлялся денежный, в сумме пятьдесят рублей. Госпоставки включали еще фиксированное количество тех же кроличьих

5 июля 1942. Михаил Ошевнев, выпускник средней школы №2 г. Усмани

шкурок, картофеля, овощей, яиц и других продуктов, полученных со всякого приусадебного участка. И это – помимо единственного сельхозналога! Реальное же состояние хозяйств просто не учитывалось. Порой неподъемные налоги отдавать было нечем, и тогда фининспектора безжалостно отбирали скотину, об-

рекая семью на нищенство.

Какое-то количество молока семье всё-таки оставалось. По большей части оно шло на переработку с дальнейшей продажей: ведь для животных нужно было покупать корма, да и многие прочие расходы накладывались. На трудодни-то деньгами выдавались копейки... Так что если и водились в доме сметана, творог и масло (сыра никогда не варили), то далеко не каждый день. Где уж чтоб досыта ими наестся... То же касалось и яиц.

Ах, какие блинцы творила отцова мать по праздникам! По старинному рецепту, на чугунной сковороде. Из взбитых отдельно яичных белков и желтков с сахаром, в которые, соединенные, добавлялись теплое молоко и масло и затем мука, – так, чтобы тесто вышло жидким. Половником она лила его на край сковороды, ловко вращала ее – и тесто равномерно растекалось по раскаленной поверхности чугунины. Выпеченные блинцы собирались в стопку, промазывались топленным маслом и перекладывались мелко нарубленными крутыми яйцами.

Коронным же блюдом была яичница-глазунья. Непременно из свежих яиц, жаренная на сливочном масле в той же сковороде и украшенная затем зеленью. Такое яство отец предпочитал даже мясной пище. Однако любимым кушаньем его баловали редко, а с началом войны и уходом на фронт кормильца семье и вовсе пришлось как никогда тяжело – впрочем, равно как и другим односельчанам.

И вот теперь, на армейской службе, в темпе поедая в столовой жидкий борщ или суп и перловку-кирзуху либо рис, лишь слегка сдобренный тушенкой, при полном отсутствии богатых белками продуктов, отец не раз вспоминал домашнюю глазунью. И блинцы с сытной прослойкой, и сметану, и масло, и творог... Ему и его сослуживцам, еще растущим парням, урезанной продовольственной нормы военных лет катастрофически не хватало. Столовую они всегда покидали полуголодными.

О счастье сытости им оставалось лишь мечтать. Пусть каждому на свой лад, поскольку призывалась молодежь со всех концов страны. Ведь у всякого народа в той или иной местности всегда есть свои любимые блюда. Их-то постоянно и рисовало воображение. Голод не покидал воинов, утвердился в сознании особым состоянием, напрямую влиял на чувства и ощущения, по сути, слился с людьми.

Отец в своих «едовых» фантазиях наичаще представлял огромную сковороду с глазуньей из двадцати яиц. Откуда взялось это круглое число, не задумывался. Но в аккурат столько – ни больше ни меньше! И как он не спеша, один за одним, с аппетитом наворачивает поджаренные желтки, заедая их блинцами и запивая домашним молоком... Ну что еще в те грозные дни могло казаться в жизни прекраснее?

Эх, мечты, мечты... А наяву – начальные признаки истощения: потеря веса, общая слабость, быстрая утомляемость. Среди дня накатывала сонливость. Иные из бойцов легко простужались, кого-то мучило, у самых хилых начинали отекают ноги. И ничего нельзя было с этим поделать...

Отдельной темой. Во время войны особое внимание уделялось солдатским письмам – един-

ственной ниточке связи с домом. Послание от родных могло как поднять боевой дух, так и серьезно подкосить воина. Посему любое письмо на фронт и с фронта проходило тотальную цензуру. В целях секретности запрещалось указывать дислокацию части, ее вооружение, имена командиров, иные сведения, по которым можно было бы раскрыть подразделение. Но ведь и посвящать домашних в тяготы службы строжайше не дозволялось! «Никаких упадочных настроений!» – в первый же день указал замполит. Оттого-то в основном сообщали о погоде, заверяли, что любят дорогих сердцу людей, и что в части «кругом всё хорошо» – с рекомендуемым уточнением: «а кормят сытно, вкусно, лучше, чем дома».

В непрерывной борьбе с недоеданием прошли зима и часть весны. К маю отца, как окончившего десятилетку, направили на обучение в Моршанское военное стрелково-минометное училище, готовившее младших командиров. Многие его преподаватели уже понюхали порошу и теперь умело передавали подчиненным богатый боевой опыт.

Занимались минометчики по десять часов в сутки плюс два – самоподготовки, совмещая учебу с несением гарнизонной службы и во внутренних нарядах. Осваивали многие виды вооружений: от винтовки Мосина до минометов различных систем. Изучали тактику, инженерное дело, топографию, санитарное дело. Но особое внимание уделялось огневой подготовке. Пулемет «максим» каждый знал до последнего винтика и мог применить его в различных видах боя.

Однако продовольственное обеспечение курсантов оставалось таким же бедным, как и раньше, в военных лагерях. При огромной физической нагрузке будущие командиры питались по той же тыловой норме. Однообразно, малокалорийно, почти впроголодь. (Теперь уже не секрет, что это являлось нормой жизни и для других армейских училищ.) Отсюда извечная тема курсантских разговоров: «Скорей бы на фронт, уж там-то точно получше кормят». Зачастую писали рапорта о досрочной отправке на театр военных действий – мнилось, что в реальной боевой обстановке вся жизнь изменится, а ежедневный смертельный риск горячие головы не брали в расчет. По молодости-то многие убеждены в своей счастливой звезде. Но цифры потерь беспощадны: за 1942 – 1945 годы только Моршанское военное училище подготовило для Красной армии более десяти тысяч офицеров, и почти девяносто процентов из них погибли в боях. В те дни Я стало незначимым, его заменило могучее Мы. Ведь единственным смыслом жизни всех фронтовиков было спасение Родины любой ценой, разгром клятого врага...

При всём при том мечта о возжеленной двухдесяточной глазунье так и не покидала бойца, заявляя о себе – то во время напряженной учебы или на физподготовке, то при несении «нарядной» службы или на хозработах, а порой даже в койке, перед глубоким сном.

Отцу не суждено оказалось окончить курс обучения полностью: фронт настойчиво требовал людей. Вместо погон младшего лейтенанта ему и его однокашникам вручили сержантские, торже-

ственно напутствовали на городском стадионе – и вот уже набирающий скорость состав с необстрелянными бойцами отправился в пекло сражений...

Новоиспеченный сержант Михаил Ошевнев прибыл на 3-й Украинский фронт, в один из моторизованных минометных полков и там командовал расчетом 122-м миномета. Вскоре он заслужил свою первую боевую награду – нагрудный знак «Отличный минометчик».

К сожалению, об этом достаточно длинном – по фронтовым меркам – периоде армейской жизни отца не знаю практически ничего.

Помню только, как он упоминал, что в десантные войска попал осенью 1944-го. Много позднее, призвав на помощь интернет, я узнал, что как раз тогда в составе ВДВ была создана Отдельная гвардейская воздушно-десантная армия. В один из ее корпусов входила 8-я гвардейская Первомайская воздушно-десантная дивизия, прибывшая с Воронежского фронта для доукомплектования. Затем – в связи с расформированием армии в конце декабря – соединение было переименовано в 107-ю гвардейскую Первомайскую стрелковую дивизию. В ее составе был 352-й гвардейский стрелковый полк (ГСП), где в минометной роте отец в дальнейшем воевал командиром отделения.

В феврале-марте 1945-го он с боями прошел немалую часть Венгрии. Но так уж вышло, что за те сражения к правительственным наградам представлен не был.

Зато о дальнейшем его боевом пути, уже по Австрии, поведали наградные листы, которые моя дочь нашла в сети (орфография и пунктуация их сохранены):

«Тов. Ошевнев М.Ф. в бою 3 апреля 1945 года за город Винер Нойшдадт проявил смелость и отвагу. Его минометный расчет всё время в бою действовал неотступно со стрелковыми подразделениями. Подавлены 2 вражеские пулеметные точки противника и уничтожена одна немецкая минометная батарея, тем самым было обеспечено дальнейшее продвижение батальона.

Достоин Правительственной награды ордена «Красная Звезда».

Командир 352 гсп гвардии подполковник Шутов».

А также:

«Тов. Ошевнев Михаил Фёдорович в боях 10-12 апреля с/г в городе Вена, действовал мужественно и отважно. При форсировании Мало-Дунайского канала, он подавил 3 огневых точки противника, тем самым обеспечил продвижение наших стрелковых подразделений. При отражении вражеских контратак огнем из миномета уничтожил 2 расчета станковых пулеметов и до 25 немецких солдат и офицеров.

Достоин Правительственной награды ордена «Славы» III степени.

Командир 352 гсп гвардии подполковник Шутов».

Сам же отец рассказывал, что перед Венской наступательной операцией, начавшейся 5 апреля, город представлял собой настоящую крепость. На подходе к нему были открыты сплошные противотанковые рвы, улицы пересекали баррикады, ка-

менные дома напичканы огневыми точками, мосты минированы. В ожесточенных боях немцы не раз пытались контратаковать. Бои шли за каждый квартал, за любое здание, не стихая ни днем, ни ночью. И лишь 13 апреля, после решающего штурма, столица Австрии наконец была освобождена полностью.

Позднее учредили медаль «За взятие Вены», и отец был награжден ею – как раз вместе с вручением двух вышеназванных орденов, уже летом 1945-го.

Однажды он упомянул, что незадолго перед Венской операцией у него пропала опасная бритва. Сам потерял либо кто-то под шумок тиснул – случилось на фронте, увы, и такое, – в общем-то, сути не меняло. Щетина у него росла густая и быстро – бриться начал с четырнадцати лет, – а командиры требовали от бойцов, ко всему прочему, и «опрятного внешнего вида». Вот и приходилось одалживать личное средство гигиены то у одного, то у другого сослуживца. «Опаску» давали, но явно нехотя. А магазина мужских принадлежностей поблизости не наблюдалось...

И вот в один из дней штурма Вены отец и еще несколько солдат прочесывали богатый двухэтажный дом, ища затаившихся врагов. Ни их, ни хозяев особняка не обнаружили. Зато в ванной отец углядел на полочке под зеркалом две опасные бритвы «Solingen». И еще – станок для бритья: стальной, с тяжелой рукояткой, богато украшенной мелкой резьбой. В самом низу рукоятки, по окружности, шла тончайшая гравировка: «ASAN Patent Colonna». Станок вкладывался в защелкивающуюся металлическую коробочку, выстланную фиолетовым бархатом. Внутри нее имелись два миниатюрных ящичка, открытых с торца, – для хранения безопасных лезвий. И ящички, и коробочка – никелированы.

Бритвы и станок с коробочкой для переноски отец забрал в качестве трофеев. Впоследствии, уже на 40-летие Победы, станок он подарил мне, как раз приехавшему к родителям в отпуск, – на память о своем фронтовом прошлом.

Нештатный момент меж боями. Перед форсированием Мало-Дунайского канала бойцы минометной роты стали свидетелями зрелища не для слабонервных. На берегу лежала туша убитой и уже разлагающейся лошади. Из канала на влекущий запах устремились сотни раков. Они едва ли не полностью облепили убоину шевелящимся ковром, а из воды спешили всё новые членистоногие, желающие полакомиться падалью, и бесконечной колонной маршировали к «ароматной» пище.

Лишь малая деталь изнаночной стороны войны, во всей ее омерзительности.

Ни один из солдат тогда на дармовую армию

Трофейный станок

усачей не польстился. Отец после этого случая раков уже не ел, хотя раньше, подростком, с товарищами не раз вылавливал их из деревенской речушки и варил в ведре на костре.

Надо сказать, что к тому времени его личная «едовая» мечта не столь часто уже напоминала о себе. В боевых условиях питались, и, верно, лучше, чем в тылу.

Что ж, тогда вся страна работала на фронт и туда же направлялась основная масса продовольствия. Десятки тысяч армейских поваров старались улучшить и разнообразить рацион бойцов. И немало ветеранов с годами уверяло, что вкус военных каш был отменен и не сравним ни с каким деликатесом.

Довелось отцу отведать и трофейных продуктов из немецких сухих пайков. Супа из непривычного горохового концентрата, мясных консервов и сардин, консервированной колбасы и голландского сыра, кофе с добавкой цикория и еще – шоколадных батончиков. И вовсе не понравились, горьковаты... А один из батиных сослуживцев, успевший повоевать в Германии и переведенный в минометную роту после ранения, рассказывал, что немцы широко производят маринованные куриные яйца, которые закатывают в банки, и ему однажды выпало попробовать этот причудливый харч. На вкус ненашенский разносол оказался не ахти.

– Какие же фрицы идиоты, добро на говно переводить! – возмутился тогда отец – Да разве можно яичные консервы – и с глазуньей с пылу с жару – сравнить?! К тому же маринад наверняка во многом витамины убивает.

– Каждому свое, – заметил сослуживец. И не совсем в строку добавил: – Оно ведь что русскому хорошо, то немцу смерть. Вот от русской руки он свою смерть скоро и примет...

Теперь – об особом жизненном событии тех фронтовых лет. Апрельским вечером, накануне боя у подножья Австрийских Альп, отца принимали в члены ВКП(б). Уже взрослым я однажды спросил, как сформулировал он в своем заявлении причину, почему хочет стать коммунистом.

– Станный ты какой-то вопрос задал, сын, – ответил тогда папа. – В то время все бойцы писали одинаково: «Чтобы еще лучше и больше бить фашистов...».

Сам я, отслужив несколько лет командиром взвода в учебном полку, куда попал после гражданского вуза – таких не прошедших военное училище офицеров кадровые армейцы едко именуют «пиджаками», – в КПСС не стремился. Но вот летом 1985-го меня вызвал к себе начальник политического отдела и огорошил вопросом: а до каких еще пор я буду шлангом прикидываться? Так сразу и не понял, куда именно клонит подполковник. Но тут он взял быка за рога:

– Ты почему в партию не вступаешь?

Я стал объяснять, что, мол, пока не созрел носить высокое звание коммуниста... На деле же прекрасно понимал, что в армии в случае проколов всегда отчитывают и наказывают дважды: как по командирской линии, так и по партийной. Да и с беспартийного (из комсомола уже выбыл по возрасту) спрос всегда меньше.

– Вот я и говорю: шланг, да еще гофрирован-

27 сентября 1947 г. Гвардии старший сержант М.Ф. Ошевнев с невестой, позднее супругой – И.И. Стрельниковой, много лет проработавшей заместителем главврача Усманской районной больницы.

ный, – гнул свою линию начпо. – Звание капитана получил, в Литературный институт поступил, а как в партию, так «не созрел»?! Ты мне тут ваньку-то не валяй! Авторучка с собой?.. Вот и отлично. Немедля пиши заявление!

– Мне еще подумать надо... – сделал я жалкую попытку вырваться из цепких лап «ставленника ЦК», как кичливо именовал сам себя подполковник.

– Пока не напишешь, из кабинета не выпущу! – зло рявкнул он.

Я сдался и написал. Теперь, через много лет, понимаю: не получи я через год партбилет, меня бы не перевели впоследствии в окружную газету. Вообще никогда бы туда не взяли. Все военные журналисты обязаны были быть партийными!

Согласитесь, абсолютно разные у нас с отцом оказались причины влиться «в первые ряды строителей коммунизма».

Победу отец встретил в Чехословакии...

А 23 июня 1945-го вышел Закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». Согласно ему, в последнюю, шестую очередь из Вооруженных сил в феврале-марте 1948-го должны были уволить всех бойцов 1925 года рождения. Пока же – поди-ка, старший сержант Михаил Ошевнев, еще послужи. В Звенигородке Черкасской области и снова в десантной части.

В первый же свой отпуск после призыва на малую родину отец прибыл лишь в конце сентября 1947-го. Со слезами встретившая его, сильно постаревшая за годы расставания мать – а ей не исполнилось тогда еще и сорока пяти – сообщила, что уже дважды ездила в облвоенкомат, в Воронеж, но никаких сведений о пропавшем без вести муже так и нет, и уткнулась в сыновью широкую грудь, на которой тихо звякнули фронтовые награды...

На следующий день по случаю приезда отца состоялось скромное застолье, на которое были приглашены родственники.

На той трапезе виновник торжества и поведал гостям о своем заветном армейском желании. А мать это запомнила. И два дня спустя, усадив сына завтракать, торжественно поставила перед ним большую сковороду с приготовленной на сливочном масле глазуньей, щедро украшенной петрушкой

кой и луком. Часть яиц ей пришлось занять у соседок, чтобы все утешные были...

Радость, праздник, эйфория! Отец сидел в родной избе, помнившей его первые шаги, рядом стояла дождавшаяся наконец-то сына с войны счастливая мать, всё крестившаяся на простенькие фольговые иконы в переднем углу – бабушка была истово верующей (увы, она умерла, так и не узнав о судьбе мужа; сведения же о пленении деда и его гибели в концлагере в апреле 1942-го я лишь в третьем тысячелетии разыскал через интернет), а на столе перед ним – воплощение его голодных грёз пороховых лет...

Спасибо тебе, самая лучшая на свете мама...

Есть такой махровый литературный штамп: «Ком подступил к горлу». Это случается при сильном волнении, вызывающем спазм мышц гортани. У отца тогда так и произошло. Чтобы успокоиться, ему пришлось выхлебать кружку колодезной воды. Затем он невольно, почти по-детски, пересчитал целные желтки. Да, ровно двадцать! И вооружившись старинной вилкой с деревянной ручкой и большим куском ржаного хлеба домашней выпечки, принялся за явно удавшуюся глазунью, время от времени прихлебывая из стакана свежее молоко...

Вот съеден первый желток... третий... пятый... Странное дело – возникшее чувство эйфории угасало с каждым проглоченным яйцом. Шестой желток... седьмой... Зато нарастало душевное опустошение: на глазах исчезало то, что в мыслях так долго желалось получить. А взамен рождалась горечь утраты, потери своеобразного лучика жизни. Восьмой... девятый желток... Мечта по-своему вдохновляла, но ведь совсем не ради того, чтобы в итоге от пуза нажраться любимой пищей, воевал папа сам и канул в небытие его отец, а мать на пределе сил пласталась в тылу, внося свой крестьянский вклад в Победу!

Десятый желток был последним, который, принудив себя, одолел папа. Поблагодарил мать, уговаривавшую сына покушать еще: мол, ведь ты так хотел яичницы, съел же лишь половину сковороды...

Но он решительно отказался, оставив недоеденную «мечту» на столе, вышел из избы и присел на лавочку в палисаднике, меж двух берез, которые на следующий день после свадьбы посадили родители. Почти за четверть века белоствольные деревья вымахали метров на пятнадцать, если не выше.

Отец чувствовал себя смятенно, сознание противилось происшедшему.

«Так чтобы убить желаемое, его просто надо

08.05.1990. М.Ф. Ошевнев

целиком исполнить?» – непривычно размышлял он.

До конца разобраться с безрадостным свершением вождя он так и не смог. Но это-то как раз было жизненно, обыденно. Никто ведь не обязан постоянно уяснять свои поступки – в данности всё обстоит куда проще. Деревенский парень, пусть и прошедший фронт, отец тогда не догадывался, что в создании «глазуньичной» фантазии участвовала лишь куцая часть его психики, без конца подпитываемая голодом. Это не хорошо и не плохо, подобное случается сплошь и рядом. И над такими ситуациями «непостижения себя самого» нет смысла напрягаться. На лавочке же, под березами, он лишь трудно, надрывно принял, что его давняя армейская мечта умерла и похоронена – мимовольно, тихо, без почестей.

И еще: взамен образовавшейся душевной пустоты непременно следовало искать что-то новое и более значимое. Или, другими словами, активно жить дальше!

Именно в тот день было принято важнейшее решение: после демобилизации поступать в пединститут, на исторический факультет.

Отец пока не знал, что ему придется отслужить в войсках еще два с половиной года. Командование части никак не желало его отпускать, открыто нарушая сроки демобилизации... Ведь к тому времени он стал лучшим старшиной роты в полку. Вот его всяко и склоняли остаться в армейских рядах на постоянной основе. Так что уволиться на гражданку ему удалось лишь в апреле 1950-го.

Поступить в вуз, с учетом боевого прошлого, оказалось не столь уж и трудно. Зато учиться все годы только на отлично, вести большую общественную деятельность, участвовать в работе ученого совета – выборным представителем от студенчества, – и на третьем курсе стать Сталинским стипендиатом... Вот это потребовало колоссальных усилий. А дальше предстояло создать семью. Завести детей. Достоинно вырастить их. После прохождения военных сборов в 1956-м и присвоения звания лейтенанта постоянно сотрудничать с райвоенкоматом и, уже числясь в запасе, дорасти до подполковника. Тридцать лет сполна отдать служению учителя в сельскохозяйственном техникуме, в райцентре Усмань Липецкой области. Да и много чего другого сделать в новой, победительной жизни. Впрочем, это уже были именно дела, а не мечты.

А воспоминания о голоде военного лихолетья жили в памяти фронтовиков и тружеников тыла, верно, до конца их дней...

Олег ХРАМОВ родился 31 мая 1966 года в Ульяновской области.

В 1988 году окончил Ульяновское военное училище. Впоследствии проходил службу в Вооружённых силах СССР, в органах внутренних дел, в органах налоговой полиции. После выхода на пенсию занимал различные должности на производственных предприятиях Ульяновска.

Пишет стихи и рассказы. Публиковался в литературном журнале «Симбирск». Стал лауреатом конкурса одного стихотворения «На Енисейской волне – 2015», организованного альманахом «Новый Енисейский литератор» (г. Красноярск). В этом издании трижды публиковал свои стихи.

В 2016 году стал одним из финалистов Международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени поэта и воина Игоря Григорьева, посвящённого 20-летию памяти поэта (г. Санкт-Петербург).

Живёт в Ульяновске.

НАГРАДА

Зимнее утро только-только зарождалось. Свет зари на востоке ещё не прорезался, и приближение нового дня обозначалось лишь тем, что чернильное небо наполнили светло-серые тона, приглушившие звёздное сияние.

Мороз своей жёсткой лапой разрисовал оконные стёкла, но в крепком бревенчатом доме было тепло и сухо. В печи-голландке шипели внесённые с мороза поленья, охваченные красно-синим пламенем. Ритмично тикали большие настенные часы в деревянном коробе. В передней комнате было темно. Свет не включали. Взрослые берегли детский сон мальчика, спавшего под толстым ватным одеялом. Жаль будить ребёнка. Но всё же пора...

– Алёша, поднимайся, – первоклассника Лёшку трясёт за плечо мать. – В школу пора.

Лёшка проснулся, но глаз не открыл – хотелось спать.

Пока мать отошла от кровати, заспанный мальчишка шустро заполз под огромные пуховые подушки, которые полностью скрыли его, и затих. Из радиопередатчика раздавалась нудная и скрипучая музыка утренних новостей. Эта музыка всегда казалась Лёшке назойливой и нехорошей, а скрипучей потому, что насыщена она была жёстким утренним морозом, который стоял на улице. Выходить из дома и бежать по холоду в школу не хотелось. Мучаясь этой мыслью и голосом диктора, Алёшка уснуть уже не мог, но и расставаться с теплом постели не хотел.

– Господи, да куда ж ты делся? – озадачилась вернувшаяся к кровати молодая женщина.

– Ох ты, бездельник! – смеясь, воскликнула она, когда немудрёная хитрость раскрылась. – А ну-ка, немедленно вылезай и бегом умываться!

Лёшка топает босыми ногами по половикам, по тёплому деревянному полу. Из кухни слышны приглушённые голоса. Он открывает дверь и останавливается на высоком рубленом пороге. Рядом с печью и входной дверью двое – дед и его двоюродный брат дядя Паня. Лёшка смотрит на них, щурясь от света электрической лампочки, но не здороваются. Ему показалось, что дядя Паня с вечера так и не уходил. Когда разыгравшегося сорванца с боем укладывали спать, всё было точно так же: дедушка готовил корм скоту из варённой в громадном чугуне картошки, а

дядя Паня сидел у печи, покуривал и, как обычно, рассуждал. Его речь была глухой и монотонной. Он часто произносил одну и ту же фразу: «Вот я и говорю! Говорю!»

Дедушка слушал рассуждения раннего гостя, изредка кивая головой в знак согласия.

Уже умывшись из раковины, Лёшка уселся завтракать за круглый толстоногий стол и прислушался к беседе мужиков. Дядя Паня почём свет стоит костерил американцев, которые грозили войной:

– Это им не просто так! Чай, сейчас не как в сорок первом... Да уж мы и в сорок пятом им подсыпали бы. Скажи, что нельзя только было: союзники, едри иху мать. А вот в сорок первом нам наложили досьята. Уж думали: немцы и не останутся. Вот я и говорю! Говорю!

– Да ты что-о! – подтвердил дедушка. – Немец тогда и попёр, и попёр. Напугались, что скоро до Волги всё возьмёт. Маленько к сорок второму упираться стали, а то и не знали, чего делать.

– Да и в сорок втором нам насовали, не сосчиташь. Ни хрена у нас ничего не получалось. Меня тогда призвали как раз зимой. На фронт привезли. А чего привезли? Гнали и гнали. Вся обувь истопталась, а всё бежим да бежим.

Дедушка слушал братовы рассуждения молча и сосредоточенно. А тот, дымя махоркой, продолжал:

– Вот я и говорю! Говорю! Наподавали как следоват. Лето уж наступило, а мы так и отступам. Выдали нам шапки эти, как коровий зад, а патронов по три штуки только. И мы о-опять бе-ежать. Меня в ногу ранили, немцы и догнали. А потом в Германию.

Дед, не глядя на собеседника, с сожалением мотнул головой:

– Когда в плен попал, крепко лупили?

– Не-ет. Потолкали немножко и всё. Нас там не знаю сколько было... Тьма. Всех разве отлупишь? Это ещё спасибо сказать надо, что не в лагерь попал, а к бауэру. Батрачить заставили! Ну, хоть не голодные были. И то уж хорошо.

– Бауэр-то этот чего? – спросил дедушка, – Вредный был? Бил или нет?

– Так я и говорю! Говорю. Вроде ничего такого не было. Так только, покричит, и ладно. А кто его знает, чего он там на своём орёт? Ругнёшь его по нашему... и всё. Он поначалу не понимал: глаза вы-

пучит, тарашится. Не знал брюхатый, чего мы про него говорим. А-а потом стал понимать! То хлестанёт чем-нибудь, а то еды поменьше даст. Как наши пошли в наступление, он и на матерные слова перестал обижаться. Так вот я и провоевал. Считай, без малого три года на дворе у бауэра. Как освободили нас – сразу проверять давай. После проверки опять в часть определили, – дядя Паня махнул скрюченной ладонью с зажатым в ней окурком. – А уж тут и война кончилась.

Дед молча ухмыльнулся, продолжая месить харчи для скота, зимующего в хлеву. Его собеседник, сидя на краю дивана, скрестил тощие ноги и упоительно затынулся горькой и вонючей махоркой. Затем кашлянул, глядя на Лёшку, и опять произнёс:

– Вот я и говорю! Говорю...

Но дальше продолжать не стал, о чём-то думая.

– Это ещё повезло тебе, – внезапно начал дедушка. – В лагерь, видишь, не попал.

– Если б попал, и живого меня не было бы! – тут же ответил Павел. – В лагере чего только наши не натерпелись. За кусок хлеба целый день надрывались, оголодали до костей. Хуже всех было тем, кто курил. Они хлеб на табак меняли. Так и поумирали большинство голодной смертью. Вот как!

Дедушка бросил в ведро, с кормом два ковша зерновой посыпки и опять принялся мешать. Но мгновение спустя остановился и, глядя брату в глаза, заговорил:

– Эх, Павел, не знаю, как в плену выживали. Не дай Бог туда попасть. Если уж у нас в тылу страсть что было... Каждое утро из казармы по пять, а то и по шесть человек выносили. С голоду помирали. Э-эх!

Дед махнул рукой, измазанной варёным картофелем, отвернулся и как-то тяжело замолк. Дядя Паня задумчиво глядел на Лёшку, допивающего чай с молоком:

– Вот я и говорю! Говорю... Что? Совсем, что ль, не кормили?

– Кормили, да разве это еда для мужика – пятьсот граммов хлеба на день. Двенадцать часов железки потягай-ка. Хлеб этот в руки берёшь и дрожись: как бы крошки не просыпать.

– А что там за железки у вас были?

– С фронту составы приходили: технику и оружие разбитые везли.

Дед Павел насторожился:

– Нашу, что ль, технику-то?

– Всякую... И наши танки, и немецкие. Всё в переплавку...

– Ну это ты просто вольнонаёмным, выходит, был, – подытожил брат.

– Не-ет, Павел. Нет. В форме мы ходили. И пилотка на мне такая же была, как у тебя. Только форму нам не со складов выдавали, а с убитых... Отстираешь её, дыры заштопаешь и носишь. В железно-дорожных войсках я был.

Лёшка к этому времени закончил завтракать и в передней комнате собирал ранец. Дверь на кухню он специально оставил приоткрытой. Ему очень хотелось дослушать разговор про войну. Было жутко интересно, хотя многого он не понимал. Он всё ждал, что начнут говорить про то, как стреляли и крушили врага. Рассказ про переплавку танков и

жизнь у какого-то бауэра тоже хороший, но всё это было не то, по его детскому пониманию, и он жадно ловил каждое слово. А дедушка тем временем продолжал:

– А уж сколько узбеков у нас поумирало. О-ой! Каждый день кого-нибудь из них выносили. Они больше от холоду. Не могли нашего мороза вынести. Только подмёрзнет, и двигаться перестаёт. Встанет, как ёлка враскоряку, и всё. Их опосля стали назад, по домам отправлять. Иначе все бы померли.

Дед уже закончил своё дело и стоял в дверях, готовый идти кормить скотину. Однако брат, докуривая махорку, набитую в газетный клочок, внимательно слушал, вынуждая деда не прекращать рассказ. Загасив окурком, вдруг спросил:

– Ну а ты как же? Уцелел?

– Вот видишь – живой.

Дед надел на голову шапку с опущенными ушами и взял в руки ведро:

– Я ещё по ночам на хлебозавод бегал подрабатывать. Вот там за ночную смену мне давали целый кирпичик хлеба.

– Вот я и говорю! Говорю... Тебе, выходит, тоже повезло.

– Как же не повезло? Ещё как повезло-то! У нас там двое на хлебозавод подрядились было. Пока никто не видал, в бункер с мукой попрыгали, не вытерпели с голоду. Думали муки наесться. Так там и остались. Задохлись.

Павел изумлённо поглядел на брата:

– Чего это они?

– Ну ты подумай, сколько тонн этой муки в бункере. Он здоровенный. Им мука всё залепила: и рот, и нос. Как прыгнули, она, видать, и поднялась. Набилась везде, и в лёгкие тоже. А я вот живу. Стало быть, повезло.

Дед отвлёкся от разговора и переключился на внука:

– Ну что? Пошёл? Вот молодец. Старайся, учись.

Дядя Паня строго посмотрел на юного школьника и скрипуче спросил:

– Олёшка, ты как учишься? Пятёрошник?

Лёшка застеснялся, не зная, что ответить. Выручила мать:

– Неизвестно ещё, дядь Пань. Им вот только отметки стали проставлять.

Дядя Паня опять назидательно заговорил:

– А ты учись, учись! Каким-нибудь начальником станешь.

Лёшка, ступая к выходу по мёрзлым половицам сеней, услышал из-за захлопнувшейся за ним двери назидательный голос:

– Вот я и говорю! Говорю!..

* * *

Завершался учебный год и первый Лёшкин класс. Снег сошёл, оставаясь только в ложбинах, куда ещё не проникли солнечные лучи. Повсюду на разный лад трещали скворцы, а с полей задул по-настоящему тёплый ветер. Начались майские праздники.

Лёшка после школы наскоро съел тарелку щей и с усердным сопением принялся что-то мастерить на подоконнике.

С кухни вошёл дедушка. Он пообедал и, по своему обыкновению, прилёг на диван, чтобы успеть немного отдохнуть, пока не закончился обеденный перерыв. Лёшка поднял глаза и возбуждённо заговорил:

– Деда! Деда! Смотри, дядя Паня куда-то собрался. И медаль пристегнул.

Дед поднялся и подошёл к окну. По улице то-ропливо шёл его брат. Выглядел он непривычно. На нём был строгий коричневый костюм. В костюме дядю Паню Лёшка никогда не видел. Тот всегда ходил в фуфайке-телогрейке и в широких штанах, заправленных в сапоги. И сейчас городской костюм с белой рубашкой на его сутулой и тощей фигуре смотрелся необычно и не совсем ладно.

– Куда это он? – спросил Лёшка.

Дед, внимательно провожая взглядом Павла, ответил:

– Сегодня ветеранов в клубе собирают, ко Дню Победы.

– А ты почему не пошёл, деда? Ты же был на войне.

– Там фронтовиков собирают, а я на фронте не был.

Дедушка отошёл от окна и сел на диван, удобно вытянув ноги.

– А где же ты был?

– Я был на военном заводе в городе Свердловске.

– Так ты что, не воевал? – разочарованно произнёс Лёшка.

– Нет. Не воевал. Мне того, что я там насмотрелся, на всю жизнь хватит.

– И медалей у тебя нет? – совсем уж обиженно

допытывался внук. Ему так хотелось нацепить на грудь хоть какую-нибудь дедову медаль и поносить, похвастаться перед соседскими мальчишками.

– Нет, медалями по службе своей я не награждался.

– И что, совсем-совсем нет никакой награды? – всё ещё лелеял надежду Лёшка. Ему думалось, что дед может обмануть его и не сказать про какую-нибудь медаль, чтобы не дать поиграть ей. Ведь прятала же бабушка от него конфеты, до которых Лёшка был неустойчивым охотник и мог за один раз съесть целый кулёк, а то и больше.

– Нет, Алексей, нет у меня никаких военных заслуг. Значит, и медалей нет.

– Ну-у вот! Был бы ты на фронте и с медалью, тебя тоже пригласили бы в клуб. – совсем уж разобиделся первоклассник.

– Ох и до чего же ты глупый! Слава Богу, я живой вернулся! Никаких других наград не надо. Вот это – самая главная награда.

Лёшка поначалу подумал, что дедушке, наверное, обидно, ведь он не получил приглашение, как все участники войны, но в словах деда обиды не услышал. Он бросился на диван и прижался к его плечу. Лёшке показалось, что дедушка не всё ещё рассказал про свою службу в Свердловске. А тот обнял его, до боли стиснув хрупкое плечо. Так они просидели некоторое время, и вдруг дедушка, обращаясь к кому-то невидимому, произнёс:

– Никаких клубов не хватит, если всех кто с войны не вернулся, пригласить. Их бы в первую очередь поздравлять надо. Да уж не получится...

Примечание: Бауэр (*Bauer* – нем.) – крестьянин.

Николай КОВАЛЬ родился в Сибири (деревня Зимник, Красноярского края) в 1941 году. Трудовую деятельность начал корреспондентом в редакции районной газеты «Красное знамя» (село Абан). Служил на флоте. Первый рассказ «Время подумать» был опубликован в газете Тихоокеанского флота «Боевая вахта» в 1963 году.

После службы окончил Ульяновский политехнический институт. Пишет стихи и прозу.

Автор книг стихов: «Таёжный звон», «Серебряная пыль», «Родные узоры», «Далёкое эхо», книг рассказов «Двадцатый век», «Марафон», повестей «Чёрное остаётся чёрным», «Залив Становления» и др.

КАК БОГ ДАСТ

Первый раз мужа Христины призвали в армию осенью, через три месяца после начала войны. А спустя год он вернулся домой, уволенный в запас «подчистую», по состоянию здоровья. Пришёл еле живой. Кожа да кости. В глазах пустота, на голове седина. Служил в тыловых войсках катальщиком валенок. Работа тяжёлая: в горячем пару помахай восемь часов отсыревшей каталкой под пуд весом. Тыловой паёк для писарей вроде бы и терпим, а вот для катальщика хилый. Ко всему прочему, молодые старшины – командиры, показывая патриотическое рвение, устраивали по ночам марш-броски. Мол, «тяжело в ученье – легко в бою». После них становилось совсем невмоготу. Усталость валила с ног. В итоге он, жилистый и крепкий мужик, оказался «не годным к службе» из-за истощения.

– Жратвы не хватало, – рассказывал Иван со- рокапятiletней жене. – Голодные, как волки в зимнюю пору. При такой нагрузке, что такое щи без мяса да пяток ложек «кирзухи»? Молодым проще было выживать; они в ближних сёлах к бабам на подкормку пристраивались...

Через полгода, на картошке и молоке, поправился. Изжил синеву под глазами и дрожь в руках. Окреп. Стал, как и в предвоенные годы, показывая характер, покрикивать на жену. Христина на это не обижалась. Бог с ним! Главное – изменился. Руки на неё перестал поднимать. То ли научился сдерживать себя со старшинами – самодурами, от которых натерпелся вдоволь, то ли помнил своё обещание старшему сыну. Ну а так – пусть шумит. Пусть, раз хочет чувствовать себя главным в семье.

После возвращения мужа жить стало легче: и с дровами, и с уходом за скотиной. В колхозе за зимнюю пору один отработал годовые нормы по трудодням. «Вот и хорошо, – радовалась Христина. – Худо-бедно ли, детвору на ноги поставим». Старшая дочь в шестом классе учится. И вдруг...

Под вечер, закончив посадку лука в огороде, она увидела, что под навесом, где муж обычно столярничал, никого нет. Вошла в хату. Иван сидел сумрачный за столом и, матерясь, возмущался. В такт словам рука, сжатая в кулак, опускалась на столешницу, от чего та издавала жалобный звук.

– Что случилось? – спросила его, предчувствуя беду.

– Ничего! Вон повестку почтальонка принесла!

В ногах появилась слабость. Христина безвольно присела на широкую лавку, стоящую вдоль стены.

– На кого? На Андрея?! Ваську?!

– Дура! Не похоронку, а повестку! – И стал, возмущаясь, пояснять: – Кроме меня у нас больше никого призывать! Три сына на фронте. При царе одного мужика в семье всегда оставляли. Чтобы семья жить могла. А сейчас гребут подчистую. Я первую германскую отбухал. Не боялся в передряги лезть. Полгода в госпитале провалялся. Еле выкарабкался после ранения. На этой в тылу чуть не загнулся. Думал, отдал долг, отслужил. И на тебе, опять под ружьё!

– Господи! – облегчённо вздохнула Христина, но сообразив, как это обернётся лично для неё, запричитала: – Пришёл ни живой ни мёртвый, и снова... Что же творится на белом свете?

– Что толку от твоего нытья?! – цыкнул на неё муж и сказал. – Надо идти в сельсовет разбираться. Мне осталось до пятидесяти лет два месяца...

Председатель сельсовета, на десять лет старше Ивана, философствовать насчёт месяцев не стал, а почесав лохматую голову, просто подитожил:

– Значит, надо! Немца попёрли. наших много полегло. Вон похоронок сколько. Требуются солдаты.

– Что значит надо? После пятидесяти лет не берут!

– Так ведь после! Потому и берут, что потом нельзя будет! Выясняй в военкомате. Я ничего поделать не могу, – и намекнул, сочувствуя: – Сам знаешь, что будет, если не пойдёшь. Поведут в другую сторону! Ты же не дурак. Как иные, в лесу прятаться не станешь?

Никифор намекал на дезертира Полинара, который, получив повестку, затаился в лесных дебрях и уже второй год берёт там свою жизнь. В итоге в селе прижилась презрительная поговорка к тем, кто хитрил, мол, «Ты что как Полинар?». И обиднее прозвища в общении людей не было.

– Бегать по болотным местам не буду! Но и в штыковую в мои годы ходить несподручно.

– Ты катальщик. Даст Бог, попадётся в ту же часть.

– Если бы Бог с правдой дружил, оно, конечно, и неплохо было бы. Только там тяжелее, чем на фронте.

– Ну, не знаю! Сам выбирай. Но вот что тебе скажу, между нами: кто-то насчёт тебя из наших побеспокоился. Настучал. Соображай, кто это мог? В общем-то, если по-нормальному, не должны бы тебя снова призывать...

По возвращении домой на немой вопрос жены Иван лишь безнадежно махнул рукой в ответ.

– Всё решится в районе. Наш председатель колхоза походатайствовал. Факт! Боится меня, гнида!

– Да разве колхозу не нужны мужицкие руки?

– Максима не знаешь?! Я для него как горящий уголь под пятками. Вот и хочет от меня избавиться.

– А зачем перечишь ему? – Христина всхлинула. – Шибко характерный, а воли жить по рассудку не хватает. Сидел бы тихо, кряхтел, что плохое здоровье, никто и не вспомнил бы про тебя.

Упрекнула, осознавая, что этим ничего не исправит.

– Что ты понимаешь, баба! Там в частях люди с голоду пухнут, а этот... Вору потакать что самому воровать. А доносы писать противно. Я ему так и сказал в глаза.

Пьянящий запах цветущей черёмухи незримо вплыл через раскрытое окно.

– Вот-вот! Свекровь и говорила, что ты весь в деда. За правду коль, так сразу кипяток. Ну вот и получил.

– Зато по чести живу. А хитрых рвачей, норовящих за счёт других пожить, терпеть не могу. От них, двуликих, все беды и неприятности в жизни этой. Сколько горя из-за них люди мыкают.

– Батька твой из-за отстаивания правды, пять лет как прошло, пострадал, и ты из-за неё снова пойдёшь в армию.

– А может, и нет? Это ещё как посмотреть! Только батька говорил, что правдивый человек самый нужный для жизни. Он за пазухой никогда камень не держит. Правдивое слово совесть и честь сохранять помогает, – и, немного подумав, обобщил; – Честный самый нужный, но, к общему сожалению, и самый беззащитный человек. Однако, даст Бог, не пройду медкомиссию в военкомате.

– Оно так, если бы умел хитрить. А так, подначат тебя, сразу и станешь хвалиться, что ты ещё «ого-го!»...

На комиссии, как и предполагала жена, Иван не стал прятаться за старое ранение и заключение предыдущей медкомиссии о непригодности. Не зря говорят: честная откровенность рождает характер, а характер в итоге определяет судьбу. С гордостью

подтвердив, что он мужик не хуже других, поприседал, как просили, попрыгал и был признан годным к строевой. Однако на предложение идти в тыловую часть, где служил, отказался наотрез:

– Лучше меня на фронт отправьте!

– Простота деревенская. Таким, как ты, лучше здесь, в тылу. Без непредсказуемых крайностей...

– А я добровольцем...

Провожая мужа, Христина в слезах причитала:

– Что же ты наделал? Одна с четырьмя остаюсь...

– Понимаешь, хитрых много, но кому-то надо и страну защищать. Пусть батьку загубили ни за что, но мне лучше быть всё же там, чем умирать в тылу от голода. Одно вот только жаль: невезучий я. Боюсь, не вернусь...

К отцу, осознавая, что происходит, жались дочери. Самый младший сын, которому не было и двух лет, сидел чуть поодаль на густой пахучей ромашке во дворе в грязной холщовой рубашонке и плакал в унисон вместе со всеми, не понимая, что происходит.

Иван взял четырёхлетнего сына на руки, подкинул вверх, поймал и с надеждой в голосе сказал жене:

– Он уже будет меня помнить. Береги его. Хорошо, если грамоте выучится. Ну а младший как Бог даст. Если что... Значит, тебе будет легче.

– Иван, что ты говоришь?! Как можно...

Муж перекрестился. Смахнул невольную мужицкую слезу со щеки и, чувствуя, что сказал не то, добавил:

– Ты не обижайся на меня за эти слова. Время такое. Сама понимаешь. Уж как Бог даст...

Бог дал. Похоронка, сообщавшая, что в бою под городом Рудня «пал смертью храбрых сержант Иван...», ждатель себя не заставила...

* * *

А младший сын Ивана выжил, вырос. Трудится на родной земле, родителей поминает. А год назад 9 мая прошел в колонне Бессмертного полка, высоко над головой подняв портрет погибшего отца.

Виталий БОГОМОЛОВ родился 13 мая 1948 года в г. Тавда Свердловской обл., где мама, осуждённая за «контрреволюционную пропаганду» на десять лет по статье 5810, отбывала срок с 1942 по 1952 год (реабилитирована в 1992 году). До четырёх лет воспитывался в детском доме. Детство и юность прошли в Ординском районе Пермской области. Трудовой путь начинался в колхозе. Служил в армии, работал на заводах Перми. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Первая книга «Глухариное утро» вышла в 1987 году в Москве. Автор трёх десятков книжных изданий и более шестисот публикаций в периодике, коллективных сборниках.

Член Союза писателей России с 1990 года.

Лауреат нескольких литературных премий. Кавалер ордена Ф. Достоевского. Живёт в Перми.

ПРЕДАТЕЛЬ

Рассказ

Максим Иванович проснулся и сел, оглядывая место своего нахождения, как сквозь туман, руками продирая слипшиеся глаза и силясь понять, где он оказался. Под ним – кучка серой прошлогодней слежавшейся соломы, над ним возвышались голые, с набухшими почками липы. С пригорка, где он находился, видны были широко раскинувшееся поле и дорога. Но где он, Максим Иванович никак не мог сообразить, и как сюда попал, совершенно не помнил. Словно нечистая сила занесла его в это место. Во рту всё стянуло, в гортани пересохло, одеревенелым шершавым, как наждачная бумага, языком невозможно было даже пошевелить, невыносимо хотелось пить.

Старик с трудом поднялся и тяжело побрёл к дороге. Она была пустынная. Солнце висело, пламенея, на закате. На северной стороне дорожного полотна в кювете лежал ещё пласт грязного снега и стояла лужа талой воды, покрытой чёрной плёнкой выхлопной машинной копоти. Максим Иванович склонился, разогнал плёнку ребром левой ладони, сделавшей сразу чёрной и жирной, а другой ладонью, зачерпывая воду, напился, размачивая себя.

И тут ему вспомнилось: он же в военкомат ездил, за юбилейной наградой. Глянул на пиджак и обомлел, судорожно кинул обе ладони на грудь, всё в нём похолодело – пусто, ни одной награды: три ордена Славы, медаль «За отвагу», орден Красной Звезды, два Великой Отечественной войны – первой и второй степеней – всё исчезло, будто листочки с осеннего дерева осыпались. Собираясь в военкомат, надел самые главные, самые дорогие для него награды, а все юбилейные оставил дома. Не было и медали, которую вручили ему сегодня. Вот мать-перетак!

Максим Иванович, забыв про своё состояние, не по возрасту проворно взбежал обратно на взгорок. Осмотрел место, где спал, полянку с примятой прошлогодней травой, где не осталось никаких следов пиршества, про которое теперь вспомнилось ему. Даже в соломе порылся. Подобрал свою неожиданно обнаружившуюся фуражку. Дошло до ума ветерана, что ушлые паренки напоили его и бессовестно ограбили. Подарил он им, выходит, свои бесценные награды, боевые награды за пару стаканов. Пропил. Та-ак, какая же у них машина-то была?.. «Жигули» вроде? А цвет? Не помнилось. Вот так разведчик.

Наверное, ещё своими подвигами хвастался им, каким отважным и отчаянным был разведчиком... А они вот где-то теперь над таким простодырым «разведчиком» потешаются...

Горько, ох как горько было в эту минуту Максиму Ивановичу. Тяжесть такая навалилась, будто землёй после взрыва присыпало...

* * *

Он ездил в райвоенкомат получать юбилейную медаль, отчеканенную к пятидесятипятилетию со Дня Победы. Там он встретил знакомого из села Шляпники, можно сказать, – приятеля. Получив награды, бывшие фронтовики тут же завернули в закусокную и обмыли их, и на автостанцию Максим Иванович пришёл уже совсем хорошеньким. Выпить он любил и с неопределённо давних пор – уже без всякого повода, а тут, как в народе говорится, сам бог велел. Награда!

На автостанции его и заметили эти ребята, трое их было. Один из них, не привлекая внимания других людей, разговорился «невзначай» с дедом. Максим Иванович был большой охотник пообщаться, особенно когда бывал под хмельком, как сейчас. Паренёк ему сразу понравился – открытый такой, и внешним видом симпатичный, статный, одет хорошо, видно, что не какой-нибудь там прощельга, уважительное внимание выказал к фронтовику, сигареткой хорошей угостил, вопросы серьёзные задаёт... И даже на «ты» он обращался не панибратски, а как-то располагающе.

Узнав за разговором, куда старик едет, парень сказал:

– Ху, так нам по пути! Мы тебя, батя, прямо до дома подбросим. Неужели ты думаешь, мы героя войны оставим на дороге? – добавил он возмущённо и очень весомо.

Таким уважением ветеран был польщён. Глядя со стороны на беседу старика с молодым человеком, можно было подумать, что это разговаривают отец с младшим сыном или дед со старшим внуком.

Потом они пошли к «Жигулям», сели и уехали. Никто и внимания не обратил. В эти часы на районной автостанции всегда толпилось много народа, подъезжали-отъезжали машины, автобусы, встречали-проводжали.

Километров через десять-двенадцать парни остановились, их было трое, молодые, крепкие, энергичные, живые и весёлые.

– Батя, пикничок организуем здесь в честь твою!

С пустынной дороги отошли в сторону, поднялись на холмик к липовой рощице. Расстелили из газет «скатерть-самобранку» – так её назвал уже знакомый Максиму Ивановичу Сергей, выставили пиво, бутылку водки, хорошую колбаску, свежие в эту пору (что и удивило Максима Ивановича) помидоры, солёную рыбу. С продуктами в деревне, признаться, было хреновато, а у них откуда что только взялось?..

С пригорка здесь открывался живописный вид, место выбрали высокое, просторное, уже хорошо и щедро прогреваемое весенним солнышком. Небольшой липовый островок прикрывал удачно пригорок с северной стороны.

Сергей (друзья его называли Серый), наполняя стаканчики, сказал:

– Я предлагаю тост за фронтовиков! Вот если бы не они, мы сегодня парились бы под сапогом фашистов. У меня отец воевал, Днепр форсировал, на Курской битве сражался, израненный весь пришёл. Пять лет назад его не стало. Его за Днепр к Герою представляли, но ранило на плацдарме, в госпиталь попал, и все документы затерялись.

– Такое бывало! – подтвердил со знанием дела Максим Иванович, покачав огорчительно головой.

– Клёвый развод! А у меня дед погиб под этим, как его... – наморщил лоб чернявый и остролицый паренёк по имени Толик, сиюсь вспомнить какой-то город.

– Кёнигсбергом, – подсказал находчиво Сергей.

– Вот-вот, под ним! Никак не могу сразу сказать это нерусское слово, – засмеялся Толик весело.

– За тебя, дорогой ты наш фронтовик! За твоё здоровье, Максим Иванович, за твою отличную награду! Две пятёрки. Пятьдесят пять лет Победы – это мощно! – вновь вступил в разговор Сергей.

Он уже многое успел вызнать ещё на автостанции у подвыпившего, простодушного и доверчивого в разговоре ветерана, который не сумел бы и предположить, что братки просто умело его разводят.

Третий парень, водитель, в беседе участия не принимал, стакан со всеми поднял, молчаливо чокнулся, но пить не стал – за рулём. Понятное дело. Но ел охотно.

А Сергей и Толик с интересом расспрашивали ветерана о войне, восхищались его подвигами полкового разведчика, который не улавливал ни фальши в их восторгах, ни поддельного интереса, расхваливали, угощали его, щедро подливая водку, поднимали за него тосты и язвительно подначивали, если Максим Иванович выпивал не до дна. Он уже не замечал, что сами они теперь не пьют, а только делают вид.

– А вот скажи честно, дед, убивать-то тебе приходилось? – спросил Сергей.

– Хо-о! Конечно! Много раз. Война, – выдохнул Максим Иванович. И повторил устало: – Много раз... Но вот один-то случай до сей поры стоит в глазах. Неповторимый. И снится, бывает. Правда, сейчас редко. Пятьдесят пять лет всё-таки прошло

после войны. Редко. А первые-то годы часто меня мучил этот сон.

– Расскажи, дед!

– Послали нас тогда в поиск вчетвером, в ближний тыл к немцам. Взяли мы двух. Немцев. Очень удачно взяли, как и не мечтали даже. Нечаянно, можно сказать. В доме у нашей русской женщины. Подошли осторожно, пронаблюдали, проверили. В окошки посмотрели. Удостоверились, что безопасно, бабёнка одна в доме, на спицах вяжет, сидит под лампой. Я ещё удивился, помню, откуда она керосин-то на передовой взяла? После-то понял, конечно. Вошли, чтоб выспросить, что знает. У неё пешки на лоб: наши, говорит. А потом затарахтела, руками замахала: уходите, говорит, скорей, у меня немцы на постое, два офицера, сейчас прийти должны. (Вот откуда и керосин...) Мы – на улицу, а постояльцы-то идут. Нам уже незаметно не уйти, обнаружим себя, деться некуда, тут секунды уже всё решают.

Двое из нас обратно в избу сунулись, возле двери по сторонам встали, двое так же – у двери в сенках. Первого они должны были пропустить, а второго взять. Но только не раньше того, как мы с лейтенантом в избе этого первого начнём крутить.

Слышим, заскрипел снег уже на крыльчке. Тут уж нервишки-то – о-о! Если б они с фонариком оказались, могли бы ребят в сенях увидеть и все бы планы наши смяли.

– Убили бы они вас?

– Да нет! Мы бы их убили. Но нам-то живых надо. Короче, скрутили мы их, связали голубков, пасти им заткнули, обмотали «языков» простынями, чтоб не чернели на снегу под осветительными ракетами. Сами-то мы в маскхалатах...

– А простыни-то где вы взяли?

– Да у бабёнки этой!.. Немецкие, наверно... В деревне в те годы какие простыни!.. Поволокли мы «языков», значит, к своим. Под горку в низину стащили легко. А дальше дело пошло на подъём, тяжело-о, выбиваемся из сил... Но всё же самое опасное место вроде миновали. А там колючая проволока шла, и в одном месте была канава, овражек небольшой. Ход этот мы заранее разведали, когда к поиску готовились. Вот по этой канаве нам под заграждением, как в бутылочное горлышко, оставалось пролезть. И в этом месте, как на притчу, у одного фашистюги кляп изо рта выпал, вытолкнул он его как-то. Вот и заорал, гадина, во всё горло на своём, конечно, языке. Из немецких окопов сразу фейерверк, ракеты в небо – светло, как днём, и пошла балалайка играть, затренькали пулечки вокруг... А нам ещё до своих почти через всю нейтралку. И на взлобке находимся. Я ему рот зажимаю, не даёт, гадина, башкой крутит, орёт... И кляп-то хрен его знает, где. Криком наводит огонь на нас. Что делать? Или я его сейчас кончаю, или нас всех перебьют... Раздумывать некогда. Ну, я ему в глотку нож – на, собака! Кровища хлынула, захрипе-ел... А мужик-то рослый он был, красивый. Это я ещё в избе, на свету заметил, когда свалили его. Жалко даже. И вот этот запах-то – тёплой, живой-то крови, близко, рядом с тобой, я почувствовал... Эт-то... м-м... Это, ребята, потом очень тяжело, оказывается... Не забудешь никогда! А второго языка мы допёрли. Важный был

офицер. За это мне и первый орден выписали тогда.

– Да-а... Запах крови... Это так... – медленно и задумчиво проговорил непонятно к чему Серёга, сразу посерьёзнев. Потом как будто вздрогнул, встрепенулся: – Ты же за нас, Максим Иванович, кровь-то эту проливал...

– Мешками! – отворотясь в сторону, бормотнул с ехидной усмешкой Толик.

– Интересно, а с той женщиной немцы что сделали?

– Кто его знает? – дёрнул в неопределённости плечами ветеран. – Могли потом и укокошить, конечно, – вздохнул он.

– Столько «языков» перетаскать! – восхитился Сергей. – Это правда, что почти полсотни?

– За всю войну сорок восемь. Вот те крест! – Максим Иванович перекрестился. – Не один, конечно, в группе всегда... Я очень удачливый был!

– Говоришь, полный кавалер ордена Славы приравнивается к Герою Советского Союза?

– Да! – категорично подтвердил Максим Иванович, потряхнув резко головой для большей убедительности.

– Ранения были?

– Три! Два-то, правда, не опасные. Одно – тяжёлое, очень. В грудь. Пулей разорвало лёгкое... Вынесли ребята, спасибо им, не бросили.

– А какое звание у тебя?

– Да звание-то небольшое, – хохотнул он. – Старшина. Слава – это орден солдатский. Офицерам его не давали.

– За доблестного героя, значит!

– Спасибо! Хорошие вы ребята! Молодцы! Спасибо!

* * *

Максим Иванович вышел на дорогу. Приглядевшись к месту, он по сосновым лесопосадкам, раскинувшимся за дорогой, уже сориентировался, где находится. А вот и столбик километровый с цифрой 11. Значит, от райцентра они отъехали на одиннадцать километров. До дома ещё почти двадцать. Автобус вечерний до их села то ли прошёл уже, то ли нет ещё? Часов у него не имелось. Он их давным-давно пропил. Деньги, документы не тронули архаровцы, всё лежало в карманах. Правда, денег-то у него оставалось только до дому на автобусе добраться, этот мизер им нечего было и трогать... Тем более после такой добычи, как его награды...

Он мучительно прошагал около километра, когда его нагнал автобус и подобрал. На его счастье, не прошёл ещё, оказывается. В автобусе было полно знакомых, односельчан. Тёзка, Максим Терентьевич, присматриваясь, стал допытываться у него, откуда он шёл, как оказался на этом месте, в поле.

– На попутке подбросили до отворота на Глубокую Яму, – соврал Максим Иванович. – Там, думал, ещё кто-нибудь догонит, да вот не подвернулось, пехотой пришлось топтать.

– В больницу, что ли, ездил?

– В больницу, – с лёгкостью согласился Максим Иванович, качнув головой на выручающий вопрос.

– Захворал?

– Захворал, братка.

– То-то, я гляжу, невесёлый ты шибко, туча ту-

чей, – проговорил Максим Терентьевич и, перейдя на шуточный тон, добавил с лёгким смехом: – Ну, до Победы-то юбилейной доживёшь?

– Кто его знает, – ответил горестным тоном Максим Иванович и задумчиво отвернулся со вздохом.

– Доживё-ёшь! – уверенно проговорил Терентьевич. – Чего там, уж меньше недели остаётся.

– Кто его знает, – повторил Максим Иванович так печально, сквозь слёзы, будто плакать собрался.

Максим Терентьевич даже наклонился тревожно, чтоб получше рассмотреть лицо собеседника. Таким обречённым и подавленным он его ещё не видал: никакого в нём вечного куража и ломанья как и не бывало сегодня. Видать, и верно – мужик серьёзно чем-то болен...

* * *

Восьмидесятишестилетний старик Василий Петрович не любил День Победы. Он хоть и числился участником войны, но ни на какие торжества его сроду не приглашали. Да и пригласили бы, так всё равно ни за что бы не пошёл. В этот тягостный для него день он старался ни радио не слушать, ни телевизор не смотреть. С утра придумывал какую-нибудь посильную работу по хозяйству подалеже от избы.

Сегодня Василий Петрович поправлял навес для дров за баней, в огороде. Не спешил, хотел растянуть это пустяковое занятие на весь день. Часто перекуривал. Сядет на скамеечку к стене, на солнышко, положит руки на колени, склонится на них, и так сидит, попыхивает неторопливо сигареткой, думает свои думы разные. На его сторбленной спине проступают сквозь рубаху косые крест-накрест продолговатые бугры, будто жили невероятно и уродливо вздулись, или как будто на спину под рубаху насовали ему как попало обрывки разных верёвок. В банные дни Василий Петрович мылся исключительно в одиночку и рубаху при людях никогда не снимал, чтоб не привлекать ничьего внимания страшным видом своей спины. Жена, и та за долгую с ним жизнь видела спину мужа со счёта раз. Эти жуткие «гостинцы» Василий Петрович принёс из немецкого плена, где его за побеги избивали до полусмерти плетьюми.

На войну он добровольцем ушёл на третий день после её начала. Было ему тогда двадцать шесть лет. И поскольку он прошёл недавно действительную службу, то на фронт угодил сразу, уже через неделю был на передовой. Он да Иван Зарубин, два односельчанина, оказались в одном взводе и, надо сказать, сильно радовались этому. Но радость их была недолгой. Немцы напирали, давили на отступающих, не давая нигде зацепиться.

Друзья держались поближе друг к другу. Потому и ранило их обоих в один момент, от разрыва мины. Василия задело легко в ногу, он сразу же сделал себе перевязку и мог бы уйти, чтоб не попасть в окружение, да Ивана-то ранило тяжело в живот. А бросить земляка и односельчанина посреди чужого поля Василий не мог, они в самом начале друг другу обещание дали клятвенное, что в случае чего так не оставят один другого, помогать будут. Хорошо, что Василий был крупный, здоровый, рослый, а Иван

заметно поменьше, и Василий его понёс на себе. Так и угодили оба в плен.

Почти три дня Василий тащил на себе Ивана, голодный, в изнеможении, всё яснее и яснее понимая, что подходит им обоим конец. В третий день всех раненых, за исключением лёгких, как Василий (про его рану только Иван и знал), немцы отделили от разросшейся колонны. Было объявлено, что всех раненых увезут и станут лечить. Здоровых угнали вперёд...

Скоро Василий понял, что пока ещё есть силы, надо бежать, иначе останется только сдохнуть. С пленными немцы обращались безжалостно, хуже, чем со скотом, и почти не кормили. Свободолюбивая душа Василия не хотела никак мириться с таким положением. Ему стало ясно, что если они так со здоровыми, то уж с теми, кто был ранен, и остался на дороге... Их теперь и в живых-то уж точно нет. Остаться в плену – смерть, убежишь да поймают – тоже смерть. Но хоть надежда теплится в душе, что не поймают. А тут – никакой уж тебе надежды.

При первой же возможности Василий убежал. Но поймали его очень скоро. Почти как в кино «Судьба человека». Это единственный фильм про войну, который он посмотрел за все годы после войны. Только собаки не рвали его. Вешать его в лагере в назидание другим не стали, это смерть лёгкая. Его уложили в центре лагеря между пленными, разделёнными на две половины, и стали на виду у всех полосовать плетью. Видеть, что происходит от зверских ударов с живым обнажённым телом – не у каждого нервы выдержат, но и отворачиваться не позволялось, и некоторые падали даже в обморок. И немцы, видимо, считали это лучшей прививкой от побегов. Били даже после того, как потерял сознание.

Но выжил Василий.

Выжил, так ведь неймётся дураку, решился на второй побег. Видел он, как люди здесь ломаются, боялся, что с ним то же будет. Он пока держался только тягой к родине, понимая, что здесь он, в этой поганой неметчине, – никто, пыль на чужой дороге. Только стоит смириться, и всё, конец, погибнет. Но и второй побег закончился тем же...

В последний побег он пустился вдолгих после второго, уже из Германии. На сей раз повезло. Василий к той поре научился немного лопотать по-немецки. Женщина одна, с которой он кое-как объяснился, показав ей свои увечья на спине, ужаснулась деяниям своих соотечественников и сжалилась над русским. Она его спрятала, несколько дней кормила, подобрала ему подходящую одежду, а его лагерное тряпье сожгла, снабдила продуктами, показала на школьной карте, где он сейчас и куда ему надо идти. И в одну из ночей, долго прислушиваясь и приглядываясь к улице, к соседним домам, выпустила русского в дальний путь. Её дом стоял на окраине.

Василий пошёл. Передвигался только ночами, не попадаясь людям на глаза. И миновал удачно Германию, и Польшу почти всю прошёл. Здесь были уже свои, почти родня: славяне, а опасность удесятерять чутьё и нюх, и несколько раз Василий рисковал доверяться таким людям, которые помогали ему продуктами. Но и эта попытка бегства всё равно

закончилась неудачей. Но вот что диво: и теперь ведь остался в живых. На роду ему, что ли, было так написано – мучиться.

* * *

Освободили Василия в западной Германии американцы в начале 1945 года. Но к тому времени он считал, что уже сломался. Вместе с другими бывшими военнопленными он был передан советскому командованию и сразу же их всех поместили в проверочно-фильтрационный лагерь. Начались изнурительные перекрёстные допросы и дотошные проверки. Кто он, откуда призван, в какой части воевал, как, где, при каких обстоятельствах сдался в плен, где, в каких лагерях находился, чем занимался, сотрудничал с немцами или нет, кто из бывших военнопленных может конкретно подтвердить то, что он рассказывает, кого из пленных сам знал по фамилии, имени, отчеству, кличке, что о них известно ему и так далее и тому подобное. Так же проверяли и других.

Из всех этих перекрёстных допросов сплеталась, он понимал, многоячеистая сложная сеть, которой вылавливали власовцев, прочих предателей. В этой фильтрационной сетке должно было определиться и его окончательное место. Бояться ему, он был уверен, нечего – его совесть была чиста. Ранение обследовали врачи, осматривали они и следы немецких истязаний, которые доказательнее всего свидетельствовали в пользу Василия, что с немцами не сотрудничал.

Действительно, скоро Василий получил заключение о невиновности, был направлен в госпиталь, а оттуда, спустя короткое время, в действующую армию на Дальний Восток, где после начались военные действия против Японии.

Второго сентября 1945 года война для него закончилась; вскоре он был демобилизован. Домой приехал с цингой и туберкулёзом. Отец с матерью не чаяли его увидеть в живых, ещё в сорок первом они получили извещение, что их сын пропал без вести. И только после объявления Победы – как параличом ударило! – пришло вдруг письмо от Василия, что жив и, как он в письме утверждал, здоров.

Никогда бы не подумал он, что послевоенная его жизнь, мирная жизнь в родном селе обернётся для него страданиями хуже фашистского плена. Там он жил надеждой освобождения, надеждой возвращения на дорогую родину. Здесь, на родине, от состояния унижения бежать уже было некуда. Разве что в могилу. Вот когда он понял: – ничто так не язвит сердце, как напраслина. И вот когда он понял, что сломался – уже окончательно. Полный край!

А всё из-за соседа, до войны – **Макси** Ванькина, теперь – **Максима** Ивановича. С войны сосед вернулся раньше, летом 45-го, вся грудь в наградах. Геройский мужик, один на всё село такой. Три ордена Славы имел, полный кавалер. В разведке воевал, ранения имел. Но судьба с ним обошлась милостиво. Вот он однажды пьяный и заклеил Василия предателем. Пока жив был отец Василия, **Петр** Емельянович, перед ним **Макся** не смел куражиться. А после смерти его в 47-м году и пошло, как пьяный проходит мимо дома Василия, обязательно под окнами остановится, зубами скрежетает злобно

и кричит на всю улицу: «Предатель! Мы воевали за родину, кровь проливали! А ты шкуру свою поганую у фашистов спасал! Гнида! Встретился бы ты мне на фронте, я б тебя!..»

Привлекая своими выходками внимание односельчан, он тем самым как бы говорил: вот предатель Васька, а вот я, герой. Сравняйте, люди, кто чего стоит! И пока не натешится Максим, не успокоится. Только потом отправится спать.

Трезвый пройдёт мимо усадьбы Василия и не глянет в сторону его дома, а пьяный никогда не минет. Пил же Максим с годами всё чаще и больше. И особенно любил он поизгаляться и покуражиться над Василием в День Победы, возвращаясь с какого-нибудь чествования, с торжественной встречи, на которые его неукоснительно приглашали. А ведь знал, собака, подлинную историю соседа и его невиновность.

От обиды, от непереносимой напраслины Василия, который был на восемь лет старше Максима, уходил, уединялся, прятался. Жена боялась, не наложил бы руки на себя, тихонько подкрадывалась к тому месту, где муж отсиживался. В такие дни страдальческий взгляд его был громче всякого крика, столько в нём было мученической усталости, прожигающей душу какой-то невыносимо-смертельной тоской, и не раз видела, как он плачет.

После страдал он особенно за детей своих – сына и дочку, когда их дразнили сверстники тем, что отец предатель. Маленькими дети жаловались, плакали, подросли – переживали молча. Мать утешала их, как могла и умела. Отец отворачивался, молчал. Но бывали такие минуты, когда повзрослевшим уже детям говаривал: «Какие бы сплетни о тебе ни распускали, самое главное, чтоб твоя совесть не глода ла тебя. А обиду надо перетерпеть, никогда нельзя на себя руки поднимать, судьбу свою надо нести по жизни...»

Пьяным Василия не видали, работал он добросовестно.

И ведь вышли его дети в люди, выучились, специальности получили, семьи добрые сколотили, внуков ему нарожали хороших. Любят они все его, отца своего, деда своего. Очень уважают. Хоть в этом его сердце успокоено.

Судя по времени, сосед-герой уже должен был сегодня пройти, «отмитинговать» возле дома Василия Петровича, смориться, угореть. И Василий Петрович свернул свою малозначительную работу, побрёл потихоньку домой.

– Не было сегодня змея-то! – как бы между прочим известила его жена. Она помолчала, словно раздумывая над чем-то и, видимо, решила открыть и то, о чём думала, что знала: – Сказывают люди, потерял свои ордена. Видно, пропил. Нечем трясти-то больше, вот и не кажется. Теперь, говорят, лежит болеет, не встаёт даже.

Действительно, за какие-то считанные дни Максим Иванович весь осунулся, почернел и похудел, будто пивки его всего иссосали, будто черви его изглодали. Себя он обманывал тем, что на сырой земле поспал...

В какой-то момент он кликнул слабеющим голосом свою старуху, которая про жизнь с ним гова-

ривала подружкам: «На мне ведь, бабоньки, только печь не бывала!» Люди понимали её слова без перевода: бил он её всем, чем можно бить женщину в деревенской избе. Побил бы и печью тоже, если бы только смог печь поднять.

– Настя! – позвал он теперь жену, худющую, словно засохшее дерево.

Она подошла, глядя на него безучастно и молча.

– Настя, ты меня прости! Неправильно я жил с тобой. Прости! Ума не было, – проговорил он уже с трудом, обречённо.

Ей в эти слова не поверилось. Она невольно скривилась. Жизнь загубил, а теперь – на тебе: «Прости»... И всё? Как дешёво-то жизнь её оценил...

Был вечер, на тумбочке возле постели, в которой лежал на спине Максим Иванович, горела настольная лампа. И тут Настя заметила, как свет лампы отражённо заиграл в крупных каплях слёз, наполнивших глазницы, её мужа. Она застыла, как заворожённая. Максим, и чтобы плакал?!

Вот теперь Настя поняла, сердцем вздрогнувшим почувствовала, что супруг подводит последний итог своей жизни. И уже не врёт. Теперь слова его получили особую цену...

И всё равно так ей горько стало в эту минуту за всю свою изуродованную жизнь, напрочь искалеченную этим клеймённым самодуром, что захотелось огреть его чем-нибудь так, чтоб расплатиться с ним сразу и за всё – за бесконечные пьянки, за гулянки, за несчитанные побои с издевательствами; закричать хотелось во всю мочь, завывать волчицей на всю округу. Эх, да теперь этим ничего уже не поправишь и на одну кошачью шерстинку!

Комок встал в горле, разрывая его, закупорил дыхание. Она долго молчала, не имея сил даже шелхнуться и сделать вздох, пока комок этот не ослаб. А когда он наконец ослаб, рассыпался, провалился куда-то в нутро, то ли в лёгкие, то ли в желудок, то ли в самую прямую кишку, только и смогла, хватив воздуха, скорбно выдать из себя общепринятое:

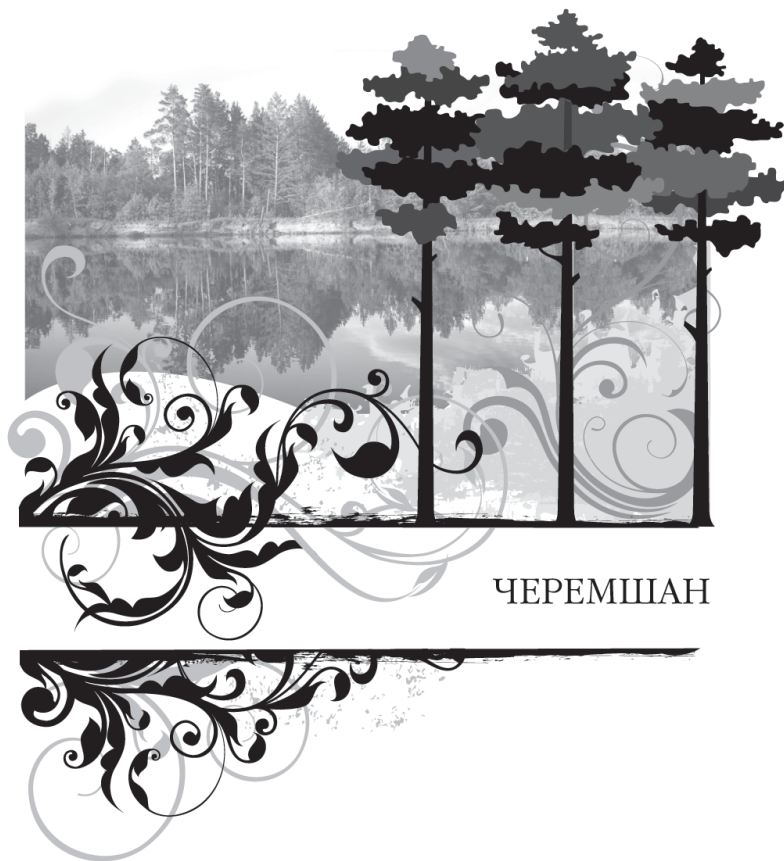
– Бог простит!

– Ты у Васьки... попроси... за меня... прощенья, – промышчал он медленно. Помолчал, набираясь сил, и добавил: – Через меня... он страдал... Я много ему горя...

Тут Максим Иванович, то ли всхлипнул, то ли икнул и замер уже навсегда.

Детей у них не было, родни никакой не осталось, и хоронить героя, так нелепо окончившего жизнь, пришли всего несколько односельчан. Но глава поселения, называемый по старинке председателем сельсовета, произнёс короткую речь. А присланные военкоматом прапорщик и два солдата с автоматами Калашникова трижды так бабахнули в три ствола, что пронзительными холостыми залпами напугали кладбищенскую тишину. Скорбным эхом отозвались эти выстрелы.

От непривычности к такому грохоту на похоронах вздрогнули люди над свежей могилой бывшего отчаянного солдата-разведчика, навсегда опущенного в весеннюю землю, ещё не протаявшую в глубине, в свою землю, которую он много лет назад окропил своей кровью и отвоевал у злого и сильного врага.

ЧЕРЕМШАН

Евгений ЛАРИН – ветеран Великой Отечественной войны, почетный гражданин Димитровграда, поэт, прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов России, член димитровградской писательской организации «Слово».

«Сколько лет мы о войне всё пишем...» – эти строки Е.С. Ларина хорошо отражают суть творчества писателя-фронтовика. Не смолкают в его душе взрывы далёкой войны. Не чернилами – кровью и горячими слезами написаны строки о друзьях, земляках, знакомых и незнакомых героях, сражавшихся за великую Победу, за свободу и счастье грядущих поколений. Благодарим Евгения Степановича за эту память, постараемся передать её детям и внукам нашим – не ради войны, ради мира на Земле.

Повесть «Тося» посвящена Антонине Потаповой, уроженке Мелекесса, которая в начале Великой Отечественной войны ушла на фронт в качестве добровольца и была зверски замучена фашистами в 1943 году. Похоронена на месте гибели, в украинском селе Новая Ивановка Харьковской области. В память о Тосе в честь 20-летия Победы над фашистской Германией бывшая улица Лесная г. Димитровграда переименована в улицу Т. Потаповой.

Повесть «Тося» носит биографический характер. На её страницах Е.С. Ларин рассказывает о том, как вместе с матерью Тоси посетил места боевой славы и гибели нашей героической землячки.

Евгений Ларин в школе № 23 Димитровграда

ТОСЯ

Документальная повесть

На Украину

До отхода скорого поезда Москва – Адлер оставалось три минуты. Мы еле-еле успели забраться в вагон, разложить по полкам свои вещи и облегчённо вздохнули, когда вагон дрогнул и поезд медленно стал отходить от вокзала.

Мои попутчицы уже сидели, а я всё ещё приглядывал место, куда бы пристроить большой металлический венок. Наконец я приладил его на самую верхнюю полку, на всякий случай привязав бечёвкой и придавив углом чемодана.

Валя и Надя уложили Прасковью Николаевну, которая так за день намучилась от жары, что уснула, как только легла.

Теперь, я думаю, можно и *Тосю Потапову*

познакомиться. Валя и Надя – это работницы Ульяновского автотреста. Ехали они в Сочи, к Чёрному морю – провести свой отпуск. Познакомились мы с ними ещё в Ульяновске и чрезвычайно обрадовались таким жизнерадостным попутчицам, когда они вошли к нам в купе. На их вопрос я полушёпотом рассказал, что мы из Мелекесса, едем в Харьковскую область, где фашисты в годы войны замучили нашу землячку Тосю Потапову. Прасковья Николаевна – это мать Тоси, я – работник газеты. А едем мы в село Ново-Ивановку на празднование Дня Победы. Всё это заинтересовало наших знакомых, и они внимательно слушали, что я рассказывал.

*П.Н. Потапова,
мать Тоси*

Известно, дорога сблизает быстро, и пока ехали до Москвы, мы так породнились друг с другом, что буквально скучали, если кто-либо отлучался.

Девушки трогательно заботились о Прасковье Николаевне, а когда она засыпала, опять обращались ко мне, чтобы узнать ещё какие-либо подробности о Тосе.

В Москву приехали утром, оформили билеты и до вечера (поезд уходил поздно вечером) у нас оставалось свободное время.

Правда, Прасковья Николаевна очень просила заглянуть в гости к родной сестре – Марии Николаевне Пискаловой. И вот мы всем квартетом садимся в такси и едем к ней на Колпачный переулок.

С именем Марии Николаевны Пискаловой, а

также её мужа – Якова Егоровича Пискалова мы, мелекесцы, достаточно хорошо знакомы. Лучшие их годы связаны с нашим городом, с их активной борьбой за новую жизнь. Об этом газеты рассказывали читателям не однажды, помещали их снимки. А сейчас я своими глазами увижу Марию Николаевну, о которой у меня давно сложилось очень высокое мнение

Мария Николаевна, оказывается, уже знала о нашем приезде, хотя я ничего не сообщал ей ни письмом, ни телеграммой. Она встретила нас как самых дорогих гостей и пригласила в зал, где уже был накрыт стол.

– А мы вас ждали ещё вчера. Получили от Яши Рогачёва письмо и ждём: вот-вот зазвонит звонок!

Мария Николаевна живо интересуется нашим городом, товарищами, краеведческим музеем, которому передала ряд экспонатов.

– А как здоровье Николая Ивановича?

Я догадался, что речь идёт о Николае Ивановиче Маркове – директоре краеведческого музея. Этот заботливый и беспокойный человек у многих мелекесцев вызывает чувство глубокого уважения. Он по крупицам собирал историю, вёл обширную переписку, а когда я поехал на Украину, то очень просил привезти для музея какую-нибудь вещицу...

Потчужа гостей, Мария Николаевна рассказывает о работе в мелекесском женотделе, о жизни с Яковом Егоровичем в Италии, об интересных встречах с видными деятелями страны.

Надо отметить, что рассказывать Мария Николаевна большая мастерица. Несмотря на солидный возраст, она помнила многие подробности, детали, мелочи и рассказывала так эмоционально, словно читала бесконечную книгу памяти...

На прощание Мария Николаевна подарила мне несколько фотографий Тоси, которые мчались сейчас с нами на Украину, в далёкое и незнакомое селенье.

Новый знакомый

Часа через два пути нами заинтересовался один молодой человек. Лежал он на средней боковой полке и, когда мы опять заговорили о Тосе, паренёк сперва задал вопрос, а потом подсел к нам и равноправно вступил в разговор.

Василий – так звали нового знакомого – был родом из Павлограда, и по первым же его словам было нетрудно догадаться, что это чистокровный украинец.

– Вы извините (он посмотрел на меня). Вот я

слышу: Тося, Тося. А що Тося? Немцы убили? А разве мало они поубивали?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Та про вас, газетчиков. Больно уж много вы иной раз подымаете шума по всякому поводу.

– Бывает, – отшутился я.

– Та що бывает! Вот.

Он взял с полки номер газеты и ткнул пальцем в заголовки. Затем бросил газету и шутиливо начал цитировать газетную информацию...

Надо сказать, что Василий обладал чувством юмора, неплохо знал редакционные огрехи, и импровизация его была остроумной и прямо уничижающей.

– Та вы петухи, – не унимался Василий. – Петух найдёт крошку и ну балясничать, всех кур созывать. Сбегутся куры, а петушиного шума – только на один раз клонуть...

Признаться откровенно, мне нравилась запальчивость Василия, его хорошее знание редакционной кухни, его стремление говорить о вещах просто, а не кричать, воздействовать словом на чувства, а не на барабанные перепонки.

В купе вошла проводница с дымящемся чаем на подносе. Сквозь тонкие стаканы он отсвечивал золотым отливом, и мы не удержались от желания взять по стакану этого ароматного напитка.

– А що ты скажешь о кампанейщине? – опять начал Василий.

– Какой?

– Ну вот хотя бы о той, що тебя заставила ехать на Украину. Столько лет газета молчала, а сейчас следы ищет!

Замечание Василия было вполне уместным. Действительно, как часто мы ищем следы, когда от них и следов не осталось. Ну вот чём располагаю я? Что знаю о гибели Тоси? У меня копия письма офицера Вегери и опять-таки двадцатилетней давности.

В вагоне становилось тише и тише. Кто спал, кто положил голову на столик и дремал сидя...

Мне не спалось, хоть я с головой и укрылся одеялом.

Из соседнего купе доносился чёткий стук часов. Видимо, кто-то ехал с будильником. И в эти минуты купе показалось мне комнатой Прасковьи Николаевны. Такой же узенькой комнаткой, тихой и одинокой.

Тик-так

«Тик-так, тик-так», – выстукивают старенькие ходики.

«Так-так, так-так», – монотонно повторяют они назойливое слово.

А что значит «так»?

Почему именно так?

А если в душе такая трещина, что ничем не замажешь и не склеишь?

А если в сердце кошки скребут и душа сорвана с петель, тогда что?

Тоже «так»?

Пусть всё так и останется?

А почему?..

Нет ответа. Некому ответить.

Спросить бы – и опять не у кого.

Рядом с часами – большая фотография девушки.

Может, она скажет?

Нет, не сказывает. Молчит и хоть бы одним словом обмолвилась. Хоть единым.

Правда, кое-что и без слов понятно. Кое-что в словах и не нуждается.

Молода девушка? Молода.

Красива? Красива.

Молодость – она всегда прекрасна.

А глаза! Большие, умные.

И ещё одна деталь – родинка. Не родинка, а, может, смородинка. Ела девушка ягоды, и, наверное, одна ягодка прилипла к подбородку. Да так и осталась. Видите, какая она крупная? Это вам не мушка, какую выжигают модницы для красоты. Выжгут пятно да ещё карандашом подрисуют. И брови подмалюют. Как вороньи крылья. Нет бровей, так их тушью обозначат. На коже. И умирают глаза, прямо хоть траур объявляй. Да они и есть в траурном обрамлении. Как объявление в газете. Ох уж эта акварельная красота! У кого только она не вызывает улыбку.

А та, что на фотокарточке, – нет. Эта, видать, россиянка довоенная. Естественная, как жизнь, неподдельная, как природа.

«Тик-так, так-так», – подтверждают ходики. И совершенно верно. В этом-то случае с ними можно согласиться целиком и полностью.

В маленькой комнате, где вот уже полвека прописаны эти часы, одиноко, тоскливо, грустно. Редко здесь раздаются людские голоса. Очень редко. Да и с кем разговаривать-то? Прасковья Николаевна – хозяйка комнаты – стара. Вдвое, поди, старше ходиков. Она на пенсии. На заслуженном отдыхе.

А часы всё тикают.

Всё ещё такают.

Всё отсчитывают время. Скрупулезно отсчитывают. По совести.

По возрасту и им пора бы на покой. На пенсию. Чтобы не думать ни о часах, ни о минутах. Вот как Васька. Пришёл с улицы – и на бок.

Васька – это серый, словно поседевший, кот. Лет десять назад Прасковья Николаевна принесла его в дом, и был он тогда всего-навсего с детскую рукавичку. А сейчас поди ты какой. Как поросёнок. И хотя возраст, скажем прямо, для кота критический, Васька, видимо, всё-таки на отдых не собирается. Ходит он легко, юрко лазит по деревьям, гоняясь за птичками, а весной убегает из дома и не появляется по несколько недель.

И в комнате становится ещё тише, ещё скучнее, а Прасковья Николаевна – ещё задумчивей. В такие минуты она обычно усаживается на сундук и о чём-то думает, думает. Взглянет на портрет девушки и прошепчет: «Ах, Тося, Тося... Ах, родинка ты моя!»

И прослезится. И всхлипнет. И заплачет беззвучно, вздрагивая всем телом. Так плакать умеют только матери, которым после слёз, как после сильного припадка, становится несколько спокойней и легче.

А часы своё: «тик-так».

Только ходики эти знали, сколько горьких минут отсчитали они для Прасковьи Николаевны. Минуты давно уже превратились в часы, часы – в сутки, а сутки – в годы. Годы эти согнули её плечи, притупили память, состарили лицо и руки.

И только горе, большое материнское горе не

старилось и не седело. Оно гнездились глубоко под сердцем, как осколок, и временами ходило по всему телу, находя самое уязвимое место.

«Тик-так, так-так...»

Погодите часы, погодите.

Ну зачем вы лицемерите? Зачем? Ведь всё не так, не так, не так!

И часы словно послушались. Гирька дотянулась до самого пола, и они встали. Встали и как будто задумались: «Кого мы обманываем? Прасковью Николаевну? Не ведь это не только нелепо, но и глупо.

Спросить у неё?

Да разве расскажет?

Вон в прихожей слышались чьи-то шаги. Не она ли? Так и есть – она...»

Звякнув ключом, дверь распахнула маленькая, сухонькая, лет восьмидесяти старушка. Она с ходу тяжело опустилась на кровать и только тут почувствовала, что часы остановились. Прасковья Николаевна взглянула на циферблат – стрелки показывали с утра половину одиннадцатого. Она включила репродуктор, а у часов не захотела поднять даже гирьки.

Впрочем, часы на это не обижались. Они знали давно, что Прасковья Николаевна к часам не проявляла интереса. А с тех пор, как отзвучали сводки Информбюро, мало прислушивалась она и к радио-передачам.

Но на этот раз Прасковья Николаевна даже сама не заметила, как поддавалась влиянию чёткого мужского голоса, который доносился из репродуктора: «...близится великая дата истории – День Победы над фашистской Германией...»

Прасковья Николаевна не знала, что у микрофона выступал известный писатель Сергей Смирнов, который трудом своим совершал ежедневный гражданский подвиг. Он разыскал десятки героев войны, чья слава была предана забвению, а имена – наве-там и подозрению.

А из репродуктора в само сердце, в самую материнскую боль влетали светлые проникновенные слова: «В истории Отечественной войны до сих пор много неизученных белых пятен, нераскрытых подвигов, неведомых героев, которые ждут своих разведчиков, и здесь может кое-что сделать даже один писатель, журналист, историк...».

Прасковья Николаевна повернула головку регулятора до отказа.

А голос лез в душу, звал комсомольцев и пионеров вести поиски героев войны, идти по следам, чтобы не осталось на нашей земле ни безымянных могил, ни безвестных богатырей.

– Эх, сыно-ок, – недоверчиво прошептала Прасковья Николаевна, – легко сказать – найти. А попробуй, найди. Столько лет прошло...

Она посмотрела на фотографию дочери и всхлипнула.

– А тебя где искать, родинка моя, у кого спрашивать?..

Правда, на дне сундука лежало у Прасковьи Николаевны одно письмо. Ох оно, это страшное письмо! Она и верила в него, и не верила. Наверно, потому, что сердцу не хотелось поверить в эту жуткую трагедию. И сердце оставило в себе уголок для маленького кусочка надежды. И живёт эта надежда, те-

плится два десятилетия. И ровно столько же роковое письмо лежит на донышке сундука. Лежит, молчаливо храня свою тайну.

Кому надо?

Кому больно?

Когда-то Прасковья Николаевна показала это письмо своему начальнику. И была не рада. Начальник выпалил целую обойму вопросов и по всему было видно, что он не верит ни одному слову.

Ах, как Прасковье Николаевне и самой не хотелось бы верить в подлинность этого письма! И первое время она действительно не верила. Не верила потому, что человек, из чьих рук получила известие, вызывал неприятные воспоминания, опять всплывшие из тайника памяти.

Страничка памяти

«От советского Информбюро...»

Каждое утро для Прасковьи Николаевны начиналось этими словами. Да и только ли для неё? Весь город в эти минуты замирал, слушая сводки с фронтов. А не погна ли немца?

Но сводки были неутешительны.

Армия наша отступала.

В город ежедневно прибывали раненые и эвакуированные. Не было, пожалуй, дома, в котором бы не разместили семьи беженцев, семьи эвакуированных.

Для Прасковьи Николаевны наступили самые трудные дни. Муж был на фронте. Тося училась в институте, а сын Борис – в школе. Все его игры в «немцев и красных» кончались полным разгромом фашистов.

А война только-только ещё начиналась...

* * *

Прасковья Николаевна возвращалась с рынка невесёлая. Какое уж тут веселье! Цены на базаре росли с каждым днём, и ей приходилось колдовать со своей маленькой зарплатой, талантливо рядиться за каждый рубль, чтобы прийти домой не с пустой кошёлкой.

Около дома стояла раскрасневшаяся от мороза Тося, а рядом с ней – высокий молодой человек. Одет он был щеголевато. «Видимо из приезжих», – отметила Прасковья Николаевна, а от лица его веяло завидной бодростью и здоровьем.

– Ой, мамочка, – обрадовалась Тося, увидев мать. Она была рада случаю, чтобы отвязаться от надоедливого ухажёра, который, как нарочно, попадался ей на каждом шагу.

– Что это за кавалер? – спросила Прасковья Николаевна, когда они вошли в комнату.

– Да ну его, – отмахнулась Тося, – проходу не даёт.

Однажды этот молодой человек появился в доме Прасковьи Николаевны. Одет он был нарядно, как жених, и от него сильно пахло одеколоном.

Тоси не было дома, она работала в Осоавиахиме. Готовила для фронта пополнение и втайне от матери готовилась сама.

– Вы ничего не знаете о дочери? – заговорщически спросил он.

Прасковья Николаевна вздрогнула. Хотя она и знала строгое поведение Тоси, но слова гостя

почему-то насторожили её и напугали.

– Ваша дочь, мамаша, умная, хорошая девушка. Но засела ей в голову блажь: на фронт, на фронт. Вскружила ей голову глупая романтика. Я не против патриотизма, нет. Но разговаривайте её, разговаривайте. Ну что вы будете делать одна? К тому же я люблю Тосю и хочу на ней жениться...

– Я думаю, молодой человек, о фронте мне Тося сама скажет. А вот о женитьбе не может быть и речи. Чем замуж идти, пусть уж лучше на фронт идёт.

Гость искренне улыбнулся.

– Вот это сравнили!

– Да сейчас ли, молодой человек, об этом думать? Вскружишь девчонке голову, а завтра тебя в армию...

– У меня бронь...

– Это уж твоё дело – бронь. Только я прошу оставить нас в покое. Иначе буду жаловаться.

* * *

Тося вернулась домой в шинели, шапке-ушанке, и Прасковья Николаевна поняла всё. Она заплакала и долго не могла прийти в себя.

– Хватит, хватит, мама, – стараясь быть спокойной, говорила Тося. – От слёз толку мало. Давай-ка лучше всё приготовим...

– А тебя сватать приходили...

– Кто?

– Ну этот, бронированный-то...

– Да пошёл он к черту! Пристаёт то ко мне, то к Верке. Та тоже послала его куда следует. И она, мама, на фронт едет.

– Вместе с тобой?

– Нет. Их после нас отправят.

* * *

«Добрый день, мамочка и Бориска!»

Вы уж простите меня, что не написала с дороги, хотя письмо начала ещё в поезде.

Скучаю по дому, очень переживаю за вас и прошу обо мне не беспокоиться.

А в Москве, мама, меня встретил и проводил Яков Егорович. Тётя Маруся не могла прийти, ей что-то нездоровилось. Очень осталась довольна дядей. Он одобрил мой поступок и прямо окрылил меня напутствием:

– Ты молодец, Тося, – сказал он. – Тяжело твоей маме, но сейчас всем тяжело, береги себя для себя, для мамы, для всех.

После слов дяди Яши я невольно вспомнила мелекесского «броненосца», который пытался удержать меня. Глупый! И всё-таки хитрый. Такой в добровольцы не запишется.

Сообщаю первое своё огорчение. Определили было меня в артдивизион, но потом вызвали в штаб и оставили секретарём военного трибунала. Даже как-то неловко сделалось. Ну ничего. Значит, так надо.

А вчера нам выдали личные знаки. На случай гибели. Ох и грустно стало. Но всё-таки хочется верить, что этот знак никогда не понадобится.

До свиданья, мамочка.

*Целую тебя и Бориску.
Тося».*

* * *

Январь 1944 года.

Прасковья Николаевна осунулась, похудела, выглядела очень слабой и болезненной.

Что с Тосей? Где она? Жива ли?

Жива, так откликнулась бы. Она всегда писала аккуратно.

Последнее письмо Прасковья Николаевна получила от неё год назад. И всё оборвалось. Ни слуху, ни духу. Если погибла, так извещение пришло бы. Похоронка, как их звали в народе. Но ничего не было. Никаких известий.

И потянулись дни, полные надежд и ожиданий. Даже радио заговорило иным тоном. Наша армия наступала на всех фронтах, и это радовало.

Однажды в дом Прасковьи Николаевны пришёл работник Осоавиахима товарищ Кириллин, но хозяйки не оказалось дома.

– Передайте ей, чтобы она обязательно зашла ко мне, – попросил он соседей.

Ёкнуло сердце, когда Прасковье Николаевне передали это приглашение.

– Наверное, что-нибудь с Тосей случилось?

– Да, случилось, – подтвердили соседи. – Говорят, получено нехорошее письмо.

Не ошиблось сердце матери. Не обманулось.

Прасковья Николаевна не помнит, как пришла в кабинет Кириллина.

– Мамаша, давно Тося прислала последнее письмо?

– Да уж год почти, – еле слышно произнесла Прасковья Николаевна.

– Го-од! О, это многовато.

Кириллин замолчал и перекладывал с места на место какой-то листочек.

– Приятного, мамаша, мало. Война есть война, и без жертв она не бывает. Мы получили письмо от однополчанина Тоси, который сообщил, что в одном из боёв немцы окружили часть, где служила Тося, и взяли её в плен...

Из кабинета Прасковью Николаевну вынесли замертво.

И всё-таки Кириллин не всё сказал матери. Он передал ей только частицу письма старшего лейтенанта Вегери. Подробнее Прасковья Николаевна узнала позже от других горожан, когда и до них просочилась страшная весть. А пока в душе её поселилась смутная маленькая надежда: вдруг да ошибка?!

* * *

Шли дни. Письмо о гибели Тоси было подшито к делу. А о том, что с ней произошло, громко говорить не полагалось: как-никак человек попал в окружение и погиб в плену. Может быть, Тося и вела себя героически, но плен есть плен. Лучше смерть, чем плен, об этом говорили все уставы.

Но Прасковья Николаевна, разумеется, не знала об этих тонкостях. Кто-то ей посоветовал обратиться в военкомат за консультацией – не назначат ли за погибшую пособие?

Но в военкомате душу Прасковьи Николаевны ранили навывлет. Когда одному из работников она подала письмо о гибели Тоси, то, прочитав его, тот

долго постукивал пальцем по столу, видимо, обдумывая, что сказать притихшей матери. И сказал. Да так, словно приговор вынес. Нет, не помнит Прасковья Николаевна фамилии того человека, а вот слова его не забыты. До сих пор в душе, как свинцовая пуля.

– Знаете что, мамаша. Письмо не может служить основанием для назначения пособия. Во-вторых, тут речь идет о плене, а это очень серьёзная штука. Неизвестно ещё, ЧТО с вашей дочерью. Может, она преспокойно живёт в Германии... А письмо пока спрячьте и не показывайте.

– Эх, сынок, сынок... – только и смогла сказать Прасковья Николаевна...

С тех пор письмо это она и вправду не показывала никому. Положила его на дно сундука, а боль свою – на дно сердца. И переживала, и мучилась молча, мужественно, терпеливо, как и тысячи матерей России...

И вдруг писатель Смирнов разбередил душу, призывая вести поиски героев, бережно собирать письма и документы участников войны, рассказывать о них молодому поколению страны. Прасковья Николаевна открыла сундук и решила ещё раз развязать узелок со своей болью...

Лейтенант Вегеря

Поезд остановился на станции Курск.

Мы вышли из вагона взглянуть на вокзал. Долго озирались по сторонам, стараясь разглядеть, не осталось ли каких следов войны. Каждый из нас знал, что на этом направлении произошло одно из самых жарких сражений минувшей войны.

Утренний город ещё спал. Даже на вокзале народу почти не было.

– Интересно, – заметили Надя и Валя: – едем по местам боёв, а никаких следов не заметно.

– Смотря какие следы, – улыбнулся Василий, – развалин, конечно, нет. А вон, видите, памятник блестящий? А во-он ещё один?

– Видим.

– Так вот под ними – тысячи солдат. У нас на Украине почти в каждом селе такой памятник.

В вагон мы зашли под впечатлением от разговора о войне, который невольно перешёл опять на воспоминания о Тосе.

Я вынул свои бумаги и записал какую-то мысль. Пока я перелистывал записи, внимание Василия привлекли несколько документов.

– Ба, да у тебя целый архив? – удивился он. – На некоторых листах – красная звёздочка. Уж не переписка ли с Министерством обороны?

– Всё тут.

– Это любопытно, – заинтересовался Василий. – Можно посмотреть, если не секрет?

Как архивариус, он стал вчитываться в строки писем...

Мелекес, ГК ВЛКСМ.

Вашу просьбу пока трудно выполнить. Необходимо установить точное наименование села и обязательно указать район.

В Харьковской области почти в каждом районе имеются сёла Новая Ивановка, Нижняя Ивановка, где во время Великой Отечественной войны были сильные бои.

Уточните через старшего лейтенанта ВЕГЕРЯ Ф.П. полное наименование села и укажите район. Мы примем участие в розыске могилы вашей землячки Тоси Потаповой.

В. Лукашов, зав. общим сектором Харьковского ОК ЛКСМУ.

* * *

Начальнику архива Министерства обороны СССР Копия: Мелекесскому РК ВЛКСМ, Ульянов. обл.

Направляю запрос по розыску Вегеря Ф.П., в 1943 г. проходившего службу в Н-ской войсковой части.

Прошу проверить по документам этой войсковой части и результат сообщить второму адресату, а при необходимости наведения дальнейших справок и в Главное управление кадров, указав более подробные данные на разыскиваемого Вегеря.

Проверкой по картотекам Главного управления кадров установить Вегеря Ф.П. не удалось.

Петров, начальник отдела управления.

* * *

г. Мелекес, ГК ВЛКСМ

На ваше письмо, поступившее в архив МО, сообщая, что Н-ская войсковая часть входила в состав 1-й гвардейской армии.

В раздаточных ведомостях на выдачу денежного довольствия личному составу за 1943 год Вегер Ф.П. не значится.

Других документов этой части в архиве МО нет. Рыбенков, пом. начальника архивохранилища.

* * *

г. Мелекес, ГК ВЛКСМ

На Ваше письмо Харьковский обком комсомола сообщает, что комсомолка Тося Потапова была зверски замучена в с. Н. Ивановка бывшего Петровского, ныне Лозовского района на Харьковщине. На территории села находится колхоз «Рассвет».

В этом месте в 1943 году развернулись трагические события, которые стоили многим жизни.

Наша воинская часть была отрезана от основных частей Советской армии немецкими танками. Стараясь вырваться из окружения, часть советских воинов, обессиленная неравной борьбой, попала в плен. Попала в плен и Тося Потапова. Часть военнопленных фашисты расстреляли сразу. Остальные были оставлены для медленной расправы. Фашисты были взбешены стойкостью советских людей, которые, будучи в плену, остались мужественными и непоколебимыми. Дикими методами расправились фашистские изверги с нашими людьми. Страшной смертью погибла и отважная советская девушка-воин Тося Потапова.

Подробности гибели Т. Потаповой, о которой сообщил ст. лейтенант Вегеря Ф.П., совпадают с сообщениями жителей с. Н. Ивановка.

В 1943 г. с. Н. Ивановка было освобождено Советской армией от фашистских захватчиков. Председателем сельского совета (Н-Ивановского, сейчас Раздольного) стал тов. Зубенко Ф.Д. Он рассказал, что все погибшие в 1943 году были перенесены в одну братскую могилу. Среди воинов похоронена и Тося Потапова.

На могиле воинов, отдавших жизнь за свою Родину, стоит обелиск. Уже завезён в колхоз скульптурный памятник, который будет установлен на могиле героев.

Пионеры Н. Ивановской начальной школы (директор – т. Кагадей Н.В.) переписываются с учениками школы, в которой училась Тося Потапова.

В. Чернобривченко, секретарь Харьковского обкома ЛКСМУ.

* * *

Редактору газеты «Красная звезда»
Уважаемый редактор!

Очень просим помочь найти человека, который был свидетелем гибели нашей землячки Тоси Потаповой. Он прислал письмо в 1944 году, но дошло оно до нас только сейчас. Фамилия ст. лейтенанта – Вегеря Ф.П. Копию письма мы Вам высылаем.

Ребята, школьники из Харьковской области, прислали фотографию могилы Тоси. Но нам интересно знать, кто ещё вместе с ней сражался против немецко-фашистских захватчиков?

Т. Руськина, секретарь Мелекесского ГК ВЛКСМ.

* * *

Начальнику Главного управления кадров МО
Копия: Мелекесскому ГК ВЛКСМ

Направляю письмо второго адресата и копию письма офицера Вегеря Ф.П. для проверки и установления его имени и местонахождения по Вашим учетным данным.

По данным архива Министерства обороны Н-ская войсковая часть входила в состав 1-й гвардейской армии.

Документов, необходимых для установления имени, прохождения службы и судьбы офицера Вегеря Ф.П., на хранении в архиве МО не имеется.

Есть основания полагать, что ст. лейтенант Вегеря Ф.П. находился в плену у немцев и был свидетелем гибели Тоси Потаповой.

Фамилия Вегеря Ф.П. довольно редкая и по картошкам: алфавитно-послужной, учета награждённых и учета потерь, – по нашему мнению, удастся установить необходимые данные.

Если будет установлено, в каких частях и учреждениях офицер Вегеря Ф.П. проходил службу, то прошу сообщить в архив МО для проверки архивных документов.

Добровольский, нач. отдела архивохранилища.

* * *

– Да-а, – протянул Василий, ознакомившись с перепиской. – В этих письмах есть обнадеживающие и сомнительные места.

– Какие? – спросил я.

– Старший-то лейтенант Вегеря не находится. Может, он никогда и не существовал?

– Этого не может быть. Факт все-таки подтверждён. И Харьковским обкомом комсомола, и жителями Ново-Ивановки.

Василий рассмеялся.

– Факт мог быть, не спорю. А откуда гарантия, что это случилось именно с вашей Тосей? А вдруг это всего-навсего случайное совпадение? Разве в наших частях было мало дивчин? Вдруг Тося погиб-

ла где-то в другом селе, а вот под Ново-Ивановкой немцы замучили другую девушку, не Тосю? Скажи, могло быть?

– Вполне могло.

– Могло, конечно. А вот ещё версия. Вдруг в этой части были ещё девчата? И все погибли. Так о какой из них идет речь в письме Вегери? Кстати, в одном из ответных писем его называют почему-то «Вегер»...

Подобные размышления и вопросы мучили и меня. Я тоже задумывался, сомневался, предполагал. Утешало только одно – я везу несколько фотографий Тоси. Покажу их жителям Ново-Ивановки, может, опознают. Фотографии были моим основным козырем. На них-то я и возлагал главную свою надежду.

Немного истории

Поезд отстукивает километр за километром. Мимо проносятся города, посёлки, перелески, поля, где ещё вчера грохотала война и кипели жаркие сражения.

Уже позади Тула, Орёл, Курск, Белгород – знаменитые места боевой славы русского оружия. С каждым из этих городов связаны легендарные страницы летописи войны и подвиги богатырей-солдат великой русской земли.

А поезд мчится и мчится, выстукивая монотонную дробь. Ещё несколько бросков, и мы будем на знаменитой и прославленной Харьковщине.

– Знаешь, какая мне сейчас пришла мысль? – начал Василий. – Не угадаешь. А у меня опять сомнение. Ты вот говоришь, Тося попала в плен в феврале сорок третьего. А я думаю: как же так? Ведь в это время наша армия, кажется, наступала.

Итак, что же произошло?

Почему наши войска оказались вдруг в окружении?

После разгрома врага под Сталинградом Красная армия начала общее наступление и прорвала фронт на обширном участке. Всё это позволило начать освобождение Украины и в первую очередь её главных промышленных районов, таких как Харьков и Донбасс.

Решение этой задачи было возложено на Южный, Юго-Западный и Воронежский фронты. Основная же роль в освобождении Донбасса отводилась Юго-Западному фронту, главной ударной силой которого были 6-я и 1-я армии. (В составе 1-й армии и служила наша землячка Тося Потапова.) Им предстояло развернуть наступление, обойти противника и отрезать ему все пути отхода.

Но гитлеровское командование тоже принимало меры, чтобы удержать Донбасс. Оно спешно перебрасывало на этот участок войска с других фронтов, а также лучшие дивизии из Западной Европы.

В календарном порядке эти события выглядели так:

29 января

Войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. Ударом на Балаклею его успешно начала 6-я армия.

30 января

1-я гвардейская армия нанесла сильный удар на Красный Лиман.

2 февраля

Перешли в наступление войска Воронежского фронта и устремились на Запад.

5 февраля

На Харьковском направлении войска Воронежского фронта вышли на Северный Донец, а войска 3-й гвардейской – на подступы к Воронежу.

6 февраля

Врагу отрезаны пути отхода из Харькова на Змиёв... Начаты бои за Курск... Освобождены Балаклея и Изюм.

7 февраля

Освобождён город Короча... Завязаны бои за Белгород.

8 февраля

Освобождён Курск...

Перерезана железная дорога Харьков-Лозовая...

Чтобы ликвидировать угрозу окружения Харьковской группировки, немцы отводят войска с Северного Донца.

9 февраля

Освобождён Белгород...

Форсирован Северный Донец и завершён обход Харькова с юга.

11 февраля

1-я гвардейская армия освободила Лозовую и начала бои за Славянск и Красноармейское, выходя в глубокий тыл армий «Дон».

14 февраля

Освобождены Ворошиловград, Ростов.

15 февраля

Освобождён Харьков...

17-19 февраля

Гитлеровская ставка в смятении. В течении трёх дней в Запорожье проходит совещание, на котором присутствует Гитлер. Он заявил, что мощное наступление Красной армии можно остановить только мощным контрнаступлением... Надо отрезать далеко продвинувшиеся советские войска и окружить их в районе Харькова...

Для контрнаступления фашисты сосредоточили на небольшом участке 25 дивизий. Враг стягивал войска, но эту коварную перегруппировку командование Юго-Западного и Воронежского фронтов приняло за намерение врага отойти за Днепр. Командование требовало продолжать наступление.

Но успешно наступать наши войска уже не могли. Соединения далеко оторвались от баз и понесли крупные потери. К тому же началось резкое потепление, распутица.

И вот 19 февраля танковый корпус СС начал контрнаступление. Затем переходит в наступление другой танковый корпус. Захватив Красноармейское, Павловград, оба танковых корпуса устремились на Лозовую и дальше, сменяя наши отступающие части и отрезая им пути к отходу.

Учитывая эту обстановку наше командование отдало приказ отойти за Северный Донец...

Измотанные долгими боями, наши части отступали.

Отступала и 58-я стрелковая дивизия 1-й гвардейской армии, в которой служила Потапова Антонина Михайловна...

Отряд капитана Шабанова

Настроение у Тоси с утра было пасмурным, как эта промозглая февральская погода. В голову лезли мрачные, безысходные мысли: «Прорвёмся ли к своим? Удастся ли выбраться из кольца окружения?»

Понеся большие потери, 58-я стрелковая дивизия генерала Жеребина отходила двумя группами. Одну возглавил он сам, а другая отходила под руководством подполковника Солдатенкова. Правда, распоряжением генерала при группе Солдатенкова был выделен особый отряд с имуществом штаба дивизии и военного трибунала. Отряд этот под командой капитана Шабанова выходил из окружения самостоятельно.

В отряде насчитывалось 43 человека, в том числе три женщины. На семи подводах и одной полуторке располагалось имущество штаба дивизии. Несколько автоматов и гранат да личное оружие офицеров – вот и весь «арсенал» отряда. Поэтому Шабанов решил, что о прорыве кольца силой не может быть и речи. Надо искать место, где немцы ещё не успели сосредоточиться.

Прошлой ночью они пытались проскочить в районе Барвенково, но неожиданно столкнулись с большим отрядом фашистов. Начали было бой, но почувствовали – силы неравны и отступили в район станции Лозовая. Но и там были немцы.

Всю ночь отряд бросался то в одну, то в другую сторону.

Пять раз лейтенант Фёдор Вегеря ходил в разведку и всякий раз приносил нерадостные вести.

Наступило утро 25 февраля. Рассвет застал отряд километрах в двух от села Ново-Ивановка, которое располагалось в большой низине, как в гигантской чаше.

Шабанов развернул планшет и покачал головой.

– Дело, ребята, дрянь. Вся местность как на ладони. Ни деревца, ни кустика. До ближайшего леса 15-20 километров, надо спешить.

Шабанов взглянул на хмурое небо, на облака, похожие на взрывы, вытер рукавом росинки дождя на лице и прошептал: «Спешите не спешите, а много не наспешите»...

Тося и Фёдор шли рядом. Последнее время они как-то всегда держались вместе. С тех пор, как встретились в Павловграде, какая-то сила помимо их воли тянула друг к другу. Тосе было легко, когда рядом с нею находился весёлый и вечно улыбающийся Фёдор. Он был ранен несколько раз, но всё равно не унывал и сохранял бодрость духа. А в ночной перестрелке его опять ранило в руку. Фёдор пытался забыть о своей боли, но Тося чувствовала, как ему тяжело, и переживала, когда неосторожно он задевал раненую руку.

– Сейчас, Федя, зайдём в село и в первой же хате я сделаю тебе перевязку.

– Чепуха, – улыбнулся Фёдор, – я живучий, пройдёт. Вот документы наши неплохо было бы оставить на хранение.

Тося огляделась вокруг и вздрогнула, заметив, что в большой низине притаилось маленькое-маленькое село. И до того эта местность показалась ей знакомой, что она разволновалась, словно была здесь несколько раз и сейчас может встретить кого-то близкого.

«Ну ей-богу, как у нас, – с улыбкой подумала Тося, – Не хватает только одного – леса. У нас ведь вокруг такие сосны, что аж дух захватывает от их высоты. Бывало, зайдешь на Горку и долго-долго слушаешь, как гудят сосны, как печально перешёптываются они о чём-то своем, сокровенном. Облака, кажется, зацепились за их кроны, как огромные серые дирижабли. А ветер дунет-дунет, и сосны клонятся и как-то нежно прикасаются друг к другу...»

Невольно вспомнилась душевная подруга Вера Соловьева.

«Где она сейчас, моя Верка? – с тревогой подумала Тося. – Может, вот, как и я, мокнет под дождём, выбивается из сил, выбираясь из окружения...»

Тося поправила выбившийся из-под ушанки мокрый локон и почему-то вспомнила о письме матери. Как-то полковой парикмахер предложил Тосе сделать завивку, и она написала матери, что хочет сменить причёску. И слова ответного письма зазвучали в ушах Тоси материнским голосом: «Да как это ты, доченька, додумалась? Такие у тебя волосы, и ты хочешь их испортить завитушками. У меня не смей это делать. Не смей. Да и стыдно, чай. Сама по смерти ходишь и о кудрях думаешь».

Тося поёжилась, и сердце защемило от какого-то тяжёлого предчувствия. Слова матери «по смерти ходишь» как нарочно застряли в мыслях и никак не хотели выбраться оттуда. Чтобы отвлечься, Тося повернулась к Фёдору, который также задумчиво шагал рядом.

– Ты что это, Федя, молчишь?

– Не хочу тебе мешать. Иногда ведь человеку хочется остаться наедине с собой. А я заметил, что ты сейчас чуть ли не дома побывала.

– А ты угадал. Местность эта мне наш Мелекесс напомнила. Вот если бы лес был вокруг, то я наверняка подумала бы, что к Мелекессу подхожу...

– Кто у тебя там?

– Мама да братишка. Одни. Папа тоже на фронте.

Дорога свернула в пустынную улицу села. Тихо. Не видно ни единой души, и если бы не дымки из труб, то можно подумать, что всё село вымерло.

От мелкого дождя белые украинские хаты посерели и выглядели угрюмо, как мокрые куры. Где-то совсем недалеко слышались рёв автомашин, выстрелы, ржанье лошадей. Но люди, казалось, ко всему равнодушные, шли молча, увязая по колёно в мокром грязном снегу.

А ноздрястый снег, тут и там исполосованный колеями машин, саней, раскисленный сотнями солдатских сапог, трудно было назвать снегом. Он напоминал серо-пепельную массу, холодную лаву, выброшенную вулканами войны. И люди шли сейчас, скользя и падая, шли где-то вблизи этого страшного кратера.

– Товарищ капитан, – обратилась Тося к Шабанову, – старшему лейтенанту Вегеря надо сделать перевязку. Я прошу разрешения зайти в одну из хат.

– Идите, – и, обращаясь к Фёдору Вегере, добавил:

– Только быстро, старший лейтенант, вы мне очень нужны.

Петька

Сквозь сон Петьке показалось, что кто-то вошёл в хату. К ним часто заходили, потому что жили они на краю села, у самой дороги. Правда, хата была третьей от края, но крайние две сожгли, отступая, немцы, и теперь Петькина хата была на самом бойком месте.

– Доброе утро, мамаша, – раздался глухой мужской голос.

– Здравствуйте, – тихо сказала вошедшая женщина.

Мать, как всегда, на радостях всхлипнула, запричитала, метнулась на кухню и загремела посудой, собирая на стол.

– Сынок, дочка, садитесь. Поснедайте трошки.

– Спасибо, ничего не нужно, – сказала женщина.

– Да и не время за столами высиживать, – добавил мужчина.

– Вчера наступали мы, а нынче – немец. Со всех сторон жмёт, анафема, того и гляди на пятки наступит. К своим идём, а пробьёмся ли...

Петька высунул нос из-под полушубка и одним глазом уставился на угрюмое лицо высокого солдата, упировавшегося прямо в потолок низенькой хаты. Голова и рука его были перебинтованы не белыми, а, как Петьке показалось, серыми бинтами. Бушлат был тоже какого-то неопределённого цвета и издавал шум при каждом движении своего владельца.

Девушка вынула из кармана бинт и подошла к солдату.

Пока девушка делала перевязку, Петька смотрел на её юное лицо, на крупную родинку на подбородке и ему стало жаль эту девушку в грязно-белом полушубке.

– Куда теперь, Федя? А? Трое суток мечемся, и всё бесполезно.

– Сегодня, Тося. Сегодня или никогда.

Тося заметила Петьку и, подойдя к нему, протянула два кусочка сахара.

– Та не надо, – отказался Петька, но руки сами потянулись к этим белым соблазнительным квадратикам.

К столу подошла мать Петьки, поставив две кружки с дымящимся чаем.

– Может, чайку попьёте?

И Тося с Фёдором не отказались. Маленькими глотками они отхлёбывали чай, заваренный, по видимому, сушёной морковью.

– А мы, мамаша, к тебе с просьбой, – Фёдор вынул из кармана что-то завернутое в тряпицу. Спрячь всё это, пожалуйста, подальше.

Мать протянула было руки к свёртку, но нерешительно задержала их.

– А не взирвется?

– Не пугайтесь, – улыбнулась Тося, – тут документы. Кто знает, как обернётся дело. Может... Но на всякий случай спрячьте. Погоним немца, обязательно к вам заглянем.

– Ой, скорее бы, – всхлипнула мать, – когда только ему, окаянному, конец буде?

– Будет, мамаша, обязательно будет.

В окно постучали.

– Лейтенант Вегеря, к командиру.

– Ну, бывай здорова, мамаша.

– Да спасёт вас Бог, ридненькие мои, – перекрестила обоих мать.

Когда за гостями захлопнулась дверь, Петька видел, как засуетилась мать, шаря глазами, куда бы спрятать солдатский свёрток и, видимо не найдя более надёжного места, сунула его в старый Петькин сапог. Потом она принесла топор, выломала в печке кирпич дымохода и выдвинула из-под скамейки ведро с глиняным раствором. Ведро с глиной у неё было всегда наготове, печка дымила постоянно, и матери часто приходилось лечить её от этого недуга.

Мать опустила свёрток солдата в раствор, затем сунула в дымоход и заложила отверстие кирпичом...

– Петро, ты спишь? – спросила она, надевая фуфайку.

– Сплю, а что?

– Вставай, сынок. Я уйду к бабе Марье. Пойдём в Ялты, может быть, что для еды выменяем...

Петька вскочил с постели и бросился к окошку, наблюдая, куда пошла мать, а затем подошёл к свежезамазанному квадрату дымохода. Его разбирало любопытство: а что в свёртке? Вдруг это очень важные документы, а мать забудет про них и они сгорят?

Петька подобрал с пола щепку, прочертил квадрат на свежей глине, и без труда вытянул кирпич.

В свёртке было два комсомольских билета, орден и две медали. Впервые Петька держал в руках боевые награды, и поэтому, видимо, сердце его колотилось от волнения и тревоги.

«Нет, мать выбрала неподходящее место, – решил Петька, – надо перепрятать».

Он снова вставил кирпич на прежнее место, затёр глиной трещины, чтобы мать не догадалась, и что-то стал шарить в чулане. Его внимание привлёк глиняный горшок с разбитым краем. Когда-то мать вытапливала в нём свиное сало. Он покосился на печку. Надька спала. Затем, выскоблив из горшка остатки сала, Петька смазал им медали и орден. Свёрток он уложил на дно горшка, пригоршнями из ведра зацепил глины, доверху наполнил горшок и проворно юркнул с ним во двор.

Надька

Где-то за селом ухали орудия, то и дело «рычал» немецкий пулемёт, и совсем отчётливо доносился гул танков и самолётов. Петька вышел из конюшни, стряхивая со штанов землю. Он был доволен, что перехитрил мать. Теперь этот свёрток сам Гитлер не разыщет.

– Пе-тро-о! – вдруг услышал он голос Надьки. Он подошёл к окошку и увидел, как, расплывшись нос, Надька уставилась на него сквозь подслеповатые стёкла.

– Смотри, Петька, сколько войску идёт.

Мимо хаты колонна за колонной торопливо двигались на восток части нашей армии.

Моросил мелкий-мелкий февральский дождь, и

неглубокий снег становился ноздрястым, как сахар. На дороге буксовали полуторки, надрывались измученные лошади, волоча орудия, кухни, сани. Колонна прошла через село, превратив дорогу в сплошное разжиженное месиво чернозёма и снега.

– Отступают, – вздохнул Петька, заходя в хату.

– Значит, скоро опять нагрянут немцы. Ох, до чего ж они надоели, сволочи. Особенно эти проклятые эсэсовцы.

Кому-кому, а Надьке эсэсовцы хорошо знакомы. Когда немцы драпали из села, один из них долго издевался над её матерью, а потом выстрелил ей из пистолета в рот. Другой подпалил хату... С тех пор Надьку и приютила Петькина мама.

Как радовалась Надька, когда Новая Ивановка была освобождена. Как радостно вместе со всеми встречала она советских бойцов. Думала, что немцев прогнали навсегда. И вот на тебе, красноармейцы опять почему-то отступают.

От неожиданного взрыва Петька и Надька вздрогнули и присели на пол. Затем последовал второй взрыв, третий. Дико заржала раненая лошадь, и вскоре всё село задрожало от сплошного гула немецких бомбардировщиков.

– Петро, а, Петро! – полушёпотом прямо в ухо тараторила Надька.

– Чего тебе? – буркнул Петька.

– Пойдём сходим за мостик. Говорят, несколько машин и повозок разбило.

– Ну и что? – равнодушно сказал Петька.

– Как это что? Говорят, в машине мука есть, наберём хоть маленько.

– Значит, у своих воровать? – строго посмотрел Петька на подругу. – Ты за кого меня принимаешь?

Надька опешила. Взгляд у Петьки был такой злой, что казалось, вот-вот он даст по уху.

– Ты с ума сошёл. Воровать? – обиделась Надька.

– Да разве это воровство, если наша мука попадет к нашим? А немцам попадёт, лучше будет?

Это, видимо, показалось Петьке убедительным. Он набросил на себя полушубок и потянулся, широко зевая, за шапкой.

– Ты, Надька, прямо молодец. Жаль только, что девчонка. А так все данные у тебя для мальчишки. Давай собирайся и пошли.

Надька на ходу сунула Петру картофельную лепёшку, взяла небольшой мешочек и торопливо выбежала следом за Петькой.

Их внимание привлёк конский топот. Затем оба вздрогнули от неожиданного, сильного взрыва. Прямо на них со стороны хутора Ялты мчался конский эскадрон. Несколько всадников рысью неслись к ним через огороды.

Около хаты один из всадников осадил взмыленного коня и спросил:

– Эй, хлопец, далеко до леса?

– Километров пятнадцать, не так уж много.

– Для нас это очень много, – прищёлкнул языком боец, дёрнул за поводья и поскакал. И вдруг впереди коня взметнулся чёрный столб.

Петька и Надька как по команде присели и зажмурились, будто от страха достаточно было закрыть глаза, как это делают совсем маленькие ребяташки.

Пока они сидели, плотно прижавшись друг к

другу, взрывы раздавались совсем рядом, и Петька решил, что дольше оставаться здесь опасно.

– Идём в сени, – не сказал, а крикнул Петька, и, дёргая Надьку за рукав, первым на четвереньках метнулся по шаткому крыльечку в дверной проём. Отсюда они увидели, что боец, который только что разговаривал с ними, неподвижно лежал, распластав руки, а смертельно раненная лошадь изредка приподнимала голову и как-то жалостливо ржала, будто призывала на помощь. Видно было как поблёскивают её большие влажные глаза.

Петька проглотил застрявший в горле комок и поглядел на Надьку. Она тихо всхлипывала и ладонью вытирала заплаканные глаза.

– Ты что это?

– Жалко.

– Лошадь или бойца?

– Обоих жалко.

– Видишь, Надька, лошади – и то умирать не хочется. А людей сколько гибнет каждый день...

Петька замолчал и перевёл взгляд в другую сторону.

– Смотри, смотри, Надька, – неожиданно закричал Петька, услышав грохот. – Танки! Чьи это? Вот ещё один из-за пригорка выполз...

– Не наши ли? – с надеждой прошептала Надька.

– Нет, Надька. На наши не похожи... Бежим скорее вон в тот окоп...

Взявшись за руки, Петька с Надькой пустились во весь дух и кубарем скатились на дно окопа.

Лицом к лицу

Петька видел, как отряд, двое из которого только что были в хате, остановился, на какое-то время замер. Затем из саней и машины выскочили бойцы и схватились за оружие.

Из-за пригорка вынырнул третий танк, затем бронетранспортёр и ещё бронетранспортёр. Из них выскочили немецкие автоматчики и стремительно двинулись цепью.

Сопротивляться было бесполезно. Горстке наших бойцов противостояли около восьмидесяти автоматчиков и три танка, которые угрожающе разворачивали башни.

И всё же отряд начал бой, ошеломив фашистов своей дерзостью. Каждый понимал, что жизнь на волоске, и не хотел отдавать её дешево.

– Приготовить гранаты! – крикнул капитан Шабанов, присев с автоматом у колеса машины. Рядом с ним тоже с автоматом залегла Тося. Она озиралась по сторонам, стараясь увидеть, где Фёдор. Минут пять назад, когда они начали подниматься на пригорок, дорога вдруг раздвоилась и пошла влево. Шабанов послал Фёдора разведать, куда ведёт дорога. Но только Фёдор спустился в балку, как вдруг появились немцы. «Далеко ли ты ушёл?» – думала Тося. С секунды на секунду Тося в страхе ожидала его появления. Вот сейчас выйдет из балки – и всё пропало. Хотя бы он провалился на это время в снег.

Немцы уже были в сотне метров и кричали:

– Рус, хенде хох!..

– Хенде, хох!..

– Гранатами, – крикнул Шабанов, – огонь!..

Один за другим взметнулись чёрные столбы,

раздались крики, стоны и длинные очереди из автоматов.

Более десятка фашистов остались лежать на снегу, остальные яростно бежали вперёд, рассеивая из автоматов смерть.

Силы наших бойцов таяли. Гранат хватило на три-четыре броска. Уже раздавались pistolетные выстрелы и короткие очереди из автоматов. Патроны берегли и били только наверняка.

Но выстрелы с нашей стороны слышались всё реже и реже. А через десять минут этого страшного неравного боя всё было кончено.

В первые же минуты были убиты врач Оксана Диденко и писарь Юлия Осокина. Они пытались уползти в балку, но были настигнуты пулями.

Дольше всех отстреливалась из-за машины Тося Потапова и капитан Шабанов. Немцы обступали смельчаков со всех сторон, но от меткого огня Тоси и капитана падали один за другим. Это ещё больше распалало злобу гитлеровцев, и они выпускали в сторону искалеченной полуторки бесконечные очереди огня, бросали гранаты и кричали:

– Рус, капут!

– Хенде хох!

Но стоило им подняться во весь рост, как из-за машины снова раздавались очереди из ППШа. Но вскоре они замолкли совсем. Диски были пусты.

Капитан Шабанов выхватил из кобуры pistolет, но вдруг сжался и осел. Пуля фашиста тяжело ранила отважного русского офицера. Он повернулся к Тосе, хотел что-то сказать, но не смог. Слабеющим движением он бросил Тосе pistolет.

Тося отстреливалась из своего pistolета, а когда в нём не осталось ни одного патрона, схватила pistolет капитана. Один, два, три, четыре выстрела... Она направила pistolет на метнувшегося к ней танкиста, и в это время подбежавший сзади фашист ударил её прикладом по руке... Pistolет выпал и отлетел куда-то в сторону.

Тося в живых осталась одна. Впрочем, нет, не одна. В это время капитан Шабанов очнулся, зашевелился и застонал. К нему тут же бросился щупленький немец. Выхватив нож, он саданул с размаху в глаз, затем вырезал капитану на лбу звезду. Потом рванул его гимнастёрку и вырезал звезду на груди.

Капитан был жив. Единственным глазом он уставился на фашиста. И тот не выдержал ярости и презрения, брызжущих из его синего зрачка. Гитлеровец снова взмахнул ножом, и угас навсегда этот синий осколок ясного неба...

Разъярённый фашист бросился с окровавленным тесаком к Тосе, но подоспевший офицер оттолкнул его. Ухмыльнувшись, он смерил Тосю оценивающим взглядом и что-то сказал обступившим его солдатам. Те дико захохотали, и Тося поняла всё.

Офицер-танкист грубо потащил Тосю за машину, и Тося долго сопротивлялась, понимая его намерение. Собрав все свои силы, она резко толкнула эсэсовца в грудь. Офицер отлетел в сторону, но не удержался на ногах. Это вызвало у него приступ ярости. Рванув из-за пояса pistolет, он резко схватил Тосю за волосы и наотмашь ударил рукояткой по голове. В глазах Тоси сверкнул огромный снопок искр, а в ушах раздались слова матери:

– По смерти ходишь, а о кудрях думаешь...
Со всех сторон к ней бегут мать, Бориска, Федя и капитан Шабанов...

И... ти-ши-на...

Всё оглохло. Всё потемнело. Всё провалилось...

С криками и хохотом фашисты спешно расселись по машинам, любуясь, как ветер разносит вокруг документы разгромленного ими штаба. Никто из них не заметил, что невдалеке, в одном из окопов, прожигали фашистов ненавидящим взглядом два украинских подростка.

Это были Надька и Петька. Пока они добежали до окопа, трагедия, разыгравшаяся в балке, уже подходила к концу. А когда офицер потащил Тосю за машину, Надька вцепилась пальцами в свои щёки и, вытаращив глаза, застыла.

– Надька, не смотри! – прикрикнул на неё Петька. Но Надька, казалось, не слышала его. Она неподвижно смотрела в одну точку, и ногти её ещё сильнее впивались в щёки.

– Кому сказал! – крикнул Петька и прижал голову Надьки, навалившись на неё всем телом. Затем он стащил её на дно окопа, крепко обхватив руками, словно Надька могла вырваться и броситься к немцам. Но Надька уткнулась в Петькино плечо и беззвучно заплакала, вздрагивая и дрожа, словно коченела от мороза.

От бессильной злобы плакал вместе с ней и Петька.

Один

Давно уже отгремели выстрелы, рёв немецких танков и бронетранспортёров, а Фёдор всё ещё неподвижно лежал в снегу, под небольшим кусточком.

«Видно, и на этот раз моей пули не было, – угрюмо подытожил Фёдор, – всё произошло так внезапно, что, пожалуй, никто не успел опомниться».

Фёдор вспоминал: когда они выехали из Ново-Ивановки и стали подниматься на пригорок, он пошёл разведать, куда ведёт раздвоившаяся дорога. Она бежала в сторону небольшой лесопосадки, и только Фёдор поравнялся с ней, как послышался рёв моторов, затем выстрелы.

Федор был метрах в пятистах от дороги, в низине, потому он и оказался вне поля зрения фашистов. В том, что их отряд напоролся на немцев, у него не было никакого сомнения.

«Тося... Что будет с ней? ... – резанула по сердцу боль, и на какой-то миг Фёдор вроде обмер. Сгоряча он выхватил пистолет и метнулся к своим, на подмогу. Но, вбегая на пригорок, поскользнулся, упал на раненое плечо и потерял сознание...»

Под вечер заморозило. Фёдор заметил это по бушлату. Промокнув от дождя, он залубенел и издавал шорох даже при лёгком движении, а желание двигаться сейчас было самым неистребимым. Фёдор попробовал пошевелить пальцами ног, но ничего не получилось. Он не чувствовал их. Ему казалось, что и тело его за эти несколько часов так же, как и бушлат, покрылось ледяной коркой и что если он сейчас попытается встать, то не сможет этого сделать. К тому же сильно ныла раненая рука, перевязанная утром Тосей.

С трудом Фёдор поднялся, хотел шагнуть, но ноги не слушались. Он сел и правой рукой начал сгибать и разгибать одеревеневшие ноги. Правую,

левую, вверх, вниз... Но не помогли и эти упражнения. Тогда Фёдор упал на снег и пополз. Твёрдая корка наста, прорезаясь под локтями, издавала громкий хруст, словно кто-то разрезал кочаны капусты. Фёдор всё полз, полз и полз.

Небо было ясным, звёздным. Невдалеке виднелись очертания нескольких хат. Оттуда ветерок доносил запах дыма. А вокруг такая тишина. Такая жуткая тишина, что он подумал: «Не оглох ли?»

От напряжения Фёдор почувствовал, что спина покрывается потом, а пальцы ног зашевелились. Он полз на бугорок, за которым утром скрылся от глаз немцев, и в метрах тридцати от себя увидел на снегу длинное тёмное пятно. Он подполз ближе. Перед ним, раскинув руки, лежала женщина в полушубке. Юлия Осокина! Как часто шутила она о том, что ей уже двадцать лет и что, когда кончится война, будет настоящей старухой.

«Эх, Юлия, Юлия, – вздохнул Фёдор, – вот и осталась ты молодой навсегда».

Остальные лежали в различных позах, но большинство вниз лицом.

Федор пополз мимо них, к машине, где, по его предположению, должна была быть Тося. И не ошибся, это была она. Нет, не она. Он заглянул в лицо и отшатнулся. Вместо глаз зияли два тёмных шрама. Фёдор зажмурился и боялся открыть глаза. Краешек месяца выглянул из-за облаков и осветил это мёртвое поле, словно хотел показать Фёдору чёрное дело фашистов. И Фёдор посмотрел. Посмотрел бесстрашно, во все глаза, чтобы запомнить навсегда, чтобы мстить фашистам до последнего своего вдоха.

– Прощай, Тося! – прошептал Фёдор. Он приложил ладонь к её застывшим губам, рука ощутила на подбородке Тоси родинку, её милое родимое пятнышко, которое так нравилось ему. Фёдор невольно вспомнил, как однажды, уходя на задание, он прощался с Тосей, как она смущённо краснела, когда он поглаживал её руку своей ладонью. На прощанье он хотел было её поцеловать, но Тося отвела лицо в сторону, и Фёдор неловко ткнулся губами в её подбородок, прямо в родинку...

Вдруг Фёдор услышал шорох. Он прижался к колесу машины и замер. Шорох слышался всё ближе, всё отчётливее. Фёдор выглянул и увидел, что около убитых, полусогнувшись, кто-то ходит. «Кто бы это? – подумал Фёдор. – Может кто-то из сердобольных сельчан не выдержал и пришёл на всякий случай. Вдруг да кто-нибудь чудом уцелел?» Фёдор уже ясно различал силуэт женщины, чем-то походивший на изображение смерти. Она подходила то к одному убитому, то к другому, шарила и что-то совала в мешок...

Фёдор рванул кобуру, и рука коснулась ледяной рукоятки пистолета.

Вот женщина остановилась невдалеке от Фёдора и, схватив убитого за ногу, силилась стянуть с него сапог.

«Неужели это раненый, и она хочет оказать ему помощь?» Но что такое? Она стягивает и другой сапог...

Фёдор заскрипел зубами, в кровь закусил губу и выстрелил наугад в темноту...

(Продолжение следует.)

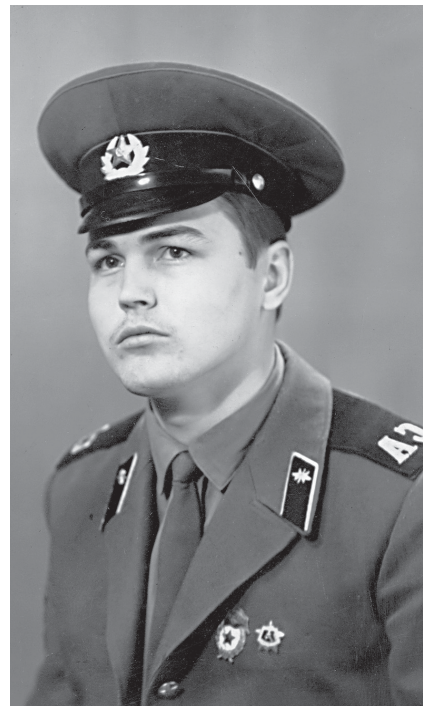
Публикацию подготовила Раиса Кашкирова

ВОЙНА В ИСТОРИИ СЕМЬИ

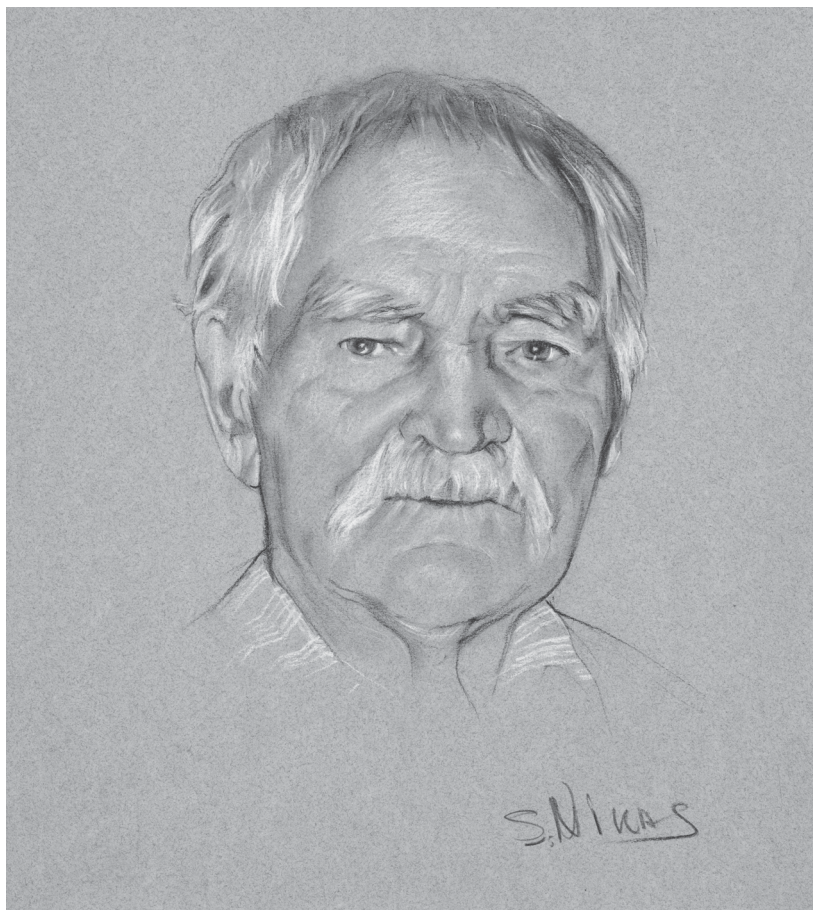
*Здравствуйте! С вами художник Никас Сафронов.
Я хотел бы поздравить весь наш народ и весь мир
с великой годовщиной Победы над фашистской Германией!*

Великая Отечественная война так или иначе коснулась всех семей нашей страны и моих родственников тоже. Папа, Степан Григорьевич Сафронов, родился в 1910 году в Симбирске (ныне Ульяновск). Еще до войны окончил танковое училище. Он был направлен служить на остров Сахалин, где его и застала война. Еще с середины 30-х годов на острове складывалась напряженная обстановка с японцами, и уже тогда был большой риск вооруженного конфликта. Война с Японией началась в августе 1945 года, так что моему отцу довелось участвовать в боях этого победного для нас противостояния.

Но я расскажу одну маленькую историю (а историй, кстати, в моей семье было очень много), которая произошла с моим дядей, братом моей мамы. Война его застала в Белоруссии, недалеко от Бреста, там он совершил геройский поступок, был представлен к ордену. А вручили ему награду не сразу, только в конце 1942 года в землянке, уже на Украинском фронте. Ему на грудь полковник прикрепил этот орден. А до этого они окунули награду в кружку со спиртом, такой был порядок или примета, чтобы орден хорошо носился и чтобы с тобой больше ничего не случилось. Они выпили, как полагается, по 50 грамм, и мой дядя вышел из землянки наверх. И вдруг шальная пуля попала именно в этот орден, отколол кусочек. Так, полученная боевая награда спасла ему жизнь. Мой дядя потом дошел до Берлина и получил много орденов, но этот у него был самый любимый и самый ценный, он его берег до конца своей жизни. Вот такая короткая история из семейного архива.

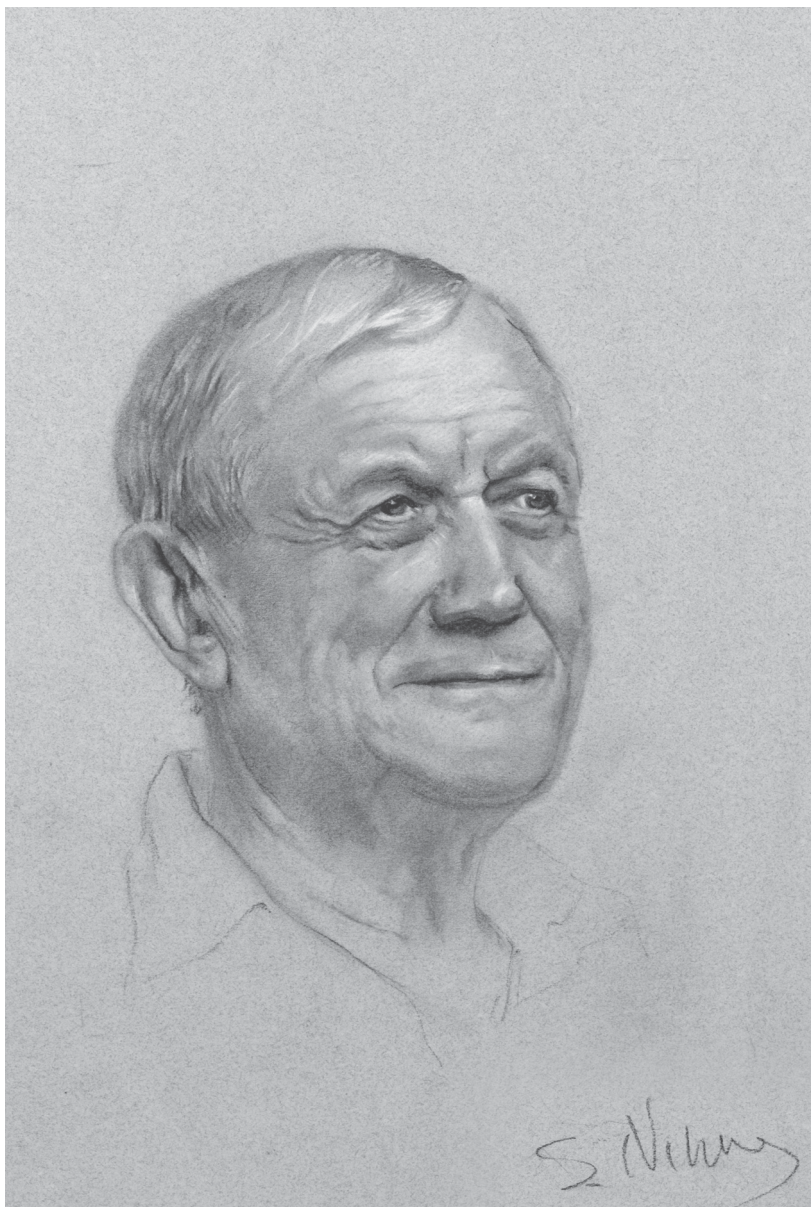
*Никас Сафронов.
Служба в Советской армии*

*Никас Сафронов. Сафронов Степан (24.06.1910 – 23.02.2005). 2008.
Бумага, сангина, 42x32*

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Евгений Евтушенко в июне 2016 читал на Красной площади своё новое стихотворение «Бессмертный полк».

Никас Сафронов. Евгений Евтушенко. 2010. Бумага, сангина. 44x32

* * *

На Красной площади стою,
 Как будто тоже состою
 Из лиц Бессмертного полка,
 Планету спасших на века.
 В одном из будущих веков
 Вам улыбнусь – и был таков.
 Но с крыши школы помашу,
 Где бомбы в Гитлера гашу.
 И моя мать из тех же лиц,
 Из шедших с армией певиц,
 И сорван голос был, но он
 Остался в шелесте знамен.
 Ее отец попал в ГУЛАГ,
 Но невидимкой брал Рейхстаг,
 И не смутили никого
 Два ромба, содранных с него.
 Он свой допрос не мог взять в толк:
 «Товарищ твой – тамбовский волк».
 Вставай, мой дед в Бессмертный полк.
 Великий физик и герой
 Спас нас от третьей мировой,
 Но слышал он и свист и вой
 Над гениальной головой,
 Но его голос не умолк:
 Встань, Сахаров, в Бессмертный полк.
 А Пастернак был «инвалид»,
 Но жил, как совесть жить велит.
 Стал добровольцем на войне,
 Пробил романом брешь в стене.
 И в эту брешь на зов земли
 Шестидесятники прошли.
 Встал Пушкин в том полку певцом.
 Всех лиц того полка лицом.
 Он подарил народу цель,
 Как путь, светящийся в метель,
 Превыше всяких поз и битв:
 «Народы распри позабыв
 В великую семью соединятся»
 И не иссякнет Русь пока
 Течет великая река
 Из лиц Бессмертного полка.

ЗНАМЕНИТЫЕ АКТЁРЫ–ФРОНТОВИКИ

Немало будущих народных и заслуженных артистов, кумиров миллионов зрителей прошли через Великую Отечественную войну с оружием в руках и внесли свой вклад в Победу. Снимаясь в фильмах о войне, актёры-фронтовики как никто другой чувствовали своих героев...

АНАТОЛИЙ ПАПАНОВ

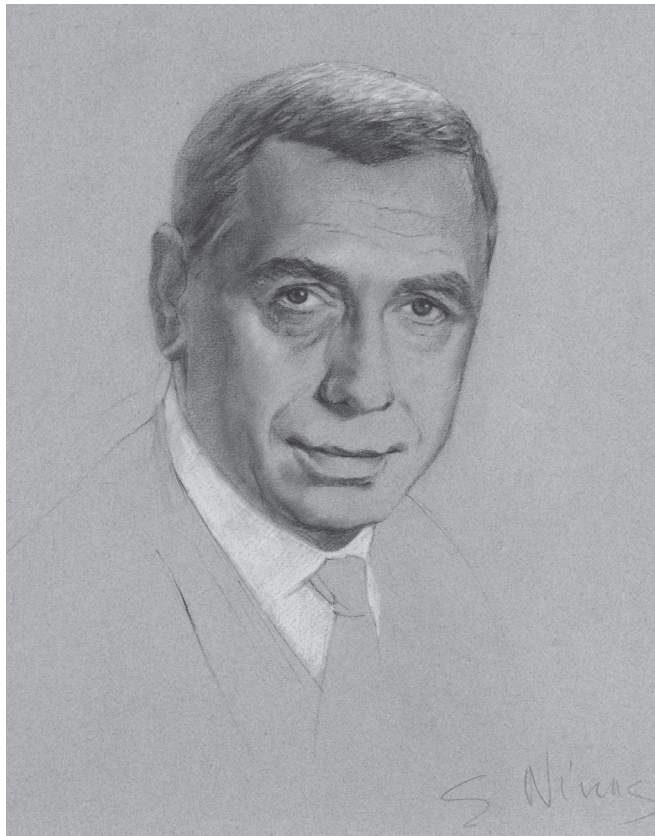
До войны актёр самодеятельного театрального коллектива Анатолий Папанов успел сняться в эпизодах шести фильмов. В 1940 году его призвали в армию, а через год перебросили из Оренбурга под Харьков. В первом же бою из 42 человек осталось в живых лишь 14... В звании старшего сержанта Анатолий Папанов командовал взводом зенитной артиллерии. В 1942 году под Харьковом получил тяжёлое ранение – в блиндаж, куда они с однополчанами зашли погреться, попала бомба. Живым откопали только Папанова – его контузило и взрывом оторвало два пальца на ноге. В 21 год актёр стал инвалидом третьей группы, был комиссован и несколько лет ходил с тростью...

Вернувшись в Москву, Анатолий Папанов поступил на актёрский факультет ГИТИСа – в институте очень не хватало юношей, большинство было на фронте, поэтому на его хромоту и трость не обратили внимания. В конце 40-х он уже был актёром Театра сатиры, а в 60-х – известным киноактёром.

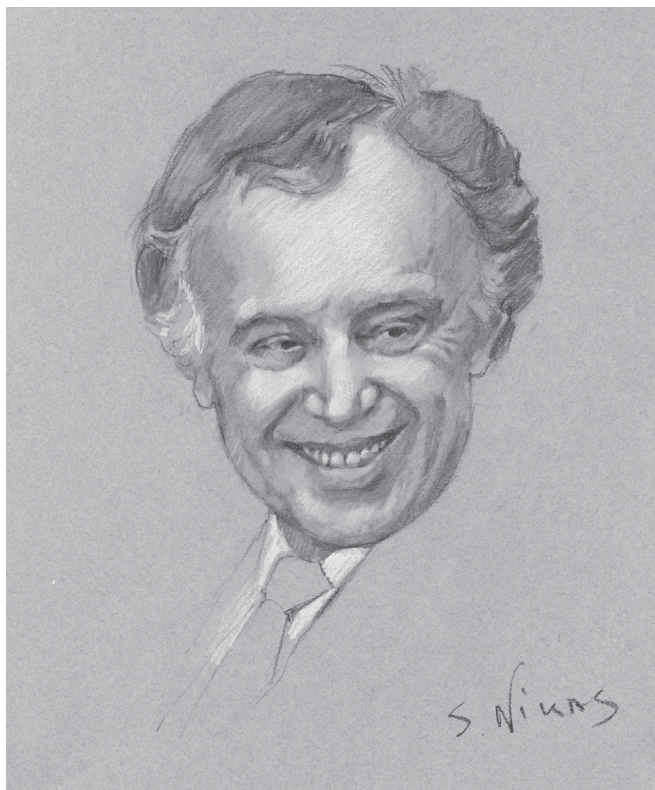
ИННОКЕНТИЙ СМОКТУНОВСКИЙ

С началом Великой Отечественной войны отец Иннокентия Смоктуновского ушёл на фронт, оставив 16-летнего сына за старшего. В 1942 году он работал в госпитале при размещённой в Красноярске воинской части и одновременно был статистом в местном драматическом театре. В начале 1943 года поступил в военное училище в Ачинске, но вскоре был пойман за собиранием картошки на общественном поле и отправлен рядовым на Курскую дугу... Участвовал в освобождении Киева, под огнём форсировал Днепр с боевыми донесениями в штаб. Во время одного из сражений под Житомиром попал в плен, но сумел сбежать по дороге в германский лагерь. Через заснеженный лес обессиленный Смоктуновский добрался до посёлка Дмитровка, где его выходила семья местных жителей, с которой потом он общался до конца жизни... Окрепнув, Смоктуновский присоединился к партизанскому отряду, а когда отряд объединился со стрелковым полком – стал командиром роты автоматчиков. В звании гвардии младшего сержанта участвовал в освобождении Варшавы, войну закончил в немецком Гревесмюлене. За военные подвиги Смоктуновский получил две медали «За отвагу», медаль «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией».

Демобилизовавшись в 1945 году, Иннокентий Смоктуновский вернулся в Красноярск и поступил в студию при драмтеатре. Недолгое пребывание в плену сделало Смоктуновского «неблагонадежным» – он получил запрет на проживание в 39 крупнейших городах. Актёр переехал в Норильск, потом работал в Махачкале... Спустя 10 лет после войны он смог приехать в Москву, и вскоре театр и кино узнали выдающегося артиста Иннокентия Смоктуновского...

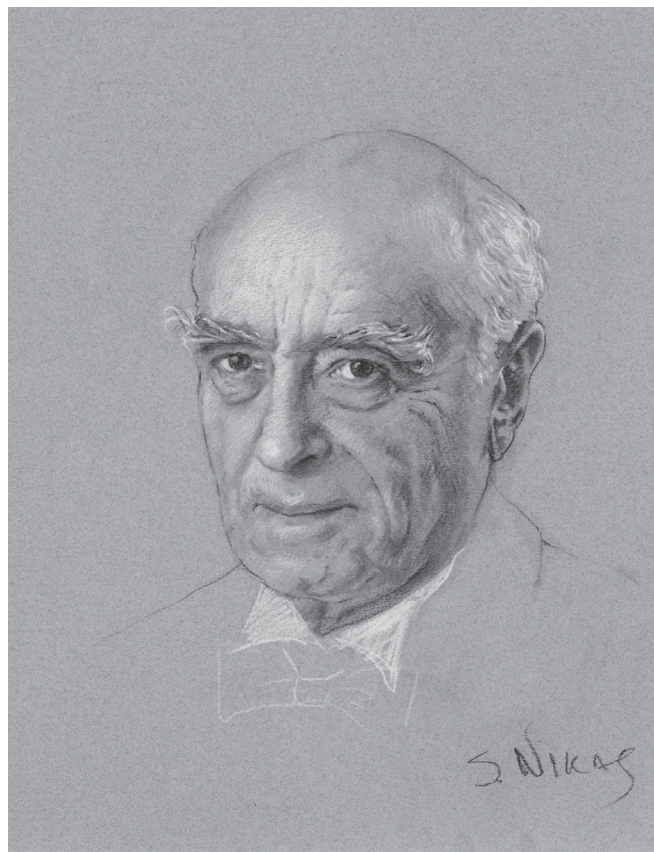
Никас Сафронов. Анатолий Папанов

Никас Сафронов. Иннокентий Смоктуновский. 2019. Бумага, сангина, 44x32

ВЛАДИМИР ЭТУШ

Актёр рассказывал, что был свидетелем начала войны, только тогда он этого не понял... В ночь с 21 на 22 июня он возвращался с вечеринки и увидел, как мимо него буквально пролетела машина немецкого посольства. Потом он прочитал, что это была машина посла Германии, который вручил Молотову меморандум об объявлении войны. Он был студентом Щукинского училища и мог воспользоваться бронью, но увидев, что на спектакле в зале сидят всего 13 человек, понял, что на фронте он сейчас нужнее... На следующий день Этуш записался в добровольцы. В школе он учил немецкий язык, поэтому его готовили в разведчики, но отправили в места сражений. В составе стрелкового полка он воевал в Ингушетии, в горах Кабарды и Осетии, принимал участие в освобождении Ростова-на-Дону. В звании лейтенанта командовал полком в наступательных боях, организовывал эвакуацию раненых, доставлял подразделениям боеприпасы. В 1943 году был ранен и позже комиссован со второй группой инвалидности. За «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» актёр получил орден Красной Звезды. В 1944 году Владимир Этуш вернулся на четвёртый курс Щукинского училища, а через год стал актёром театра им. Вахтангова. В 50-х начал сниматься в кино и вскоре стал признанным мастером характерных и комедийных ролей.

Никас Сафронов. Владимир Этуш

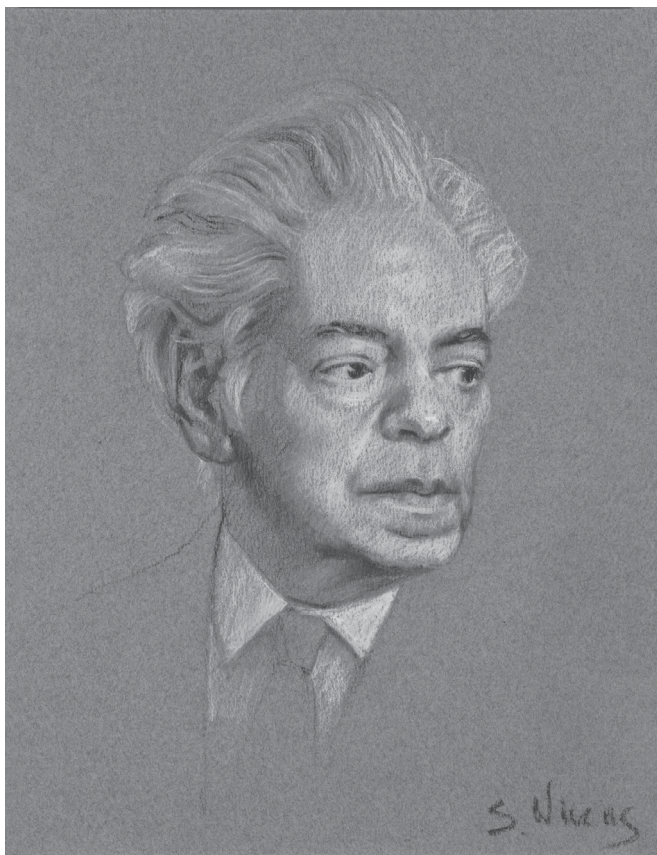
ГЕОРГИЙ ЮМАТОВ

Он всё детство мечтал стать моряком и в 1941 году его мечта осуществилась – он попал в военноморскую школу, откуда в семнадцать лет ушёл на фронт. Он был юнгой в торпедном флоте, служил сигнальщиком на бронекатерах Азовской и Дунайской флотилий. Принимал участие в штурме Измаила, во взятии Бухареста, Будапешта и Вены. Во время боя за Венский мост участвовал в рукопашной схватке. Это было одно из самых тяжёлых сражений – в бою погибло около двух тысяч десантников, но Юматов выжил и вышел из него победителем. За этот штурм он был награждён уникальной матросской медалью Ушакова. В одном из боев ему удалось избежать смерти благодаря корабельной собаке – испугавшись обстрела, она прыгнула за борт катера, и матрос Юматов бросился за ней в воду. В этот момент в катер прямой наводкой попал снаряд...

За три года войны Юматов несколько раз был ранен, получил контузию, дважды тонул, обморозил руки. За боевые заслуги он получил орден Отечественной войны II степени, медали «За взятие Вены», «За взятие Будапешта» и «За победу над Германией».

Никас Сафронов. Георгий Юматов. 2016.
Бумага, сангина, 50x40

Никас Сафронов. Аркадий Райкин, 1985.
Бумага, сангина, 32x26

АРКАДИЙ РАЙКИН

Будущий главный сатирик СССР поднимал боевой дух на флоте.

Став лауреатом Всесоюзного конкурса артистов эстрады, 30-летний и мало еще кому известный Аркадий Райкин вошел в руководство только что созданного Ленинградского театра эстрады и миниатюр. С этим театром он и отправился на фронт – поднимать боевой дух. Фронтальная бригада под руководством Аркадия Райкина обслуживала в основном флот – от Тихоокеанской и Дальневосточной флотилий до Балтики, Каспия, Черного моря. Именно на фронте впервые появились у Райкина сатирические миниатюры, ставшие его визитной карточкой.

ЭЛИНА БЫСТРИЦКАЯ

Быстрицкая Элина Авраамовна родилась 4 апреля 1928 года в Киеве в семье военного врача. Во время Великой Отечественной войны семья эвакуировалась из Украины в Астрахань, где Элина Быстрицкая прошла курсы медсестер и акушерско-фельдшерскую школу. В 1941 – 1944 годы работала санитаркой в госпитале.

«Сейчас, когда давно уже нет той войны, я пытаюсь вспоминать, как же это было... И вспоминается главным образом то, чем мы жили эти четыре года: все отдать ради победы.

Каждый час, прожитый во время войны теми, кто был со мной рядом, и мной лично, был подчинен одной цели... Я отчетливо это помню: все действия, поступки, мысли, заботы людей были направлены на то, чтобы дожить до победы. «Дожить» – слово, наверное, неправильное, по крайней мере, я за жизнь не цеплялась, никогда нигде за всю войну не пряталась... Но мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что любая работа, выполняемая нами в дни войны, должна была вести к одному – к нашей победе над фашистами.

Когда началась война, мне было 13 лет. Девочка я была, конечно, но желания спрятаться, устроиться от войны, не возникло ни на секунду. Мой отец был военным врачом, и он всегда мне говорил: «Ты – дочь офицера. А русский офицер всегда душу отдает Богу, сердце – даме, жизнь – Отечеству, а честь – никому». Я это очень хорошо запомнила.

Наша семья жила в Киеве, но война застала нас в городе Нежине – мы часто переезжали следом за папой. Отца призвали на фронт, а мы с мамой и маленькой сестричкой остались дома. Но страна жила и дышала фронтом – от этого нельзя было уйти: весь город был обклеен плакатами «Родина-мать зовет», «Все для фронта, все для победы!» ...Я считаю, что меня очень хорошо воспитали родители. Не возникло даже мысли, что я могу остаться в стороне. Было осознание того, что я уже большая и в эту пору могу быть полезной своей стране. Мною двигало желание помочь – хоть чем-то...

Почти вся война для меня – это передвижной сортировочный эвакуогоспиталь. Мы эшелонами забирали раненых с фронта и эвакуировали в тыл. Пока наши войска отступали, поезд перемещался с запада на восток, а в 1944-м он двигался уже в западном направлении. Начала я работать санитаркой, позже – окончила курсы медсестер и стала лаборанткой.

Никас Сафронов. Элина Быстрицкая

Моложе меня в госпитале никого не было. Было ли мне страшно? Я об этом не думала – рядом со мной были другие люди, старшие, я просто старалась делать все, что делают они. Когда начинался обстрел или бомбежка, ты просто ложишься на землю и лежишь. А дальше – как повезет... Страшнее, наверное, было в самом госпитале – я видела молодых ребят, от которых осталось одно туловище, без конечностей... Это трагедия для человека, сами понимаете. Но люди держались... Я очень уважала танкистов – их было много среди раненых, с которыми довелось общаться. Я понимала, насколько трудна была именно их фронтовая задача – наверное, потому что их повреждения были самые тяжелые...

Прием раненых всегда был особым испытанием для всех. Госпиталь мог принять за один раз пять тысяч человек. Вот приходит эшелон, привозит раненых. С этого момента санпропускник работает круглые сутки, операционная – тоже. У нас был главный хирург по фамилии Бурбелло – к сожалению, имени-отчества не помню... Он пять суток не выходил из операционной! Его переодевали, меняли перчатки, и он дни напролет оперировал бойцов – без сна и отдыха... Вот это героизм, понимаете?

Поскольку я окончила курсы медсестер, всегда участвовала в приеме раненых вместе со всем личным составом. Я знала многие вещи – например, что нужно беречь раны от попадания воды... Некоторые раны были очень обширные и страшные. Я научилась останавливать подступающую дурноту и не терять сознания... Было ужасно тяжело, но вскоре я поняла: чтобы не падать в обморок, нужен настрой. И я умела с этим справляться...

Фронтальной госпиталь оставил множество отпечатков в моей душе. Но самое пронзительное воспоминание о войне связано у меня не с медицинской службой. Однажды наш эшелон остановился на станции вблизи города Сталино (это нынешний Донецк). Мне уже лет 15 тогда было... И вот я вижу: черная, обугленная степь, а по ней ветер несет белые треугольники солдатских писем... Перед нашим прибытием фашисты разбомбили эшелон с почтой, и из разбитых вагонов ветер пачками, сотнями, тысячами выдувал в степь весточки с фронта. Я не могу передать своего состояния при виде этой картины. Мы с мамой к тому времени давно не получали писем от отца, и я понимала, как этих писем ждут родные наших бойцов. В госпитале я видела смерть, увечья и тяжелейшие страдания людей, но до сих пор у меня перед глазами стоит именно эта картина войны: тысячи бумажных треугольничков, гонимых порывами ветра по обожженной донецкой степи...

Когда мы стояли под Сталино, иногда у нас была возможность ночевать вне госпиталя в домах у местных жителей. Там можно было помыться и лечь отдохнуть на кровати, на чистом белье. Прекрасно помню свою хозяйку, замечательную женщину, которая жила в доме одна, поскольку отправила на фронт своих четырех сыновей и мужа. Она почти каждый день ходила встречать проходящие эшелоны в надежде, что сможет увидеть кого-нибудь из них...

В городе Сталино в тот момент было все сожжено, не было освещения, а шурфы местных шахт

были завалены трупами – захоронением некому и некогда было заниматься... Ночевать приходилось ходить из госпиталя по темным мрачным улицам. Жутко было, но все равно ходили. Очень сильно было желание поспать хоть немного в тишине, в доме, на настоящей постели...

Я закончила работать в госпитале в ноябре 1944 года, когда мне было 16 лет. Советские войска наступали, и наш эшелон должен был двигаться с ними – за пределы страны. Я была несовершеннолетней, и мне объяснили, что за рубеж мне нельзя. От госпиталя меня отправили учиться в медицинский техникум, где я со временем и поняла, что не справлюсь с медицинской профессией. Знаете, я видела ужасы войны, ампутированные конечности, множество смертей от потери крови, обширных ран...

А в техникуме, когда начались практические занятия, один человек на моих глазах скончался от того, что ему неправильно сделали обезболивание. Ему дали наркоз, он захрипел и умер. Для меня это было сильнейшим потрясением. Я поняла, что эта смерть на совести врача... И что я не смогу работать по этой специальности. Поэтому после окончания медтехникума пошла в театральный институт.

Кстати, до 1984 года у меня не было никаких военных наград. Но в театре в отделе кадров одна женщина постоянно обвиняла меня во лжи – говорила, что я не могла быть на фронте, потому что была ребенком. Однажды я не выдержала и поехала в Подольск, в архив – привезла в театр все необходимые документы. После этого я и была награждена орденом Отечественной войны, медалями. Мне также очень дорог нагрудный знак «Сын полка»...

Что для меня война? Война меня вырастила и укрепила. Я стала взрослым человеком, преданным своей стране и ее ценностям. Наверное потому, что я видела, что такое труд на пределе, на максимуме... Когда ты отдаешь всего себя ради победы и ради своего народа, а не за материальные блага... Я не хочу создавать о себе какое-то особое мнение. Мое участие – маленькая доля в общем деле. Просто важно в конечном счете оставаться честной перед самой собой. Я не была на передовой. Но личное участие в войне было для меня вопросом чести. И я делала свою работу так, как могла...

Утратила ли война свое значение в наши дни? Знаете, сейчас ведь тоже идет война. Мы все видим, что на Украине погибают люди, погибают в наши дни. Все то, что раньше делали чужие, пришедшие на нашу землю фашисты, сейчас делают сами украинцы со своим народом. Я киевлянка, и еще маленькой девочкой ходила гулять по Крещатику, после войны вместе с другими студентами участвовала в его восстановлении. А сейчас многое опять разрушено, разбито. И сделали это не иностранцы. Вот что больно.

А День Победы для меня и моей семьи – самый светлый праздник. И в нашей стране – это святой день, так было и будет всегда. Потому что мы заслужили эту победу, и мы слишком хорошо знаем, как она досталась. Поэтому на 70-летие Победы я обязательно соберу друзей, мы посидим за столом. И все будет, как полагается.

Как принято в нашей великой стране».

БУЛАТ ОКУДЖАВА

В 1942 году семнадцатилетний Окуджава с товарищами пришел в тбилисский военкомат с просьбой отправить их добровольцами на фронт. Увидев школьников, капитан Качаров обратился к Булату:

– Тебе сколько лет, Окуджава? Ты хоть школу окончил?

– Семнадцать. Девятый класс.

– Ну вот что, – потерял терпение Качаров. – Чтобы я вас здесь больше не видел, ясно? Надо будет, сами вызовем. Все. Бывайте здоровы, школяры.

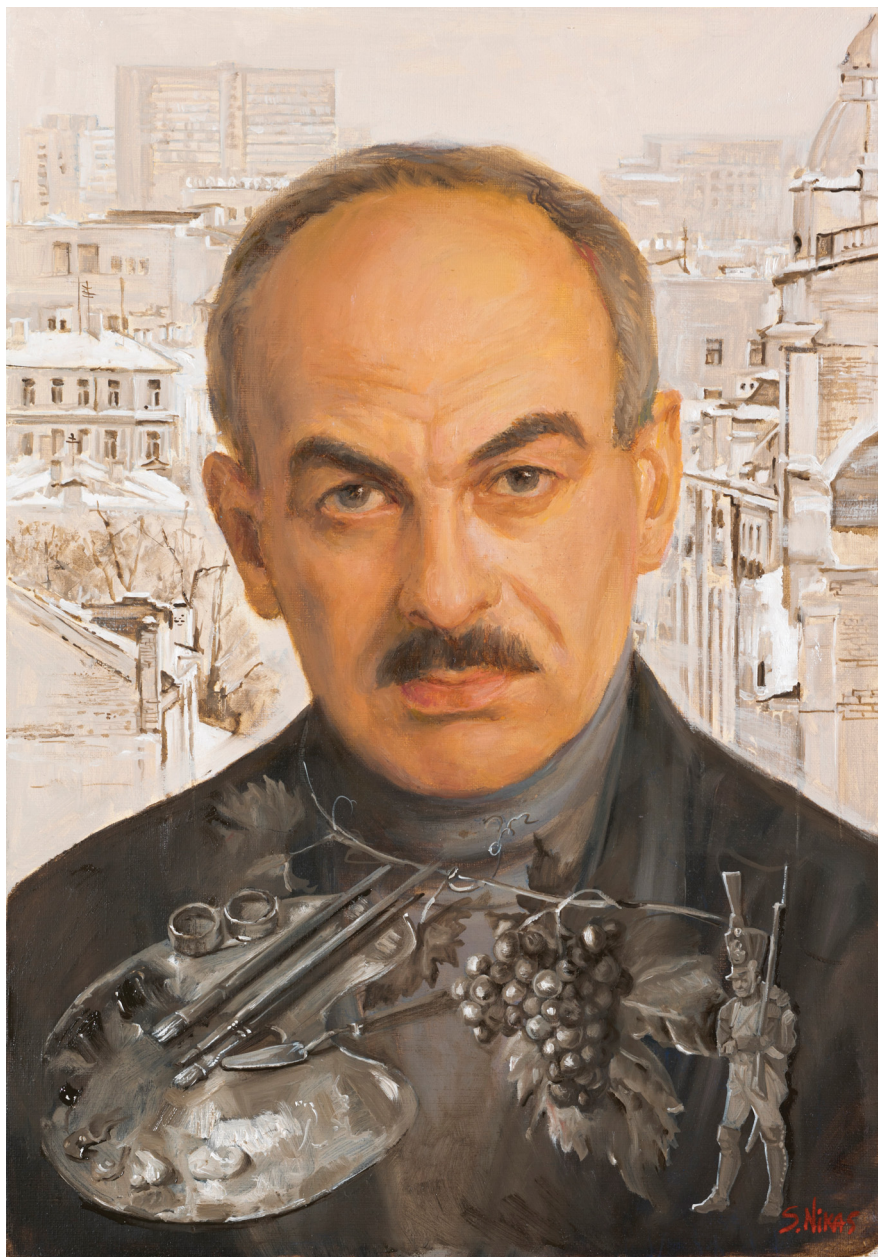
Друзья разошлись по домам. А через несколько дней Окуджава вновь появился у капитана Качарова и вновь получил отказ. Штурм военкомата продолжался полгода. Все это время юноша работал на заводе учеником токаря и занимался ровировкой стволов огнемёта, отдавая работе по 14 часов в сутки, пишет «Труд».

Мечты о фронте не отпускали его и на заводе. Вытачивая детали, он думал о том, как пойдет с оружием на врага.

В конце концов настойчивость Окуджавы взяла свое. Капитан Качаров сдался. Вернувшись домой, Булат сообщил новость тете, а та объявила ему, что ни за что не пустит его на фронт. Тут уже не выдержал сам Булат. «Я уже вполне взрослый. Я буду воевать. Или уйду из дома», – ответил он.

Окуджава стал одним из сотен тысяч добровольцев, уходивших на фронт поэшелонно, побатальонно. Спустя годы он скажет: «Воевал не я. Воевал юноша с моим именем и фамилией. Он был романтичен, как, впрочем, и большинство его сверстников, он был сыном «врагов народа», и это его ранило и побуждало идти на фронт, чтобы доказать всем, чтобы все видели, что значит для него его прекрасная, единственная, неповторимая Отчизна».

Уже через месяц Окуджава был на передовой. Принимая участие в настоящих боях, он стал

Никас Сафронов. Булат Окуджава. 2018. Холст, масло. 51x36

свидетелем того, как гибнут его товарищи. Но сам поэт чудесным образом «уходил от пули»:

Я уйду от пули, делаю отчаянный рывок.

Я снова живой на выжженном теле Крыма.

И вырастают вместо крыльев тревог

За моей человеческой спиной надежды крылья.

Это строчки были написаны в 1958 году... А в том страшном 42-м он, как и тысячи других солдат, находившихся в окопах, каждый день рисковал жизнью. «В окопах атеистов не водится», – говорили тогда.

Его религией были вечные ценности, о которых он так часто пел в своих песнях.

Никас Сафронов. Сергей Бондарчук. 2018. Холст, масло. 50x40

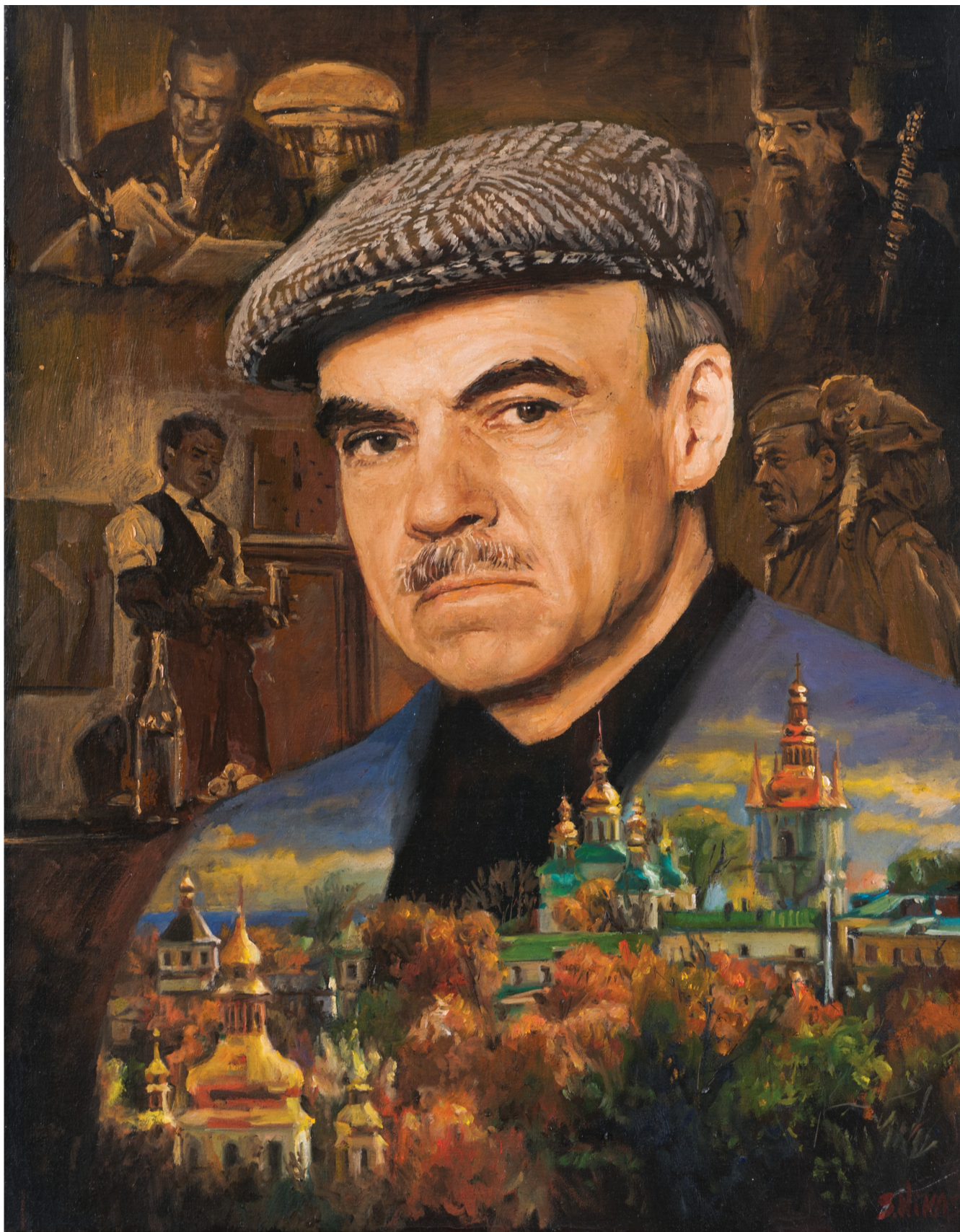
СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК

Закончить театральное училище Сергей Бондарчук не успел – в 1941 году началась Великая Отечественная война, и его призвали на фронт. Он участвовал в боях на Северном Кавказе, получил медали и боевые ордена, в том числе «За оборону Кавказа». После войны Бондарчук продолжил карьеру в армии, служил под Москвой, но вскоре решил вернуться к актерской работе.

МИХАИЛ ГЛУЗСКИЙ

В 1940 году окончил школу киноактера при киностудии «Мосфильм» и был зачислен в штатную труппу «Мосфильма».

В 1940 году Михаил Глузский был призван в армию, служил в Центральном театре Советской армии. Во время Великой Отечественной войны в составе концертных бригад выступал во фронтовых частях.

Никас Сафронов. Михаил Глузский. 2018. Холст, масло. 52x41

ПОБЕДУ ОСТАВЬТЕ ЗА НАМИ! ПОРТРЕТЫ ФРОНТОВИКОВ

Фотографии Владимира Ламзина

Музей техники под открытым небом.

Подмосковье. Военно-мемориальный комплекс расположен на 41-м километре Волоколамского шоссе

*Александр Николаевич Бучин,
водитель маршала Г.К. Жукова в годы Великой
Отечественной войны. Москва, Черкизово. 26.04.2006*

*Ветеран войны, сын полка Лев Александрович Гицевич.
Рубеж Славы. Подмосковье. Истринский район.
Военно-мемориальный комплекс. 4.05.2008*

Григорий МЕДВЕДОВСКИЙ

* * *

Еще из мечей не сковали орала,
Сияют музейные латы...
Но тихо уходят войны генералы.
Неслышно стареют солдаты.
Да, лица поместили времени сети,
И сердце грустит, увядая –
Да – мы старики, и всё больше Победе –
Но вечно она молодая.
Всё круче пути, и обрывистой тропки,
И неодолимей усталость...
Давайте же, братцы, поднимем по стопке –
Врачи нам простят эту малость.
Другие сегодня заботы и беды,
Другие награды и знамя...
Мы Родине отдали всё – но Победу,
Победу оставьте за нами!
С людьми дорогими всё горше разлуки.
Пронзительней осени краски.
И дети седеют, но выросли внуки,
И правнуки дремлют в колясках...
Пусть лица поместили времени сети,
И сердце грустит, увядая,
Пусть мы старики, и всё больше Победе.
Победа всегда молодая!

Цикл песен о войне «Курская дуга» на стихи
Г. Медведовского написал ульяновский бард Евгений Гранд.
См. сайт «Изба-читальня»:
https://www.chitalnya.ru/users/evgenii_grant/

Егор Терентьевич Воробьев, Герой Советского Союза,
Средние Тимеряны, Цильнинский район
Ульяновской области. 16.04.2009

Дмитрий Дмитриевич Вонлярский, Герой Советского
Союза, разведчик морской пехоты, спортсмен, боксёр.
Москва. 26.09.2006

Разведчик Виктор Степанович Чекулаев.
В руках – трофейный фотоаппарат «Кодак».
Ульяновск. Средний Венец. 8.05.2009

ХУДОЖНИК ЮРИЙ КУЛИКОВ

*Правнуки Юрия Ивановича – Света и Дима
на выставке работ в художественном музее*

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ УЛЬЯНОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Юрий Куликов. Владимир Деев

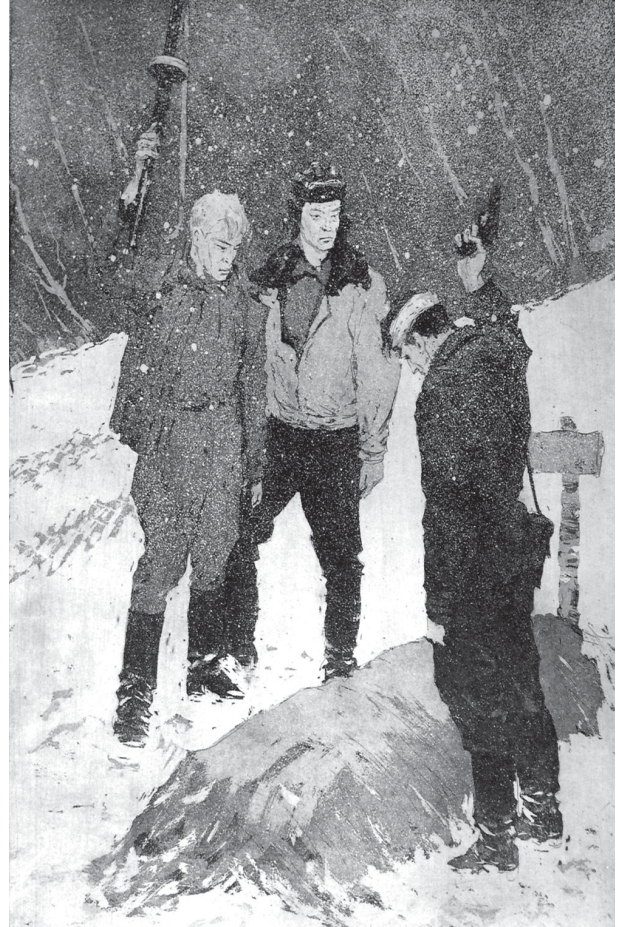
Юрий Куликов. На рубеже прорыва. 1978

Юрий Куликов. Первый снег. 1992

Юрий Куликов. Тишина. Берлин. 1974

Юрий КУЛИКОВ (1924 – 2000)

Профессиональный художник-график и живописец. Родился в 1924 году в Ульяновске.

Фронтовик. Прошёл всю войну от Курской дуги до Берлина. Демобилизовался в 1949 году. После Великой Отечественной войны окончил Уральское художественное училище, вернулся в Ульяновск. Член Союза художников СССР. Стихи публиковались с 70-х годов в альманахах и сборниках. В 2020 году увидела свет книга Юрия Куликова «Из лирики разных лет».

* * *

Я полз по фронту
Вниз лицом,
Срывая кожу с рук.
Казалось мне: в пластунстве том –
Премудрость всех наук.

Я не жалел локтей своих
В усердье неумелом,
И страх как будто бы притих,
К земле прижатый телом.
Я выдохся и весь промок,
Но слышу от солдата,
Войну выдавшего: «Сынок,
Не надрывайся так-то...

Напрасно сил не бережешь.
По лужам и по глине
На животе не доползешь
До города Берлина.

В атаку легче в рост идти,
Война теперь такая,
А если упадешь в пути –
Россия дошагает».

* * *

Мундир прожжен и в клочья порван.
И обреченность глаз пустых.
Вцепились в ткань пилотки черной
Паучьей свастики хвосты.

Обрыв кювета, грязь и глина
Загородили путь вперед,
И залп армейских карабинов
Списал эсэсовца в расход.

Мы знали: так в кино бывает,
А там война всегда пустяк,
Там режиссеры «убивают»
Мы знали как. Но чтобы так...

А мир, как был, остался миром.
Дымок от выстрела исчез.
Два запыленных конвоира
Неспешно повернули в лес.

Спираль Бруно

К тебе идут, спроси – ответят,
Сумей волнение пережить.
И развяжи шнурок в кисете,
Дай человеку закурить.
Он, размочив бумажку с края,
Свернул и скупно обронил:
«Воюют здесь, а не играют.
Здесь или мы, или они...»

Всех богов перебрал комбат,
Поднимая в атаку роту,
А над полем солдатский мат
Хрипло рвался в цепи пехоты.
Но пройдя через весь накал,
Отдышавшийся понемногу,
Уцелевший, комбат сказал:
– Все, ребята! Живем! Слава Богу...

* * *

Когда кукушка на рассвете
Дарила долголетье нам,
Не говори, что ты примете
Не верил и не слушал – там,
Где, замирая перед битвой,
Пехота ждет сигнал ракет,
Все было – и слова молитвы,
И вера в чудеса примет.

В РАЗВЕДКЕ

Не надо бессмертья!
Вернуться и жить –
Единственное желание.
Патроны в обоймах,
В чехлах ножи.
И позади ожидание.

Темная ночь. Гнилая вода.
На животе – через дали.
На сохраненье бы душу отдать
Писарю вместе с медалями.

Через разведанное окно
Вышли живыми на берег,
Лишь потеряв на спирали Бруно
Вату из телогреек...

ПЕРЕДОВАЯ

Отгремела передовая.
Все потери в земле зарыв,
На ходу в строю засыпая,
Батальоны вошли в прорыв.
За спиною во мраке тонет
Обороны зигзаг крутой.
Ветер жесткий поземку гонит
По окопам передовой,
По нейтральной земле изрытой,
Где, оглохшие от пальбы,
Промерзают, насквозь пробиты,
Обгорелых «пантер» гробы.
И дрожит сквозь метельный полог
В ледяном провале ночи
Одинокой звезды осколок
Поминальным огнем свечи.

* * *

В шубейке обгорелой и короткой,
Не пропуская никого, подряд,
Старуха раздавала по щепотке
Оставшийся от деда самосад.

Как будто пепел от беды и горя
Нам сыпала в ладони, на траву,
Все, что осталось от ее подворья,
От старика, лежащего во рву.

И, прикурив от тлеющего сруба,
Пехотный взвод в молчании своем
Смолил сигарки, обжигая губы,
Угрюмо ждал команды на подъем.

* * *

Как много на душе осталось,
Бессонницей ночей грозя,
От той войны, и я устало
Несу, а позабыть нельзя.

Перемешались дни и страны,
Орел в дыму, Берлин в огне.
Одно лишь только постоянно
Царапает по сердцу мне,

Неотвратимостью удара,
Напоминая, бьет в висок –
Июльская жара плацдарма
И окровавленный песок.

Как в мираже мелькали лица,
И я увидел на бегу
Застреленного пехотинца
На раскаленном берегу.

Какой-то памятной кассетой
В меня, как пуля, без труда
Мгновенное виденье это
Вошло на долгие года.

Мне видится соленый иней
Его спины, а на ноге
Светил овальный алюминий
Ненужной ложки в сапоге.

Тогда не знал, что ненароком
Я увидал со стороны
То, что увидится немногим
Вот так, в упор – лицо войны.

* * *

Среди воронок на бугре,
В тумане зыбкого рассвета
Расцвел подсолнух на заре,
Как вспышка боевой ракеты.

Глядел с надеждой на восток,
Качаясь на стебле несмело,
Отмеченный косым крестом
Артиллерийского прицела.

Он выдержал и встретил нас
Своим пылающим соцветьем,
Когда уже в последний раз
Мы поднимались на рассвете.

Насквозь простреленный войной
Еще держался стебель тонкий,
И засыпало дно воронки,
Как слезы черные – зерно.

* * *

Мне каждый вечер в запертые двери
Из тех времен несутся голоса.
Меня зовут на тот далекий берег
Сырые белорусские леса.

Там росчерком, тревожным и багровым,
Встает ракеты дымная звезда.
Там переправу каждый вечер снова
Наводят, как в минувшие года.

Понтон колышется, теряя силы,
Уходит вниз под тяжестью брони,
И стелет танк по мокрому настилу
Голубоватых выхлопов огни.

И снова в воду прыгают саперы,
Христом и богом надрывая грудь,
Чтобы пробоин рваные зазоры
Хоть на минуту ватником заткнуть.

Чтоб прошлое не разминулось с нами
На ледяных космических ветрах,
Солдаты безымянными плечами
Удерживают бревна переправ.

* * *

За вереницею ушедших лет
Забыто многое – и голоса, и лица,
И коммутаторов армейских нет,
И в прошлое не дозвониться.

Фронтников опустошился строй,
И в штабелях, покорно и устало,
Со спущенной пружинной боевой
Оружие молчит по арсеналам.

Мы тяжелы сегодня на подъем,
Собраться вместе за столом непросто,
Но каждый год на празднике своем
Объединяемся единым тостом.

За то начало долгой тишины,
За ту неповторимую минуту,
Когда в окопах черный мрак войны
Сгорел в огне победного салюта.

*Евгений МЕЛЬНИКОВ (1946 – 2011), прозаик, поэт,
член Союза писателей России.*

К ШТЫКУ ПРИРАВНЯЛ ПЕРО

Однажды с группой ульяновских писателей-профессионалов, среди которых были такие признанные мастера литературы, как Н. Благов, В. Пырков и В. Дедюхин, я поехал на встречу с сельскими тружениками. Был я тогда еще начинающим литератором и впервые познакомился с неизвестным мне членом Союза художников СССР Ю.И. Куликовым. Он был веселый, смешливый и остроглазый – красивый и внешне, и внутренне. На какое-то время показался даже легкомысленным балагуром. Что он будет делать на этой встрече? Рассказывать фронтовые байки и картины показывать? Всерьез я его как-то не принимал. И даже когда Н. Благов объявил на доштой сцене районного Дома культуры, что свои стихи почитает ветеран войны Юрий Куликов, скептически ушел в себя: буду я еще слушать очередного графомана.

Но первые же строчки в стихотворении «Застыли вздыбленной дугой разрывом сорванные траки...» заставили меня вздрогнуть и вслушаться. Я замер от удивления и неверия: может, списал у кого-то из классиков? Я поразился не только мастерству стихосложения, но и умению насыщать до предела каждую строфу неподдельным драматизмом повествования.

И в трауре летящей сажи,
В тяжелом масляном огне
Уходят души экипажей
Через пробоины в броне.

* * *

Ушел, покинул свой порог
В тяжелый год беды великой.
Армейским грохотом сапог
Давили роты бабьи крики.

Это было откровение. Этого нельзя было выдумать, не пережив самому. Ни один член Союза писателей СССР не потряс меня на этом вечере, как

незнакомый художник. Я горячо высказал ему свой восторг. Он пристально заглянул мне в глаза, с профессиональной зоркостью рисовальщика, убедился, что я искренен, и молча пожал мне руку в знак благодарности. Так мы стали друзьями, хотя разница в возрасте была солидная.

Я не большой поклонник военной литературы, но стихотворения Юрия Ивановича о войне меня сразу покорили своей трагичной живописностью, художественной зримостью и особой тревожной музыкальностью. В них выплеснулось, наконец, то, что он таил в себе подспудно, заглушая боль внешней веселостью и иногда бравадой. Вся потаенная ненависть светлой его души к войне, к темной стороне человеческого бытия отразилась в четких классических ямбах и хореях. Он не мог и не умел, как другие, писать о войне что-нибудь маршевое, победное и бравурное. Он отвергал войну как уродливое явление жизни на земле, как исчадие ада, как сатанинское наваждение в человеке.

С тех пор я без конца советовал Юрию Ивановичу серьезней отнестись к своему поэтическому таланту, который при упорном труде мог выдвинуть его в первый ряд лучших советских поэтов-фронтовиков. Но он лишь отшучивался и отмахивался. Потом я понял, что к Поэзии у него такой же священный трепет, как и к Любви. Не хотел он писать стихи, когда душа не лежала ни к перу, ни к бумаге. Только по истинному вдохновению, когда в груди становилось душно от жажды высказаться о главном. Поэтому у Ю. Куликова-поэта нет ни одного проходного или слабенького стихотворения – все они полновесные и настоящие, как пули, сражающие читателя наповал. Не случайно его поэтическое творчество высоко ценили такие мэтры, как Николай Старшинов, Константин Симонов. Не случайно стихи Юрия Куликова вошли в антологию поэзии о войне «Венок славы», были опубликованы в различных поэтических альманахах и сборниках.

* * *

И боги, и черти, и рати святых
От этого боя сбежали,
Тяжелый удар попаданий прямых
Корежит заклепки дюрала.
И рухнули в небе к возврату мосты,
Машине пылающей заживо,
Не вырвать у смерти набор высоты
Последним надрывом форсажа.

Другие сожгут в карусели огня
Патроны, бензин и минуты,
И в небо надежда бросает меня
Под шелковый взрыв парашюта.
Но шелк не броня, и стропы тонки,
И принимает стремительно
Земля громыхающей Курской дуги
Летящего к ней истребителя.

Из статьи

«ТЫ ШАГНУЛ ЧЕРЕЗ СЕБЯ К ОГНЮ...»

Солдат, художник, поэт – в эти три слова укладывается формула судьбы Юрия Ивановича Куликова, ульяновского художника-графика и живописца, ушедшего от нас в 2000 году.

18-летним мальчишкой он попал на фронт и целых семь лет провёл «с винтовкой на ремне», потому что после Победы ещё четыре года ловил бандеровцев по лесам Западной Украины. После демобилизации окончил Нижнетагильское художественное училище по классу живописи и вернулся в родной Ульяновск, стал профессиональным художником.

Репутация прекрасного живописца и графика завоёвывалась Ю.И. Куликовым на региональных и всесоюзных выставках, но никогда внешние знаки отличий и признания его не занимали. Вероятно, поэтому первая персональная выставка работ Юрия Ивановича состоялась только спустя четыре года после его смерти стараниями близких художника. А ему, наверное, просто жаль было тратить время на суету, которая неизбежна при подготовке такого рода мероприятий.

Выставка явила нам человека светлого, влюблённого в жизнь и в своё ремесло, которое он именовал по-свойски – «кистью махать». Однако не это стало главным открытием выставки октября 2004 года. В конце концов, на неё пришли те, кто знали художника и его работы при жизни. Главным открытием её было явление Ю.И. Куликова-поэта. Под каждым из его графических листов и живописных полотен о войне были расположены планшеты со стихами художника.

Как и большинство фронтовиков, нашедших себя в послевоенной реальности, он не любил рассказывать о войне, а теперь его солдатский опыт стал всеобщим достоянием. Правда, и прежде случалось отдельным стихам Юрия Куликова появляться на страницах местной печати и даже во всесоюзных альманахах, однако происходило это эпизодически и не позволяло составить целостного представления о масштабе поэтического дара художника. И вот долгожданный сборник стал, наконец, реальностью, и мы получили возможность оценить лирику Ю. Куликова как в свете его собственного опыта, так и опыта предшественников.

Стихи Юрия Куликова, прежде всего, вписываются в логику поэтического мышления его ровесников, молодого поколения военных лет. Как и им, ему пришлось попрощаться с романтическими иллюзиями юности, оказавшись с войной лицом к лицу: «...Пришлось на мелочь разменять // Романтику иллюзий. // А мелочь просто растерять, // Когда ползёшь на пузе». Совершенно очевидна автобиографичность и исповедальность этой лирики, в которой запечатлена биография стремительно мужающего солдата, от первой не тайно выкуренной

сигареты, наркомовских ста граммов до столь понятного страха за свою жизнь: «Я полз по фронту вниз лицом, // Срывая кожу с рук, // Казалось мне: // В пластунстве том // Премудрость всех наук. // Я не жалел локтей своих // В усердьи неумелом, // И страх как будто бы притих, // К земле прижатый телом».

Драгоценное умение соотносить свою судьбу, и военную и послевоенную, с судьбой тех, кто радостями жизни оказался обойден, придаёт лирике Ю. Куликова нерв обнажённой, неутомимо свербящей совести. Тот самый, что звучит в знаменитых строчках Твардовского: «Я знаю, никакой моей вины...» или в стихотворении Б. Слуцкого о вдовах: «Лишь победитель победил, // А овдовевшая вдовеет, // И в ночь её морозно веет // Одна из тысячи могил». У Ю. Куликова прошлое входит в настоящее, не даёт покоя по ночам, вынуждает опять и опять заполнять строчками случайные листы бумаги, чтобы вернуться в «...ту страну, где пронесли галопом, // Тридцать вёсен, размывая след // Моего стрелкового окопа». Потому что «Там навеки окопался взвод, // Головою повернуть не смея, // Слушая, как режет пулемёт // Тридцать лет по брустверу траншеи».

Собственно, художник потому и пришёл в поэзию, что одной графика и живописи ему оказалось недостаточно, чтобы рассказать свою войну. Та, которую ему показывали, на его войну была не похожа, «Где всё не так, как на экране, // Но я всё там, и до сих пор // Обоймою воспоминаний // Стреляет прошлое в упор». Не так уж много было среди авторов военной прозы, поэзии и кинематографа тех, кто были для художника и поэта Ю. Куликова безусловными авторитетами. Среди поэтов прежде всего – А.Т. Твардовский. Среди прозаиков – ранний Ю. Бондарев, Г. Бакланов. А самыми любимыми фильмами были «На войне как на войне» и «Хроника пикирующего бомбардировщика», фильмы негероические, негероические, но пронзительные в своей человечности, нежные, если это уместно сказать в контексте военной темы.

Случалось, что знаменитый поэт-фронтовик Н. Старшинов пенял Юрию Куликову, с которым был знаком и состоял в переписке, за обилие подробностей в его стихах. Однако автор оставался непоколебим.

Для него эти подробности были святы, потому что в них заключалась правда. Без них правда ополонивиналась, а значит, смыкалась с ложью. Тут вспоминаются и «гробы «пантер»», и Берлин, что «капитулирует угрюмо // Шеренгами фамильных простыней», и «Ночной звезды осколок ледяной...// Единственно оставшийся живой, // Как поминальный огонёк свечи», да и чисто технические термины, неотделимые от военного ремесла...

Мотив тишины возникает в лирике Юрия Куликова в самых разных ситуациях и не всегда как антитеза войны. Это может быть и передышка между боями, тогда она «горькая». Она может быть новорождённой, как тишина угрюмого Берлина-капитулянта, и тогда она кажется призрачной и неверной. Она может быть «горячей», если наступает после прощального залпа над могилой погибшего товарища. В обстоятельствах войны любая тишина кажется обманной, но при этом она непременно возбуждает жажду тишины подлинной.

Совсем не случайно у Ю. Куликова есть и живописное полотно с названием «Тишина», и графический её аналог, но вот не хватило возможностей ни живописи, ни графики, чтобы выразить всю меру притягательности, желанности для уставшего солдата тишины жизни. Кажется, всех оставшихся лет земного существования не хватит, чтобы ею напиться. «Тишина» – это и название одного из лучших стихотворений Юрия Куликова, опубликован-

ного в 1985 году в альманахе «Венок славы» издательством «Современник».

За час перед рассветом – тишина. // Через окопы спящей обороны // Ползёт туман, как молоком, до дна // Заполнив чаши бомбовых воронок // Тяжёлым грузом ледяной росы. // К земле прижаты заросли полыни, // А на краю нейтральной полосы // Пехота ёжится во сне и стынет».

Даже привычный для военной поэзии ямб утрачивает здесь свою твёрдую поступь и обретает черты то ли сказочного, то ли мистического оцепенения...

Солдат, художник и поэт завещал оставшимся не свой горький опыт войны, а совсем другое: «...я оставляю вам // Накопленные мною в мире этом // Изгибы радуги и птичий гам, // И над водой туманные рассветы». Близкие нашли эти строчки уже после смерти Юрия Ивановича Куликова.

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Николай ПОЛОТНЯНКО, поэт, прозаик, драматург, родился 30 мая 1943 года в пгт Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многих книг стихов и прозы: «Братина», «Круги земные», «Симбирский временник», «Государев наместник», «Клад Емельяна Пугачева» и др. Лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова. Награжден медалью Н.М. Карамзина, орденом Ф.М. Достоевского. Живет в Ульяновске.

СЛОВО

ДУША РОССИИ

Бурлят разломы жизни грозовые.
За век два царства пущены на слом.
И мечется во тьме душа России,
Как погорелец, потерявший дом.

То к Западу качнётся, то – к Востоку,
Но не поддастся чуждому уму.
То в одночасье охладает к Богу,
То воспыхает верностью к нему.

То, в смуту впав, опять себя терзает,
Без милосердия всё вокруг круша.
И только вещий чёрный ворон знает,
Что ищет в бунте русская душа.

Она стремится к своему истоку:
Ведь только ей, вселенской гольтыбе,
Господь поволит знать к нему дорогу
И крестный путь изведать на себе.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОЭТА

Одушевляя ночь, исходит свет лучистый
Из тьмы, и над просторами страны
Сияют звёзды пламенно и чисто...
Как много их, так далеки они!

Но иногда мне кажется, что рядом
Пульсируют они, как будто ртуть.
И я слежу за ними ждущим взглядом,
Стараясь не мигнуть и не спугнуть.

И в тишине сияния ночного
Я верю, что пробьёт урочный час
И прозвучит спасительное слово
Любви и правды и утешит нас.

Оно соткётся из крупинок света
И ярко вспыхнет письменами звёзд.
Я всей душой предчувствую Поэта,
Что над Россией встанет в полный рост

Как отраженье божьего сиянья;
И падших, нас, услышит и узрит,
И чаянья народа, и страданья
Глаголом милосердным утолит.

СУДЬБА РОССИИ

Александру Никонову

Не тяготит мне душу ремесло
Поэзии, хотя я понимаю,
Что всех поэтов русских унесло...
Я опоздал. И взглядом провожаю
Кибитку с Пушкиным, она уже далече,
В созвездии Лиры.
Вьётся Млечный след.
Поток времён бесстрастен, бесконечен.
И мне не повторить твой путь, поэт!

Где утро русское, воспетое тобой?
Державы полдень миновал. Скоро вечер.
А там уж близко сумерки России.
Жаль не дано тебе повелевать судьбой.
Но гений твой коснулся крайней тьмы,
Пред коей все пути кончаются земные,
Где души проданы, ослеплены умы...

Какая грусть поэтом быть заката
Страны и унижения святынь!
Следы необратимого распада
Видны на всём, куда свой взгляд ни кинь.
Давным-давно мы тлеем — не горим.
И жаркие мечты о вольности чуть живы.
Иссякли благородные порывы.
Мы слову чести верность не храним.

В нас пушкинского так ничтожно мало.
Он был от солнца, мы — от полутьмы.
Наш порох отсырел, и нет запала,
И цели нет, куда б стремились мы.
Но Пушкин с нами. На исток дорог
Он возвращает Русь в пророческом прозрении.
Пока с народом здравый смысл и Бог,
То есть всегда надежда на Спасение.

ОЗЕРО НЕБЕСНОЕ

Рябь жёлтого песка, как черепаший панцирь,
Играет светом на прибрежном дне.
И золотых стрекоз порывистые танцы
Беззвучны в предвечерней тишине.

На берегах бессменным караулом
Стоит насквозь пронзённый солнцем лес.
И, кажется, что озеро уснуло,
Вобрав в себя лазурный цвет небес.

Но гладь воды обманчива. Глубины,
Где бьют ключи, ознобно холодны.
Мелькают раchy клешни, щучьи спины,
И водоросли тёмно-зелены.

В них прячется большой замшелый камень,
Что ключ к разгадке озера хранит.
Здесь некогда, извергнув гром и пламень,
Взорвался над землёй метеорит.

Под ним кора земная расступилась,
С небес три дня потоки вод лились.
И озеро чудесное явилось,
Чтоб продлевать усталым людям жизнь.

Мне довелось однажды погрузиться
В живую плоть прозрачной воды,
И ощутить себя подводной птицей,
И видеть мир озёрной суеты.

Рябь жёлтого песка, как черепаший панцирь,
Играла светом на прибрежном дне.
И рыбьей молодежи затейливые танцы
Сверкали серебром в упругой тишине.

СЛОВО

Земля над бездною юлой
Летит сквозь звёздные метели.
И наша жизнь лишь еле-еле
Видна под облачной золой.

Она судьбы своей не знает,
Что, может, завтра всех нас ждёт.
Ведь время будущего тает,
А время прошлого растёт.

И в длани Божьей всё живое,
И в ней Земли конечный срок.
Быть может Слово роковое
Для нас для всех промолвил Бог.

Оно уже летит стрелою
Сквозь тьму и свет скоплений звёзд,
Чтоб вспыхнуть взрывом над Землёю
И омертвить её насквозь.

И плоть земная с буйной силой
Извергнет плазменный поток.
И жизнь надолго станет глиной,
Пока о ней не вспомнит Бог.

МОРОК ПРЕДНОВОГОДНИЙ

Твои черты неуловимы.
И тщетно в памяти порой
Я их ищу. Как клубы дыма,
Они сквозят, проходят мимо,
Дразня затейливой игрой.

Я вижу цвет, я слышу звуки.
Но не вернуть их мне уже,
Не дотянуться до разлуки,
Не вернуть глаза и руки –
И стынь отчаянья в душе...

Мы разошлись. Осталась тайной
Ты навсегда в моей судьбе.
Прошло полвека. И случайно
Я повстречал тебя в толпе.

Как обожгло! О боже, боже,
Ты не состарилась ничуть,
А стала краше и моложе,
И та же стать, и та же суть,

И тот же взгляд, слегка надменный,
Такой же локон золотой...
Но это был, увы, мгновенный
Внезапный морок. Предо мной

Была стена и в ней пролом.
Я вспомнил этот старый дом.

Ты в нём жила, тому полвека,
И тень оставила свою.
Как будто вытаяв из снега,
Опять вернулась в жизнь мою.

Быть может, ты явилась зовом
Из тьмы, куда мы все уйдём,
Как солнце, заревом багровым,
И откровенье обретём,

Зачем на этом свете жили,
Зачем любили и грешили,
Летали, ползали в пыли,
Но счастья так и не нашли.

ВСЁ УХОДИЛО ПРОЧЬ И НАВСЕГДА

Я видел сон, что улетаю прочь
Из жизни человеческой куда-то
Во тьму, из коей поднималась ночь
Над пламенем последнего заката.

Внизу сияла русская земля,
Неся забот и огорчений бремя.
Там навсегда остались жизнь моя
И в суете растраченное время.

Всё уходило прочь и навсегда.
И в миг последний вспомнились родные.
Из времени, как будто изо льда,
Вдруг вытаяли тени их живые.

Как ты была прекрасна и чиста,
Любимая! Я видел миг разлуки.
Ты навсегда осталась у моста,
Застыв в немом и трепетном испуге.

Стояла на краю перрона мать,
Беззвучно над судьбой моей рыдая.
Я к ней тянусь, хочу её обнять...
И вечность ледяную обнимаю.

СПАС ГНЕВНЫЙ

Когда на реках вспыхнет лёд,
Начнётся вьюг столпотворенье,
То всё вокруг приобретёт
Иное, грозное, значенье.

Пожухнет, вымерзнет трава,
И зазвенит ледком берёза.
И окаянные слова
Напишет Зло рукой мороза.

Они взойдут, как огонь, из тьмы,
И ослепят людские души,
И ложью высушат умы,
И всё, что свято есть, разрушат.

Пробьёт последний час времён
Для соблазнённого народа.
И лак осыплется с икон,
Сойдёт с окладов позолота.

И станет каждого судьба
Видна насквозь, и без изъятья.
И человек узрит себя
На месте Божьего распятия.

Исчезнет глубь и высота,
Пространство с временем сольётся.
И образ гневного Христа
На небе вспыхнет вместо солнца.

ПОЭЗИЯ

Разгона нет.
Чуть скорость наберёт
Мой стих и на крыло упруго встанет,
Прозреет мысль, надеждой дух воспрянет,
Как вновь полёт безмолвье оборвёт.

За жизнь свою несчётно много раз
Я погибал и воскресал, чтоб снова
Нести в себе заряженный фугас
Мне душу обжигающего слова.

Несчётно раз я поднимался ввысь...
И падал в пыль земную, обессилев.
Кто знает, сколько изломал я крыльев,
Пока не осознал простую мысль,

Что всё великое рождается в покое,
Лишь праздная душа беременна стихом.
И красота божественная в нём
Преображает мёртвое в живое.

НЕ ЗАЖИВАЕТ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ

СТИХИ ульяновских поэтов

Александр КУЗНЕЦОВ

АЛЕКСЕЙ НАГАНОВ

Артогонь прогремел на заре ураганом –
немцы Брестскую крепость
бомбили в тот год.

Что ты думал тогда, комсомолец Наганов,
защищая рубеж Тереспольских ворот?

Наседали враги. Вам горячая вьюга
больно била в лицо, кровь сочилась из ран.
Над рекой Мухавец и над Западным Бугом
подожжённой ракетой дымился туман.

Тереспольская башня дрожала от гнева:
ей из пушек фашисты дробили фасад.
А она в них плевала из чёрного чрева
полновесным свинцом:
«Бей фашистских солдат!»

И стояли вы насмерть под тем ураганом,
погибали друзья – был неравным тот бой...
Что ты думал тогда, комсомолец Наганов,
когда рушился свод над твоей головой?

Николай БЛАГОВ

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

По-братски спят солдаты Сталинграда.
И что им благодарные слова?

Уснули –
И на всех одна награда,
Что город жив
И Родина жива.

Земля цветы над ними развернула.
Здесь потрудились времени рука:
Тугим асфальтом площадь затянуло...
Зарубцевались в рельсы берега...

Один,
За шаткой изгородью,
В яме,
Ослепший дом шпалерами шуршит,
И пушки ствол,
Придушенный камнями,
Пустое небо верно сторожит.

Ах, как здесь торопливо смерть ходила,
Стараясь в Волгу сгрудить Сталинград.
Курган, курган!
Что ни окоп – могила,
Что ни цветок –
Схороненный солдат.

И вон –
Родные, что ли, положили? –
Венки у чуть приметного бугра.
А может, это дети позабыли
Свои цветы, играя здесь вчера?

Лев БУРДИН

КОЛОДЕЦ

Глубокого колодца старый сруб
Берёзовая роща оцепила.
Когда в походе не разлепишь губ,
Глоток воды тебе прибавит силы.

Привал как миг! И снова батальон
Уходит в жаркий полдень по долине...
Доносит ветер касок перезвон
И вдовью горечь вянущей полыни.

В зелёной фляге так вкусна вода!
И так душист кусок ржаного хлеба!
Колодец не иссякнет никогда:
В него впадает голубое небо.

Рэм ГЕРАСИМОВ

ОЖИДАНИЕ

Хмелеющим от жара самоваром
гудит изба, где стыла тишь в углах.
Вошли однополчане сына к старой –
аж зарябило от наград в глазах!

И шаль ей дарят, и целуют руки...
Растрогана вниманием, она
сидит среди них. Избу качает вьюга.
К дорогам дымным увела война.

А со стены, плечом к плечу с друзьями,
смеётся сын (был снят в конце войны).
Не с карточки ли, забелев висками,
сошли Победу праздновать они?

Их сравнивает с сыном затаённо:
в отцы годятся, внуки есть небось.
И голову склоняет убелённую,
чтобы не выдать ненароком слёз.

...Вот в сумрак отскрипели половицы.
Потухшая, вернулась со двора.
И чашку сына (сколько лет хранится!)
поставила под самоварный кран.

Почудились шаги, наверно, старой:
к окну прильнув, глядит, глядит во мглу.
А кипятик из крана самовара,
наполнив чашку, льётся по столу.

Нина КЛИМКО, член Союза российских писателей, член Союза профессиональных литераторов, заслуженный работник культуры Ульяновской области.

СУДЬБА СЕМЬИ В СУДЬБЕ СТРАНЫ

Нина Климко (Егорова) родилась в послевоенном Ульяновске. Детство и молодость ее родителей прошли в пограничных областях Украины. Эмилия Михайловна Климко была родом из Львовской области, Михаил Наумович – из города Ровно. Незадолго до войны они уже имели семьи, но всё разрушила война. После страшных бомбежек Эмилия была эвакуирована в Ульяновск. Долгие десятилетия она не знала, где ее жених, братья и сестры. Михаил Горбач воевал с первых дней войны. Ушел на фронт и больше никогда не увидел своих близких, свою довоенную семью: мать, жену, сестер, братьев и годовалую дочь. От родного дома в Ровно остались одни развалины. Много пережив, по воле судьбы молодые люди встретились в Ульяновске, чтобы всё начать сначала. История их знакомства, их новой семьи достойна сценария многосерийного фильма. Уже после войны Эмилия Михайловна через Красный Крест сумела найти братьев и сестру, которые жили в Польше.

В недавно вышедшей книге Нины Климко «Только мгновение» опубликованы стихи, посвященные родителям.

М.Н. Горбач и Э.М. Климко

МЫ – ДЕТИ ТЕХ, КТО ВЫЖИЛ НА ВОЙНЕ

Мы – дети тех, кто выжил на войне,
Мы – на крови замешенное племя.
Победа эта тем дороже мне,
Её пожар горит в душе сквозь время.

Я вижу там своих: отца и мать...
Как выстоять смогли? Как победили
Коричневую и чумную рать,
Всех нас сгноить мечтавшую в могиле?

А мамочка... невестою была...
Медовый месяц.., но не пощадили...
И как тогда с ума ты не сошла,
Когда тебя враги всего лишили?

Всех потеряла... В городе чужом
На фронт шинели шила, голодала
И грезила вернуться в отчий дом,
Но не нашла его, как ни искала.

А мой отец так рано стал седым,
Его виски война посеребрила.
На смерть ушёл красивым, молодым,
Жену оставив, дочь, ей годик было.

Но выжил он, не выжили они,
Дожди о них в краях незримых плачут.
Где вы, родные, где погребены,
Где ваши души тайны свои прячут?

Откуда в голове роится весть,
Что бабушка убита в Бабьем Яре?
Мне имена родных не перечесть,
Тех, что навек остались в том пожаре.

Мы – дети тех, кто выжил на войне,
Мы – на крови замешенное племя.
Победа эта тем дороже мне,
Её пожар горит в душе сквозь время.

ПУСТЬ ЗНАМЯ ГОРДО ТВОЁ ВЬЁТСЯ

Победа, отблеск твой в веках
Не потускнеет, не сотрётся.
Пусть знамя гордо твоё вьётся
Под мирным небом в облаках.

И знает каждый, млад и стар,
Какой ценой она досталась,
Как солнце заново рождалось
Из пепла, погасив пожар.

Победа, отзвук тех боёв,
Гремит в сердцах святым набатом
По не вернувшимся солдатам,
Отдавшим жизнь за отчий кров.

Победа в памяти людей
Горит немеркнувшей звездой.
Бессмертны подвиги героев,
Отчизны лучших сыновей.

И пусть салют из края в край
Вновь рассыпью огней взметнётся,
По всей планете отзовется
Победный, триумфальный май!

Вера АЛЕКСЕЕВА, педагог – психолог, сказочница, автор книг для детей. В соцсетях ведет группу «Сказки для дочек и сыночков», пишет сценарии для мультфильмов.

БЕЛЫЕ ГОЛУБИ, ЧЁРНЫЕ ВОРОНЫ

Сказка-быль

Лето. Раннее утро. Дождь. Тысяча девятьсот сорок первый год...

– Не пущу, – раздался крик женщины, крик, полный отчаяния и собственного бессилия...

Стёпка – мальчишка четырёх лет – вздрогнул от этого крика и проснулся. Он выглянул с полка печи и увидел отца и мать. Отец сидел на скамейке, приклонившись спиной к печи, мать почему-то рыдала, стоя на коленях у его ног, и то и дело хватала отца за сапоги. Стёпка слез с печки.

– Папка, ты на охоту собрался? – потирая глаза, спросил он.

– Да как тебе сказать, – вздохнул отец.

– На зайцев пойдёшь или сразу на кабана? – деловито поинтересовался Стёпка.

– Уйти мне надо, – опять вздохнул отец и взял мальчишку на руки. – Понимаешь, брат, беда на земле нашей случилась. Проснулась в подземелье проклятая Вáйна.

– А кто эта Вáйна? – спросил шёпотом Стёпка.

– Ну, вроде ведьмы злющей. Вылезла она из болота, собрала войско вражеское, и двинулись они на Русь-мáтушку. А войску тому конца и края не видно, словно чёрная туча по земле ползёт, ни травинки за собой не оставляет,

всё огнём палит да разрушает. Сама Вáйна над тем войском чёрной тенью вороньей летит, крыльями злобы то войско питает. А в небе чёрные вóроны кружатся, крылами солнце заслоняют. И такая темнота везде – и на земле, и на небе. Нельзя Вáйне позволить землицу нашу обижать, надо на защиту вставать.

Отец рассказывал, а у Стёпки перед глазами – картинки, как живые: Вáйна – тень воронья, чёрные вороны заслоняют солнышко, а по земле туча ползёт и всё уничтожает...

– А ты надолго? – спросил Стёпка. – Можно я с тобой?

– Да как получится, брат, – ответил отец. – Со мной нельзя. Кто ж нашу мамку защищать будет, если чёрные вороны сюда доберутся? На тебя у меня вся надежда.

Стёпка обнял отца за шею.

– Ты уж побыстрее возвращайся, а во мне не сомневайся. Не дам мамку в обиду.

Отец встал, потрепал Стёпку за волосы, взял дорожный мешок, фуфайку под мышку и двинулся к двери. Мать вскочила и повисла у него на шее уже в самых дверях... безголосно рыдая...

– Не надо, Любушка, не надо, – отодвинул её отец и шагнул за порог, в дождь...

Скрипучая дверь захлопнулась, словно оглушая, невыносимая тишина повисла у печки.

Встали по всей земле плечом к плечу люди на защиту от врагов: Ильи Муромцы, Алёши Поповичи, Добрыни Никитичи, Петры, Ставры и многие-многие с ними. Одели души в рубахи белые и двинулись на войско вражеское. Бьются не на жизнь, а на смерть.

Потянулись дни. Стёпка каждый день бегал к околице смотреть, не идёт ли отец. Прошло лето.

– Эх, не победили, наверное, ещё Вáйну, – думал про себя Стёпа. – Надо было с отцом идти, уже бы вернулись вместе-то. Хотя и мамку нельзя оставлять одну...

Тянулись дни. Стёпка реже стал бегать смотреть на дорогу – не видать отца. Только иногда он вглядывался вдаль, забравшись на прожилыны забора и приставляя руку ко лбу.

А Вáйна ползёт по земле, сеет боль и горе по свету, радуется. Спутники её верные – вороны чёрные – полнеба уже заслонили...

Задумала Вáйна в самое сердце Родины ударить: поразить Москву, пленить её жителей, а саму столицу до основания разрушить. А завладев сердцем, завладеть всей Русью.

Бьются солдаты наши с врагами за сердце Руси-матушки. Не получается у Вáйны победить в этом бою. Задумала тогда она хитрость и повела свои войска на город Ленинград. Кольцом его сжала так, что не могут наши войны пробить то кольцо. В городе уже и пища вся у людей закончилась, а Вáйне этого и надо. Каждый день души людские забирает она себе. Радует, злодействует! Ещё больше врагам это сил придало. Двинулись они на следующий город, Сталинград. Оттесняют наших солдат, уже в город вошла туча вражеская. Бьются богатыри русские, а в голове у каждого только одна мысль: «За Любушку, за доченьку, за сыноньку, за матушку, за сестричку...» Стоят Ильи Муромцы, Алёши Попо-

вичи, Добрыни Никитичи, Петры, Ставры, вся Русь стоит, не двинется. Испугалась Вáйна такой смелости, отступила. Решила на другой город напасть неожиданно, на Курск, и сломить тем самым дух народный.

Велела войскам своим под Курск идти и там по солдатам нашим ударить. Но наше войско опередило и ударило первым. Разбило врага на Курской дуге.

Разозлилась Вáйна от такого поражения. Стала бить по всем направлениям. А народ наш стоит, удары держит, гонит нечисть с землицы родной. Противостояние на земле идёт. Кто победу одержит?

Четыре года почти бой идёт с проклятой Вáйной. Поседела Любушка, высохла. Изболелось сердце её, душа на ленточки распустилась. Смотрит она в окно, душа плачет, в глазах все слезы иссохли. Упала на колени она перед образами:

– Господи, Господи, спаси их всех... Господи!

– Мама, мама, не плачь, – обнял её Стёпка.

– Сынок, ты помолись со мной, – шепчет она.

– Тебя Бог услышит. Меня не услышит, а твой голос как колокольчик. Тебя обязательно услышит.

Опустился Стёпка на колени и прошептал:

– Боженька, верни папку моего.

И полились слёзы детские на пол. А одна слезинка прямо в щель меж половиц упала. Упала и прожгла детская слеза землю насквозь. Озарилась земля на мгновение, ослабла в тот миг Вáйна, оставилось её войско, ослепли от того сияния чёрные вóроны. Взыграла в сердцах наших воинов сила новая, пошли они в наступление. Идут, жизнью своих не жалеют. Кто идёт, а кто падает безжизненно. Падают, а из сердец их белые голуби вылетают. Вылетают и прямо в небо летят, к солнцу. Летят голуби со всех сторон. Покрылась половина неба белыми голубями, а вторая – чёрными вóронами. Покрылась земля войском чёрным и войском белым. И перепутались небо и земля. Только нельзя было отступать войску белому! Идут они вперед: «За Любушку, за доченьку, за сыноньку, за матушку, за сестричку...» Один город отвоевали, другой, третий, кольцо Ленинградское проббили, жизнь в город потекла... В небе белые голуби клюют вороньё, крыльями забивают. Тут солнышко пробилось, там луч света проступил, ещё, ещё, ещё... Слабеет Вáйна, отступает вражеское войско, оживают города, роши зеленью покрываются, родники сквозь землю пробиваются, смывают боль с Земли-матушки.

Взымыло ввысь знамя алое – цвета крови героев умерших. Взымыло над войсками вражескими, рассыпалась в прах Вáйна!

Полетели депеши во все концы Родины нашей, понесли весть о конце войны!

Стоит Стёпка, на небо смотрит, от солнца щурится, а в небе – голубей белых видимо-невидимо, и так спокойно на душе, так тихо... Опустил он глаза... а вдалеке солдат идёт, худой, поседевший, и что-то знакомое в его походке... и мешок, мешок отцовский!!!

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Нина ЯГОДИНЦЕВА, член Союза писателей России, профессор Челябинского института культуры.

ВЗРОСЛЫЕ МИФЫ О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Говоря о детской литературе, мы так или иначе говорим о будущем – и о своём в том числе. Всё предельно просто: литература формирует сознание, сознание преобразует реальность. Но ведь мы сами с окружающим миром состоим в непростых отношениях и многое представляем себе не столь ясно, сколь надо бы, и тем более не столь радужно, сколь хотелось бы. То, что литература все более вытесняется продвинутыми информационными технологиями, играющими сегодня существенную роль в формировании детского сознания, это одна проблема. А вторая – наши собственные представления о том, какой должна быть книга для детей. В этих представлениях накопилось большое количество весьма сомнительных мифов, о которых и пойдёт речь.

Миф первый: дети сейчас другие – они больше знают, чем мы в их возрасте, у них в лучших друзьях телевизор и Интернет, их трудно чем-то удивить, а вот они своими познаниями легко могут привести в замешательство и смущение взрослого человека... Поэтому для детей нужно писать по-другому, не так, как прежде. Это правда ровно настолько же, насколько и ложь. В художественной литературе (как и в реальной жизни, между прочим) информационная составляющая второстепенна, гораздо важнее – чувственно-эмоциональная сторона, без которой воспитание и сохранение человеческого в человеке невозможно в принципе. Посмотрите телевизор, включите онлайн-игру: какие чувства и каким образом воспитываются у ребёнка? Сочувствие, милосердие, доброта, желание помочь, бережное отношение к природе?

Да, современные дети достаточно свободно ориентируются в море информации, но, во-первых, она в очень незначительной степени становится знанием (то есть частью внутреннего мира ребёнка), во-вторых, детям остро не хватает культуры эмоционального переживания и сопереживания – именно это и воспитывает хорошая литература. А в-третьих, обманчивая доступность информации очень быстро возвращает в человеке душевную лень.

Пойти в библиотеку и покопаться на книжных полках или кликнуть мышкой в Яндексe – а вы сами что выберете? Если без лукавства – то, конечно, Яндекс. Но – обратите внимание! – ценить полученное вы будете не больше, чем на этот самый «мыший клик». Зачем запоминать, если в любое время можно выйти в Интернет и отыскать всё что угодно? Зачем перечитывать старое, если жизнь стремительно идёт вперёд? Зачем кому-то сопереживать и что-то осмысливать, если через десять минут вы получите новую порцию свеженьких любопытных сведений, сенсаций, сплетен? Так постепенно исчезает глубина восприятия, обнуляется память, обесценивается знание. Информационные «удобства» уже оборачиваются большой бедой, а мы только-только начинаем понимать, насколько детям сейчас труднее, чем было нам в их возрасте.

Ещё один распространённый миф о детях – твёрдое убеждение, что их надо развлекать. Да, конечно, детская литература должна быть прежде всего интересной, но в стремительном развитии ребёнка каждый период имеет свою генеральную задачу: вначале это изучение языка общения (и оно начинается именно с эмоций), элементарное познание мира, затем вовлечение в общение и сопереживание, потом активное формирование картины мира и культурных кодов, на основе которых ребёнку предстоит выстраивать отношения и искать взаимопонимания в обществе. А позже – своеобразное испытание смысловой конструкции личности «на прочность», «проверка мыслей и чувств». Причём каждый последующий этап включает в себя предыдущие, и процесс постижения мира многократно усложняется.

Развлечение актуально для взрослых, застрявших в колее обыденности, в узком круге бытовых (ну или производственных) проблем. Детям развлекаться некогда – каждый день напряжённо готовит их к будущей деятельности, формирует личность и проверяет её на прочность. Развлечение же воспитывает потребителя. И если взрослому после развлечения волей-неволей приходится возвращаться в привычную колею, которая его всё-таки держит в рамках суровой реальности, то ребёнку возвращаться некуда – и он потом развлекается или ищет развлечений всю жизнь. Детская же литература должна быть увлекательной – увлекать в реальный мир, раскрывать его тайны и загадки.

Следующий миф – постоянная потребность в новизне. Мы забыли, что детство – это игрушки любимые, а не каждый день новые, это бесконечное повторение незатейливых игр, главные из которых «дом» и «войнушка» (освоение базовых смысловых моделей построения своего мира и его защиты, с чётким распределением гендерных ролей), это

книжки – залистанные, с подклеенными переплётными, зачитанные до дыр, это любимые герои, вполне для ребёнка реальные...

Стремительный поток информации, в который мы бросаем малыша с первых лет его существования, не даёт возможности формирования устойчивых психических структур личности, и в результате мы получаем нечто аморфно-инфантильное, безвольно плывущее по течению, не отвечающее даже за свою жизнь, не говоря уже о близких, коллективе, Родине. Не новизна, а глубина, в которую ребёнок может погружаться при перечитывании книги требуется от детской литературы.

Есть и ещё одна ловушка, которую мы благополучно прозевали. Принято считать, что детям законы реальности лучше всего постигать и осваивать в игровой форме. Это правда, но далеко не вся. Мы упустили один из главных параметров игры – степень её серьезности, необходимость постепенного увеличения доли реальности в предлагаемых обстоятельствах.

Благодаря компьютерным играм и разного рода телевизионным реалити-шоу граница между игрой и реальностью опасно сместилась, породив виртуальный мир и втянув в него целые поколения. В виртуальном пространстве – будь то компьютерная «стрелялка» пятидесятого уровня или отвязанное фэнтези – чувство реальности исчезает полностью, а ведь сама реальность вокруг усложняется год от года и технологически, и психологически.

Это, пожалуй, не только мифы, самые опасные для детства, но и проблемы взрослые, глобальные, решаемые далеко не вдруг. Детской же литературе необходимо как-то обходиться с ними здесь и сейчас, потому что «завтра» находится очень близко, и кое-что из вышеописанного уже приносит свои очевидные горькие плоды.

Нам нужно помнить, что у детей в принципе более сложная система критериев для оценки реальности, и в этом они, безусловно, превосходят нас. Но в то же время не наработаны формы взаимодействия с этой реальностью и нет опыта их использования, нет культурного кода, который позволяет находить широкое взаимопонимание с другими людьми, нет культуры переживания высоких и сильных чувств и сопереживания этим чувствам. Вот это и должна последовательно давать ребёнку детская литература.

Обозначив ложные представления о детской литературе, давайте обозначим и реальные требования к ней. Первое: **литература для детей должна быть чётко выверенно нравственной.** С первых строчек – помните: «Зайку бросила хозяйка, под дождём остался зайка. Со скамейки слезть не мог – весь до ниточки промок»? – формируются ценностные ориентиры ребёнка, и если мы маленькую личность с не устоявшейся ещё системой ценностей начинаем втягивать в сомнительные взрослые эксперименты с нравственностью – трагический результат сказаться не замедлит.

Второй немаловажный момент: **понятие «детство» включает в себя целый ряд возрастных периодов, сильно друг от друга отличающихся,** как уже было сказано выше, и если для маленьких так или иначе пишут многие, то для подростков на-

стоящей художественной литературы трагически не хватает. Это и понятно – нужно иметь большое мужество, чтобы в нашем растерянном, не понимающем себя самого мире серьёзно говорить о жизни с почти уже взрослыми детьми.

Третий момент: **литература как самая точная наука о жизни учит в первую очередь глубокому пониманию реальной жизни.** Она предлагает юному читателю самые разнообразные жанры – от сказки до фэнтези, но и тут оказался почти уже забытым важнейший принцип: ложь в форме ради истины в содержании. То есть все фантазийные элементы – место действия, сюжет, герои, обстоятельства и пр., – служат для более яркого и убедительного утверждения вполне реального смысла. Фантазия ради фантазии, так распространённая сегодня, развращает ум и воображение, отдаляет от насущной жизни – то есть наносит реальный вред маленькому человеку.

Четвёртый момент, пожалуй, требует более пространных объяснений. **Уровень литературного диалога с ребёнком всегда должен быть достойным** – будь то приключения Колобка или рассказы о детях на войне. Но всё чаще наблюдается иное: вполне взрослые авторы, не доигравшие, видимо, в своё время, вдруг начинают писать как бы «для детей», а на самом деле для себя, с позиции уже взрослого опыта. Такие игры со смыслом обычно пронизаны иронией или сарказмом, они изображают мир и людей в нём карикатурно, даже свысока и с презрением. Комплексы взрослых понятны – но почему это адресовано детям? Это, кстати, принцип большинства американских мультфильмов: очевидная карикатурность персонажей, воспитывающая у зрителя чувство превосходства над окружающими.

Тут же обнаруживается и вторая крайность –

стихи и сказки, которые пишут своим внукам бабушки и дедушки, ну или просто почтенные дамы, решившие, что у них это очень хорошо получается: серьёзное – никак, а вот для детей – запросто... Сегодня такие книги издаются в огромном количестве, но подавляющее большинство из них по сути не выходит за пределы «домашней радости». Если в первом случае нас категорически настораживает цинизм, то во втором сразу бросается в глаза беспомощная слащавость, и обе беды детству равно противопоказаны.

И, наконец, пятый момент: **литература для детей должна формировать начальный культурный код, основу общественного взаимопонимания.** Это значит не «больше детских книг!», а широкое распространение лучших: нужно, чтобы их читали и обсуждали в семье, чтобы образы, мотивы, судьбы героев были полем взаимопонимания. На это должны работать журналы, книжные серии «для семейного чтения»...

Всё это говорится вовсе не ради того, чтобы «тащить и не пущать». Мы живём в очень жёсткое время обесмысливания и подмен, и если что-то видим и понимаем в нём, то именно благодаря усвоенным в детстве основам. Каким будут воспринимать мир наши дети? – вопрос остаётся открытым. Диалог с детством надо вести очень серьёзный, это всё больше чувствуют и родители, и писатели. Многие родители хотя бы по диагонали перечитывают книги для своих детей, понимая, что сегодня далеко не всякое чтение полезно. А писатели – особенно из поколения 40-летних – всё чаще решаются на серьёзный глубокий разговор с юным читателем: о жизни и смерти, любви и ненависти, подвиге и предательстве... Это обнадёживает, потому что у нас прекрасные собеседники.

Владимир ИГОШИН

НЕДАВНО ВИДЕЛ Я ВО СНЕ...

* * *

Слова любви шепчите для любимых,
Шепчите их и сердцем, и душой,
Для милых, дорогих, таких ранимых
И предназначенных для вас судьбой.

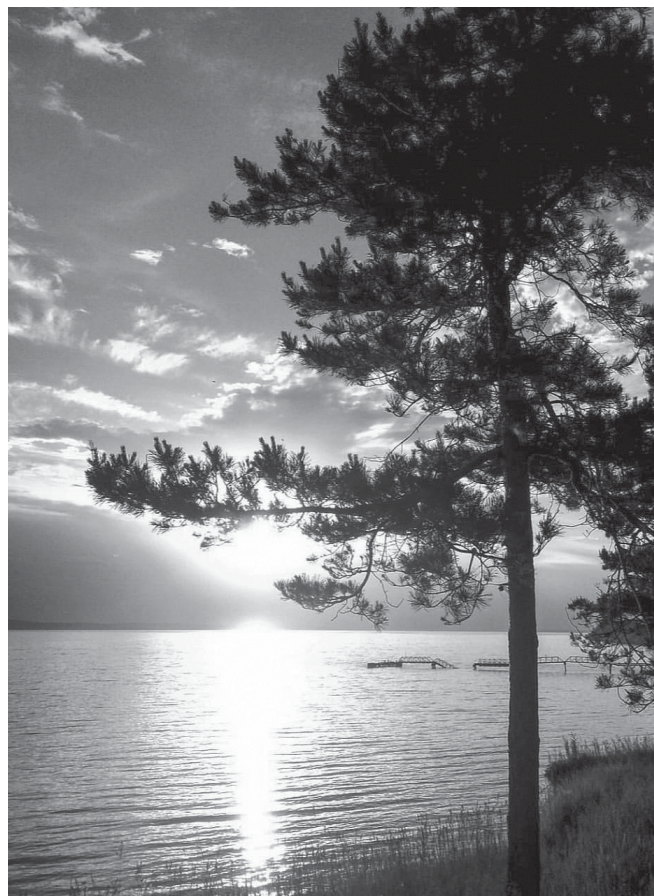
Сердечно им рассказывайте сказки,
Пусть эти сказки снятся им во сне.
А сказками пусть будут ваши ласки,
Ведь истина в любви, а не в вине.

Глазами вы любовь передавайте,
Чтобы глаза сияли и во тьме.
И от любимых вы не ускользайте,
Пусть радость будет в каждом вашем дне.

Когда любимым вашим неуютно,
Когда им горько или тяжело,
Цветы вы им дарите серым утром,
Чтоб становилось в хмурый день светло.

А если вдруг случится расставанье,
То помолитесь за любимых за своих,
И, может быть, исчезнут расстоянья,
Ведь всё зависит только от двоих...

Для милых, дорогих, таких ранимых
И предназначенных для вас судьбой
Слова любви шепчите для любимых,
Шепчите им и сердцем, и душой...

* * *

Падает снег –
Ложится и тает,
Но падает вновь...
Слышится смех –
Как снег он летает
Под шорох шагов...

Свет фонарей
На ветках рисует
Густой синевой.
Маленьких фей
Что-то танцует
Искристый рой...

Из темноты,
Как из-под чёлки,
Взгляд чьих-то глаз.
До немоты
Белый и колкий
Снег – как алмаз...

* * *

Если в сердце живёт любовь,
То она превыше всего.
Ей не надо ни моря цветов,
Ни машин, ни слов, ничего...

Нужен дом, где б любовь ждала,
На столе чтоб горела свеча,
Лишь от счастья текла бы слеза,
Да любимые видеть глаза.

Чтобы рядом бились сердца –
У неё и у него.
Чтобы вместе пройти до конца –
Только-то и всего...

* * *

Недавно видел я во сне...
Вечерний свет у Вас в окне,
Дымок из баньки, разговор,
Порою смех, порою спор.

И звёзды брызгами стекла
Дразнились свежестью тепла.
Цветов приятный аромат
И стрекотание цикад...

Неясно видимый забор,
Над Волгой облачный убор,
Вечерний свет у Вас в окне –
Недавно видел я во сне...

* * *

Уж солнце падает в закат,
Усталостью изнемогая.
Вороны где-то гомонят,
Осоловелых псов пугая.

Затихло всё – псы и вороны,
И ветер отдыхает.
И мы сидим замороженно –
Нас тишина ласкает.

Вот стрекотнуло вдалеке –
Цикады встрепенулись.
Шагают тени налегке,
Дворами потянулись.

А вон, смотри, звезда зажглась,
Проснулась и моргает.
Другая – с неба сорвалась,
Куда-то улетает...

Пора идти нам на покой,
Что ж, надо подниматься.
Ещё чуток побудь со мной –
Не хочется прощаться...

ДОРОГА К ХРАМУ

Протоиерей Сергей АДОДИН, клирик храма великомученика Пантелеимона в Кемерово. Выпускник медико-профилактического и биологического факультетов КемГМУ и богословского факультета ПСТГУ. До принятия священного сана работал техником гемодиализа и искусственной почки в больнице. Пишет рассказы, сказки, публицистические статьи.

Автор книг «Ворваться в рай», «Цветоворот», «Книжка для своих» и др.

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ЖИЗНИ

Пробуждение из небытия наступало долго и неясно. Чувства ещё не появились, только смутное осознание своего «я». Был Свет. Совсем рядом. Он нежно ласкал юную, только что созданную душу, удивлённую собственным существованием. От Него исходила любовь, согревая крохотное, размером почти в одну клеточку, тельце, питая жизнью, окружая заботой и наполняя необъяснимой радостью и спокойствием...

* * *

Юное существо училось управлять обрётённым сознанием, которое работало пока что только на восприятие, давая возможность впитывать происходящее, как губка впитывает воду. Ощущалось присутствие Бога. Дав жизнь, Он поддерживал её, наполнял смыслом и дарил Самого Себя. Время вытеснялось вечностью, прерываемой частыми снами. Они давали отдых от ярких впечатлений, несли что-то необъяснимое, сладостное. Была лёгкость, какую ощущают лишь птицы небесные, скользящие в струях летнего ветра...

* * *

Вскоре ощущение полёта стало незаметно проходить. Из дня в день становилось всё тяжелее, сны менялись, чувство вечности ускользало: наступало Время. Хотелось удержать уходящие впечатления, вернуть в прежнем объёме, но оказалось, что это невозможно. Росло тело. Рост притуплял чувства и несколько изменял способы познания окружающего. Становилось как-то неловко и тесно, но с течением времени вчерашние ощущения улетучивались из крошечной памяти, живущей только настоящим. Во снах появлялись цветовые гаммы, обрисовывались смутные контуры внешнего мира...

* * *

С каждым днём Божье создание обретало всё больше уверенности, что его тело является чьей-то маленькой частицей. Кто-то питал его и заботился о его безопасности.

Кто-то шепнул ему новое слово: «мама». Оно породило в душе новое чувство, которое стало нарастать и скоро захлестнуло сознание сладостным волнением, чувство, укрепившееся навсегда – нежнейшая любовь к той, что называлась мамой...

* * *

Человек! Он был человеком, притом мужского пола. Мальчик. Правда, тело ещё не сформировалось, ведь ему исполнилось ещё только семь недель со дня пробуждения к жизни, но пол был уже определён уникальным набором генов, как и многое другое, например, цвет глаз, голос, характер. Он будет любить петь, у него будет сочный баритон и тонкий музыкальный слух.

Сны обретали всё более чёткие контуры, несли всё больше информации...

Интересно, знает ли мама о моём существовании? Ведь я – внутри, и она не может видеть меня. Но она должна чувствовать мою любовь. Да и вес мой растёт, и потребности в пище увеличиваются. Из снов я теперь знаю, что есть небо, облака, солн-

це и деревья, и хочу увидеть всё это собственными глазами. Но больше всего мне не терпится увидеть маму. Я знаю, что она самая красивая и добрая. Скорей бы наступил день моего рождения! Он должен быть весной – через шесть месяцев.

Весна. Какая она?..

* * *

Малышу снился чудный сон. Он с мамой был в зоопарке, но звери не сидели в клетках, а свободно гуляли по украшенной сочной травой территории. Жирафы подозрительно обнюхали их и, покрывшись от нетерпения разноцветными пятнами, стали ожидать угощения. Мартышки же от бананов отказались и, смешно кривляясь, умчались донимать старого бегемота, мирно дремавшего в луже, заросшей тиной. Мальчик хотел было поиграть с кудлатыми медвежатами, что шумно возились, отбирая друг у друга банановую кожуру и кусаясь, но внезапно пошёл сильный холодный ливень, и мама, подхватив сынишку на руки, поспешила укрыть его под навесом...

Сон прервало появление Ангела. Малыш видел Ангела впервые, но он ему очень понравился. От него исходили свет и любовь. Внезапно всё тело пронзила жгучая красная боль. Во сне мальчик не заметил, как к нему подобрался острый инструмент. От него пахло смертью. Ножницы стали методично отсекал крохотные ручки и ножки, заставляя ротик малыша открываться в беззвучном крике.

Мама, мамочка, беги отсюда, спаси меня, мама!

Хищно изогнув свой клюв, приблизился крючок Брауна к головке малыша и отделил её от четверованного туловища. Маленькое тельце ещё раз судорожно дёрнулось и затихло...

С ужасными воплями налетели было полчища бесов, почуявших смерть некрещёного младенца, но Ангел отогнал их властным движением руки. Он взял трепещущую от страха пятимесячную душу и, нежно прижав к груди, начал своё восхождение к Богу.

Малыш же, прильнув к любящему сердцу Ангела, думал о маме...

МОЛЕБЕН

– Эх, да чтоб меня! – досадливо хмыкнул дед Лазарь, выйдя поутру на крыльцо веранды. Его взору предстала безрадостная картина: поникшие бабкины георгины, утонувшие анютины глазки, всюду мутная жижа. Некогда аккуратные высокие грядки были подмыты водой, лук лежал в грязи. Оставленные вчера на бетонной плите перед верандой калоши не уплыли только потому, что в них плескалась вода. Трезор, цепной пес, услышав хозяина, высунул было рыжую морду из будки, но, уловив его настроение, быстро спрятался.

С неба струилась, нет, лилась почти сплошным потоком вода.

– Хоть рыб запускай, – горько усмехнулся старик, вспомнив слова внучки-библиотекарши. Та

что-то рассказывала про одну иностранную книгу, мол, такой же дождь там шёл пятьдесят девять месяцев, что ли.

– Ну, тогда мы здесь все уплывём, – бормотал он, выволакивая тяжёлую скамейку с веранды на крыльцо – под навес. Облокотившись одной рукой на раму окна, дед медленно сел, щадя больную поясницу. Вытащив из кармана трико раскрытую пачку «Примы», постучал синим ногтём о торец – чтобы легче достать сигарету. Покатав её между пальцами, сунул в рот, прикурил от спички. Зажигалкам он никогда не доверял – считал, что газ портит табак. Затянулся, выпустил дым в серое мрачное небо. Закашлялся, вызвав этим краткий интерес Трезора, сплюнул в грязь. Загрустил.

Дождь длился уже шестнадцатый день. Последний раз такое было году в пятьдесят восьмом – тогда лило три недели подряд. Траву скосить не успели, картошка вся сгнила в земле, Каменка поднялась и затопила понтонный мост, а также несколько огородов, расположенных близко к реке. В общем, хлопот было...

Из соседнего дома вышла Тамара Михайловна – местный фельдшер.

– Томка, а ты куда это собралась-то? Воскресенье же, как-никак. А сапоги надо повыше носить. Да. А то что это? Баловство одно. Эх, скоро будем на лодках по деревне разъезжать, как в этой, Венеции.

– И тебе доброго утра, Федосеич! Как спина? Почему без банджа ходишь? По уколам соскучился?

– Дык я это... покурить просто вышел, ненадолго... чего ругаешься?

– Ага, ненадолго, а как скрючит, так сразу по-другому запоёшь.

Тут женщина поскользнулась на мокрой доске крылечка и ухватилась рукой за перила, чтобы не упасть.

– Ну, ядрить твою перекинь через медный купорос! – выругалась она. – Да сколько же можно лить-то? Веришь, нет, я вчера к капусте подойти не смогла! Воды – почти по колено. Сгниет всё напрочь!

– Точно, будем картошку в магазине закупать. Втридорога. Эту, голландскую. Да ты собралась-то куда?

– Да мальчика одного прокапать надо. Дочь его позвонила, попросила.

– Это, случаем, не Николаича? Почтальона? Так он, говорят, запил вроде.

– Ну, вот и пойдут из запоя выводить. Ему пенсию скоро разности.

Тамара раскрыла над головой мужнин чёрный зонт, взяла пакет с лекарством и, выйдя за ворота, направилась в сторону клуба.

Докурив сигарету, Лазарь Федосеевич, единственный на весь район печник, бросил окурочек в жестяную банку из-под кофе, стоявшую на крыльце, медленно, в три приёма, поднялся со скамейки и зашёл в дом.

– Ну, чего там, солнца не видать? – спросила из своей комнаты Зинаида Никифоровна – его жена.

– Да какое там? Забудь про солнце. Всё заволокло – ни просвета.

– А вчера в «Вестях» погоду передавали – по всей области дожди идут.

– Так возьми да позвони им, пусть хорошую погоду передадут в новостях, – пробурчал дед, ставя чайник на газ.

– А сегодня поп наш молиться будет, чтоб дождь перестал, – сказала бабка Зинаида, заходя на кухню.

– Во даёт, циркач! А ты почём знаешь?

– Да мне Ильинична сказала, у ей внук там работает, в церкви.

– Митька, что ли? Так он школу-то ещё не окончил вроде.

– Да он там по воскресеньям работает да во время каникул.

– Никак в попы решил записаться? А парень-то вроде толковый, в технике всякой разбирается, ему бы ехать поступать в университет какой. Эх, пропадёт! – Дед Лазарь сокрушённо махнул рукой, пока-

чал головой и поставил на застеленный вышарканной клеёнкой стол две кружки.

– Да чего он пропадёт-то? Вон, говорят, попы получают хорошо, живут богато, – возразила жена, вытаскивая из буфета небольшой тазик с булочками.

– Ну, не знаю, может, где-нибудь в Москве они и хорошо живут, а по нашему-то и не скажешь. Сколько видел его, всё в одном и том же ходит, да и попадая его тоже не щеголяет. Хорошо ещё, что детей у них нету. Да и разъезжал бы он тогда на машине, а не на лисапедке. Садись, давай, за стол, я вон налил уже.

Завтракали супруги молча, время от времени поглядывая в окно.

* * *

– Здорово, Митяй! Ты куда это с утра пораньше?

– На рыбалку поди пошёл.

– А чего ходить? Можно прямо тут ловить, карась подплывает прямо к забору!

Дмитрий обернулся. Над высоким зелёным штакетником торчали две головы. Одна из них, рыжая, принадлежала Антошке, вторая, лысая – Серёжке. Оба брата счастливо ухмылялись.

– Сами-то чего не спите, караси? Детское время ещё, баиньки надо.

– Да он щютниг! – Округлил глаза Серёжка.

– О-хо-хо! Держите меня! Насмешил. Похвально. Бить не будем. Помилуем, – простонал Антошка, делая вид, что утирает слёзы.

– Не, в натуре, ты куда?

– В церковь.

– А чё, праздник какой-нибудь?

– Ну, в принципе, каждое воскресенье – малая Пасха, – терпеливо объяснил Дмитрий.

– Чё, надо говорить: «Христос Воскрес»? – деланно удивился Антошка.

– Да нет, не обязательно, – смутился Дмитрий.

– Да ладно, не бери в голову. Слушай, а что, правда батёк сегодня Богу будет молиться, чтобы дождь перестал? – заинтересовался Серёжка.

– Ну, молебен будет после литургии. Отец Павел всех приглашал.

– Скажи ему, что мы не придём, – захихикал Антошка.

– Ага, и да поможет ему Гидрометцентр! – фыркнул Серёжка.

– Да ну вас на фиг! – отмахнулся Дмитрий.

– Ой, он что – так сматерился на нас?

– Да нет, слышалось. Ты чё, ему ведь так нельзя говорить, Боженька накажет.

Махнув рукой, Дмитрий поспешил в храм, стараясь не обращать внимания на дальнейшие реплики одноклассников.

* * *

Литургию отец Павел совершал со смешанным чувством радости и горечи. Радостно ему было всякий раз, когда он, облачившись, становился перед престолом и зычно возглашал: «Благословен Бог наш...». А горечь была от того, что в новенькой кирпичной церкви, отстроенной богатым спонсором – бывшим директором совхоза, а ныне преуспевающим бизнесменом, совсем не было народу. Люди не хотели ходить на службы.

Отец благочинный, открывая приход, докладывал архиерею, что в деревне полным-полно верующих христиан, жаждущих духовной жизни. Спонсор докладывал, что приход священника прокормит. Получив указ о переводе, отец Павел ехал в гостеприимную деревню добрых христианских традиций. Приехал – ни прихода, ни жилья. Первые полгода с матушкой жили в бане. Потом сняли небольшой домик. На первой же службе понял, что будет трудно – храм пустовал. В последующие две недели ситуация не изменилась. Прислушавшись к совету своего друга – настоятеля поселкового храма, – прошёл по дворам, познакомился с жителями. Посещал все деревенские мероприятия, первое время ходил только в рясе. Пока не понял, что, изодрав эту, другую пошить не сможет – не хватит денег. Затем устроился в одну компьютерную фирму в городе – собирать системные блоки за три тысячи рублей в месяц. На жизнь стало хватать. С клиросным пением, уборкой храма, бухгалтерией справились – вдвоём с матушкой. Потом в храм начал ходить соседский парнишка Дима. Дело пошло. Втроём уже веселее.

Два дня назад батюшка развесил по деревне несколько объявлений о том, что после воскресной литургии в храме св. Дмитрия Донского состоится молебен о прекращении дождя. Зная обо всех трудностях деревенского жителя, связанных с затяжными дождями, отец Павел надеялся, что теперь-то люди придут. Но литургия уже подходила к концу – матушка Лидия уже пропела «Отче наш», а во всём храме их только трое. Он, жена и Дима.

Причащались двое – он сам и Дима. Лиду ис-

поведовать он всегда избегал, а другой священник находился за сорок километров. Проповедь звучала для худого застенчивого мальчишки и любимой супруги.

– Господу помолимся! – возгласил отец настоятель перед заключительной молитвой, оглядев пустой храм.

– Господи, помилуй! – пропели в ответ два молодых голоса.

* * *

Жители деревни не сразу поняли, что произошло. Ближе к полудню появилось солнце, но дождь не переставал. Затем кто-то сказал, что над церковью дождя вроде бы нет. Ему не поверили, но народ стал постепенно подтягиваться к храму. Братья Коноваловы – Антон и Сергей – прибыли первыми и стояли тихо. Молчал и Витька-комбайнер – первый в деревне безбожник и острослов. Была молчалива и Валентина Семёновна – учительница биологии, воинствующая атеистка. Подходили молодые и старые. Пришёл и дед Лазарь – в фуфайке, препоясанной дырявой шалью, в полиэтиленовом дождевике.

Вскоре только самый больной или ленивый не стоял у церковной ограды, разинув рот. Вовсю сияло солнце. На сухой церковной крыше сидели отец Павел с Димкой. Перепачканные с ног до головы, они спокойно красили оцинкованное железо в синий цвет. Внизу стояла матушка Лидия и, щурясь, давала указания, как лучше красить. На собравшихся людей они вроде бы не обращали никакого внимания. Только изредка счастливый Димка украдкой бросал взгляд на притихших земляков, поливаемых дождём.

СОЛО

Елена ФРОЛОВА родилась в Симферополе в 1976 году, в семье военного. Детство прошло в переездах по стране. Долгое время семья жила в Сибири: Томске, Новосибирске, Красноярске. Окончила Красноярский педагогический университет имени В.П. Астафьева по специальности «русский язык и литература». Печата-лась в газетах Новосибирска, Красноярска, Тульской области, в журнале «День и ночь». В 1998 году стала победителем литературного конкурса «Студенческая весна», организованного фондом В.П. Астафьева. По итогам конкурса в 1998 году был выпущен сборник «Старый синий зонт» (под фамилией Ермакова).

В 2004 году в издательстве «Стрекоза» вышло четыре книги стихотворений для малышей до 5 лет. Публиковалась в журнале «Эмигрантская лира», «День и ночь», «Москва», «Веси», «Твой голос». Участник поэтических фестивалей.

Сотрудник Государственного литературного музея им. В.И. Даля.
Живёт в Москве.

МЕЖДУ ЗИМОЙ И ЛЕТОМ

* * *

Обыденность – слово холодное.
Закрытые двери молчат.
И снова котят голодные
Всю ночь на площадке кричат.

Я вынесу им молока
На блюде с синей каёмкой,
Пока не грубеет рука,
Поглажу чужого ребенка.

И вытряхнув письма твои,
Коробку поставлю у двери.
Согреется в ней херувим
В обличье кошачьего зверя.

Мурлыкая, счастье ничьё,
На чудо надеется робко...
И сердце тоскует моё.
И письма лежат у коробки.

* * *

Любовь не одерживает побед.
Любовь ничего не просит.
Идет человек в суету одет,
Несёт за плечами осень.

Идет, не оглядываясь, вперед,
Упорством своим просужен.
А то, что случилось, наоборот, –
Осталось как льдинка в луже.

Как паутинка неясным днем
На веточке клёна голой...
Как имя моё под твоим языком
Таблеточкой валидола.

* * *

Недочитанной сказкой обрывается жизнь.
А казалось, что завтра наступит счастье.
Буратиный ключик в карман положи,
Просто так, без сочувствия и участия.

Недоваренным варевом гаснет очаг.
А казалось, что к вечеру будет ужин.
Положи-ка хворост на тот верстак.
Хотя здесь и верстак никому не нужен.

Над театром выцветут все флажки.
Карабася плётка – за три монеты.
А шарманку старую отнеси
к морю.
Между зимой и летом.

* * *

Ялтинский вечер влажен.
В порт пришли корабли.
Смятый билетик бумажный,
Вытертый изнутри.

Прячут художники лица,
Мелом рисуя дам.
Краешком сна серебрится
Ялтинский старый платан.

Кто-то играет Баха
Заговоренной волне...
Спит у моря собака
И тоскует во сне.

* * *

По изумрудной глади плывут
редкие белые чайки.
Штопает невод на берегу
мальчик в просоленной майке.

Господи Боже, зачем и когда
я прожила так много?
Стать бы рыбкою в неводах,
чтобы меня трогал,

смотрел, нежно сжимал в руке,
не говоря ни слова,
бронзовый мальчик на жёлтом песке
снова, снова и снова...

* * *

Знаешь, Адам,
я бы тебя всё равно увела из сада.
Всё было там,
но без любви ничего не надо.
Змей был умён
и понимал про это.
ТОТ был силён
и городил запреты.
Хлеба ломоть
слаще, когда со слезою.
Нежная плоть
мается перед грозою.
Так и с любовью,
чтоб на века и дальше –
сыпь её солью,
будет она послаще.
Так что не грех
то, что случилось, слышишь?
Много поэтов много об этом напишут.
А поутру
в брошенных райских куцах
ТОТ на ветру
кожу змеиную сушит.

* * *

Мысль о тебе всё чаще кажется странной,
чужой, как будто бы вовсе и не моей.
Где-то над океаном бредут караваны
с погонщиками, закутанными до самых бровей.

Халаты их пропитаны пылью горькой,
по загорелым лицам не ясно, кто млад, кто стар.
Мне бы стать танцовщицей красивой и гордой,
чтоб танцевать погонщикам танец, тот, живота.

Звезды пустыни дрожали бы от смущенья
и от ревности, у каждой ведь свой погонщик.
Мой танец – это танец прощенья, и мщенья,
и прощания. Но ни слова больше

о том, что сделали наутро в том караване
погонщики с недосыгаемой танцовщицей
тонко кованными инкрустированными ножами
от невозможности ни полюбить, ни насладиться.

* * *

Светлая девочка, тихая курочка,
Ягодка к небу прилипшая, вишенка,
Бабочки вышитые на курточке
Лишние.
Модной булабочкой, желтою пуговкой,
Ленточкой алою через запястье,
Стерты в начале заглавные буквы
К счастью.

Крестики-нолики, прыгалки-мячики,
Стеклышко-фантик, секретик в песочнице.
Самые нежные – первые мальчики.
Хочется

Глянуть еще раз в зеркало, в озеро,
В реку, как в небо, в глаза херувима.
Прожито всё, что и было положено,
непоправимо.

* * *

Шар земной похож на снежок,
Господь его держит в ладонях.
Один случайный неверный шагок –
И Бог его тихо уронит.

И шар земной полетит в пустоту,
Не сетуя и не жалуясь.
Господи, не отпускай, прошу,
Держи его крепче, пожалуйста.

Всё случается. Но пока
Любовью рождается свет,
С любовью плывут по земле облака,
И люди встречают рассвет.

Шарик не полетит в пустоту,
Не сетуя и не жалуясь.
Господи, не отпускай, прошу,
Держи его крепче, пожалуйста.

Когда же отчаянье или злость
Держит вас на волоске,
Помните, каждый немного Господь,
С синим снежком в руке.

И чтобы нам не упасть в пустоту
И не рассыпаться в прах,
Господи, не отпускай, прошу,
Держи нас в своих руках.

РАЗГОВОР С МАМОЙ

Мама, придумай еще одну колыбельную,
Нежную, долгую, чтобы на целую ночь.
Мама, была я женою послушной и верною,
Но непослушной, жестокой, неласковой дочкой.

Мама, ты заплети мне, пожалуйста, волосы
Как это было в моем воробьином детстве.
Поговори неторопливым голосом,
Чтобы душе без стыда захотелось раздеться.

Мама, дай мне немного твоей силы,
Той, что хранит наш очаг долгие годы.
Мама, я мужчину чужого любила,
Может, поэтому больше любовь не приходит?

Мама, прошу, помолись обо мне Богу,
Скажи, я заслужила всё, что случилось...
Лишь бы Он дочке дал счастливой дороги,
С верой в Его безграничную радость и милость.

* * *

Вот и май прошёл, и июнь подбирается к середине,
А ты всё думаешь, чем бы заполнить лето.
Непомытая с осени обувь лежит в корзине,
И этюды без рам засунуты за буфетом.

Вроде надо бы вытащить синие чемоданы,
Обтереть с них пыль и заполнить вещами к морю.
А ты смотришь в июнь,
наступивший вот так неожиданно,
И никак не можешь оправиться
от равнодушья и горя.

Хотя горе, в принципе, так, ерунда, по сути.
В мировом масштабе – банальнейшая «love story».
А ты сидишь, обняв колени, на старом стуле,
Перебираешь, как Золушка чечевицу, то, что не стоит
перебирать. Зацветают шиповник и липы в парке,
Пишут родственники о «погостить в столице».
Значит, лето будет шумным и, видимо, жарким.
И немислимо длинным...

Потому что некуда торопиться.

* * *

Листья лавра похожи на веки.
Смотрит глазами деревьев Господь
На неразумного человека,
В муках добывшего хлеба ломоть.

В муках родившего первого сына,
В муках поставив дом у дороги.
Сушатся персиков половины
На перевернутых у порога

Ящичках старых, сколоченных в зиму,
Под эвкалиптом вечно зеленым.
Осенью мама наполнит корзины
Вяленным персиком, лавром сушеным,

Глянцево-черным инжирным вареньем –
Лакомством для приезжающих к морю...
Жизнь измеряется лишь приближеньем
К благословенью, терпенью и горю.

* * *

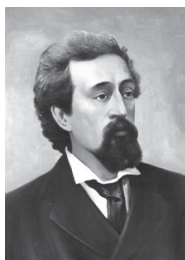
У Чёрного моря
растёт зачарованный сад.
Там утром коровы
едят голубой виноград.
Там красным кувшинчиком
светится юный гранат,
созревших смоковниц
янтарные капли лежат.
Там три кипариса
увиты до неба плющом
и лучшие мысли
в саду зарождаются том
о солнце и свете,
ласкающих лист и траву,
о том, что, наверное,
бывает любовь наяву.
Хурмой золотится
встающий над садом рассвет,
веселая птица
гнездится в нём тысячу лет.
И если однажды
невмочь получается жизнь,
в тенистой прохладе
в саду возле моря ложись
и слушай, как нежно
поёт тебе птичка: «Ти-вить».
И время безбрежно
плетёт свою тонкую нить.

**СТИХОТВОРЕНИЕ
ДМИТРИЯ САДОВНИКОВА
В ПЕРЕВОДЕ СЕРГЕЯ ГОГИНА
ОТПРАВИЛОСЬ В КИТАЙ И ИРАК**

Стихотворение Дмитрия Садовникова «К Волге» в английском переводе поэта из Ульяновска Сергея Гогина представили на акции ко Всемирному дню книги в Нанкине (Китай). Оно также будет включено в экспозицию Modern International Multilingual Library Museum в Слемани (Ирак).

Всемирный день книги и авторского права отмечается ежегодно 23 апреля с 1996 года. Он был провозглашён на 28-й сессии ЮНЕСКО в 1995 году. Нанкин приурочил ко Всемирному дню книги специальное мероприятие – чтения на знаменитом озере Сюань. В ходе акции Литературный центр Нанкина представил короткие видеоролики с чтением классики из городов литературы ЮНЕСКО, в том числе из Ульяновска. Ролики также распространялись в социальных сетях и СМИ.

Стихотворение Дмитрия Садовникова «К Волге» представил ульяновский поэт и журналист Сергей Гогин, который перевел стихотворение на английский язык. Жители Нанкина увидели видеозапись, на которой Сергей читает стихотворение на английском и русском языках. Ролик также можно посмотреть на Ютуб-канале программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО».

Дмитрий Николаевич Садовников (1847 – 1883) – русский поэт, фольклорист и этнограф, родился в Симбирске. Стихотворения Садовникова, навеянные легендами о Степане Разине, стали широко известными народными песнями «Из-за острова на стрежень» и «По посадку городскому».

«Стихотворение, которое я перевел (с помощью Дэвида Ховарда из Данидина), любопытно тем, что в нем автор как бы указывает поэту на его скромное место, смиренную роль в творчестве. Казалось бы, роль поэта как творца своих стихов неоспорима, но Садовников с готовностью отказывается от приоритета на свои стихи, уступая этот приоритет Волге и окружающей ее природе, поскольку именно они, как он утверждает, являются источником его вдохновения и его поэзии. Он обращается к Волге словно к богине, божеству, которое дарит ему вдохновение. Он как бы задвигает себя на задний план. «Тебе несут стихи, река моя родная, они – навеяны и созданы тобой», – говорит он,

Сергей Гогин

снижая себя до положения стенографиста, записывающего «песни», которые «диктует» ему река. Эта смиренная позиция соответствует теории о том, что поэт является всего лишь проводником божественных откровений. Судя по этому стихотворению, Садовников явно чувствовал себя таким проводником», – рассказал Сергей Гогин порталу «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО».

Ранее Сергей Гогин также перевел часть триптиха новозеландского поэта Дэвида Ховарда, написанного им во время работы в писательской резиденции в Ульяновске.

Также стихотворение Дмитрия Садовникова в переводе Сергея Гогина войдет в постоянную экспозицию Modern International Multilingual Library Museum, которая сейчас создается в городе Слемани в Ираке на базе старого госпиталя. В музее будут представлены книги из всех 39 городов литературы ЮНЕСКО и стихотворения из каждого города на трех языках – языке оригинала, английском и курдском.

Будущее здание Modern International Multilingual Library Museum в Слемани, городе литературы ЮНЕСКО в Ираке

Напомним: Ульяновск был выбран литературным городом ЮНЕСКО в 2015 году. Сегодня эта литературная сеть включает 39 городов мира. Ульяновск по-прежнему остается единственным российским городом литературы в списке ЮНЕСКО. Кроме того, недавно Казань стала городом музыки ЮНЕСКО, а Каргополь – городом ремесел ЮНЕСКО. Сеть креативных городов ЮНЕСКО действует с 2004 года. Сегодня она насчитывает 246 городов.

Нанкин, город литературы ЮНЕСКО в Китае

НОВОСТИ

ПИСАТЕЛЬ КИР ЛУКОВКИН: «В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ МЫ ОЧЕНЬ МНОГОЕ УЗНАЕМ О СЕБЕ И ДРУГИХ ЛЮДЯХ»

Писатель из Ульяновска Кир Луковкин известен не только как автор социальной фантастики, но и как автор «тёмного направления» и триллеров. Портал «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» поговорил с прозаиком о том, как пандемия изменит мир, что происходит в российской литературе, о гетто-литературе и о герое нового романа автора. Читайте интервью на сайте <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

УЧИТЬСЯ БЕСПЛАТНО

Писательский центр Норвича, города литературы ЮНЕСКО в Великобритании, предлагает бесплатные курсы для писателей из любой страны мира (на английском языке). Выбрать курс можно здесь: <https://courses.nationalcentreforwriting.org.uk/> (ищите пометку о бесплатном доступе).

НОВЫЙ РОМАН ИРИНЫ БОГАТЫРЕВОЙ В «НОВОМ МИРЕ»

В апрельском и майском номерах литературного журнала «Новый мир» читайте новый роман «Согра» писателя Ирины Богатыревой (Ульяновск – Москва). Это отчасти документальный роман, в нем использованы материалы фольклорных интервью из экспедиций автора в Архангельскую область. «Это было принципиально для меня: вложить живую разговорную речь, диалектную, со всеми ее сложностями и красотой, в художественную ткань текста так, чтобы ничего не рассыпалось», – рассказывает Ирина.

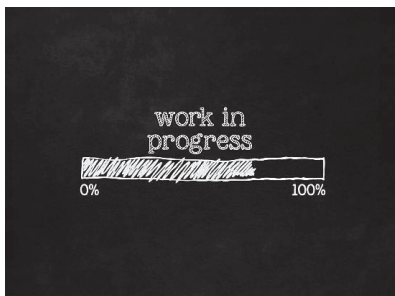
ТЕКСТ ГАЛЫ УЗРЮТОВОЙ О САМОИЗОЛЯЦИИ СТАЛ ПОБЕДИТЕЛЕМ КОНКУРСА МУЗЕЯ «ГАРАЖ»

Музей современного искусства «Гараж» в Москве объявил победителей конкурса текстов и визуальных материалов, посвященных самоизоляции. На конкурс пришло более 300 заявок, жюри выбрало восемь победителей, в том числе автора из Ульяновска Галу Узрютову с текстом о дискриминации молчащих в пользу говорящих. В качестве визуальных отсылок в оформлении текста автор использовала фотосерию с туманом в горах. Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/> и на сайте музея «Гараж»: <https://self-isolation.garagemca.org/ru>

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОНЛАЙН-ГРУППА ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ

Ульяновские писатели и переводчики приглашаются в международную Фейсбук-группу для авторов из городов литературы ЮНЕСКО Work in progress. В период глобальной изоляции авторы разных городов мира рассказывают, над чем они сейчас работают и дают отклики на работу друг друга. Присоединяйтесь к общению и рассказывайте о том, над чем сейчас работаете вы! Адрес группы: <https://www.facebook.com/groups/598172950910417>

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА В УЛЬЯНОВСКЕ

Бесплатная литературная рассылка Writers' Info Point от программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»: анонсы литературных событий города, тексты местных авторов, резиденции, стипендии и премии для писателей, новости литературы, интервью и др. Для подписки отправьте ваш e-mail на infopoint.ulsfcityofliterature@gmail.com

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

ИЮНЬ 2020

1 июня – 165 лет со дня рождения издателя и публициста **Сергея Фёдоровича Шарапова** (1.06.1855, д. Сосновка Вяземского у. Смоленской губ. – 10.07.1911, г. Москва). Учился в Николаевском инженерном училище в Петербурге. Воевал на Балканах. Занимался сельским хозяйством. В 1891 году был в Симбирске, писал об этом: «Припомните описание губернского города у Гоголя, где Чичиков покупал мёртвых душ – вот вам живой Симбирск». Автор сочинений «Путешествия по русским хозяйствам» (1881), «По садам и огородам» (1895) и др.

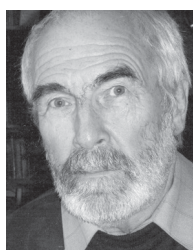
3 июня – 125 лет назад родился поэт, литературовед-пушкинист **Георгий Владимирович Маслов** (3.06.1895, г. Моршанск Тамбовской губ. – 15.03.1920, г. Красноярск). Окончил Симбирскую мужскую классическую гимназию (1913). С 1915 года публиковал стихи в журналах. В марте 1917-го вернулся в Симбирск, участвовал в выборах в Учредительное собрание, примкнул к белочешскому мятежу. Служил в армии Колчака. Автор комедии «Дон Жуан», поэмы «Аврора». Стихи были изданы в 1922 году в поэтическом сборнике «Арион».

5 июня – 130 лет назад родился писатель, переводчик **Марк Яковлевич Раковский** (5.06.1890, г. Маков Ломжинской губ. Царства Польского – 5.04.1982, г. Варшава). Жил в Белостоке и Варшаве. Во время войны переехал в СССР. В 1943 году был арестован, осуждён на 8 лет. Содержался в г. Мелекесс Ульяновской обл. Вернулся в Польшу в 1960-х гг. Перевёл на идиш произведения Мопассана, Г. Д'Аннунцио, К. Мендеса, Ж. Таро, А. Доде, В.М. Дорошевича, А. Барбюса и др. Написал о пребывании в Мелекессе в польском журнале «Звено».

6 июня – 125 лет со дня рождения писателя **Владимира Яковлевича Зазубрина** (6.06.1895, слобода Заворонеж Тамбовской губ. – 28.09.1937, г. Москва). С 1906 года жил в Сызрани. В мае 1917-го содержался за агитацию в Симбирской губернской тюрьме. В 1919

году служил в колчаковской армии, перешёл к красным. Был редактором журнала «Сибирские огни», затем работал в Москве. Автор романов «Два мира» (1921), «Горы» (1933); повестей «Общежитие» (1923), «Щепка» (1923); воспоминаний об А.М. Горьком «Последние дни» (1936) и др.

6 июня – 80-летний юбилей отмечает поэт, художник, архитектор **Лев Николаевич Нецветаев** (р. 6.06.1940, г. Ульяновск). Окончил Московский архитектурный институт (1963). Преподаватель живописи и архитектуры. Автор поэтических сборников «Симбирская

гора» (1999), «Правда осени» (2010), «Стела. Книга жизни» (2017); сборника статей «Малоизвестный Врубель» (2015) и др. Награждён Золотой пушкинской медалью (1999). Почётный архитектор России (2002). Лауреат региональной премии «Шапка Мономаха» (2014).

8 июня – 95 лет назад родился учёный, автор воспоминаний **Гурий Иванович Марчук** (8.06.1925, с. Петрохерсонце Грачёвского р-на Оренбургской губ. – 24.03.2013, г. Москва). Работал в Московском физико-техническом институте. В 1986 – 1991 гг. – президент Академии наук СССР. Был в Ульяновске в командировке 20–21 июля 1989 года. Автор книг «Молодым о науке» (1980), «Встречи и размышления» (1995), «Симбирский феномен» (1997), «Жизнь в науке» (2000) и др. Лауреат Ленинской премии (1961). Герой Социалистического Труда (1975).

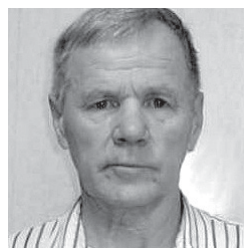
13 июня – 185 лет со дня рождения педагога, учёного-этнографа **Владимира Александровича Ауновского** (13.06.1835, г. Вытегра Олонецкой губ. – 10.03.1875, г. Псков). Преподавал в Пензе, Нижнем Новгороде, Казани. В 1866 – 1872 гг. был инспектором Симбирской мужской классической гимназии. Автор сочинений «Исторический очерк Симбирской губернии», «Историко-статистический очерк городов и уездов Симбирской губернии», «Этнографический очерк мордвы-мокши» и др. С 1874 года жил в Пскове.

19 июня – 90 лет назад родился философ, публицист **Николай Иванович Бочкарёв** (19.06.1930, г. Ульяновск – 22.05.1999, г. Москва). Окончил философский факультет МГУ (1953). Преподавал в вузах Куйбышева и Львова. С 1967 года работал в МГУ. Доктор философских наук (1974). Специалист в области истории социально-политических и философских учений. Автор книг «В.И. Ленин и буржуазная социология в России» (1974), «Реальное и утопическое» (1987), «Русская социологическая мысль 40-60-х годов XIX века» (1996) и др.

19 июня – 75-летие отмечает искусствовед, краевед **Луиза Петровна Баюра** (р. 19.06.1945, с. Большая Халань Корочанского р-на Белгородской обл.). Окончила Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (1978). Зам. директора Ульяновского областного художественного музея. Автор изданий «Художественные коллекции Симбирского края» (2005), «Ульяновский областной художественный музей» (2006), «Василий Григорьевич Худяков. 1826 – 1871» (2007) и др. Заслуженный работник культуры Ульяновской области.

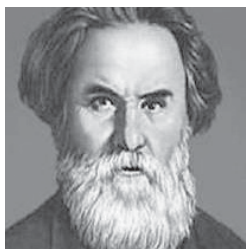
21 июня – 85 лет со дня рождения энергетика, литератора **Леонида Ивановича Подушкова** (р. 21.06.1935, г. Мелекес Куйбышевского края, ныне г. Дмитровград Ульяновской обл.). Окончил Московский энергетический институт. Работал на атомной ТЭЦ в Сибири, затем на Калининской АЭС. Автор книг «60 лет в спорте» (2010), «О поэзии» (2011); сборника мемуаров «Мой 20 век» с воспоминаниями о мелекесском периоде жизни в 1940 – 1950 гг. Живёт в городе Удомля Тверской области. Заслуженный энергетик России.

21 июня – 75-летний юбилей отмечает краевед **Владимир Кузьмич Воробьёв** (р. 21.06.1945, с. Старое Погорелово Вешкаймского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский государственный педагогический институт. Работает в Майнском историко-краеведческом музее. Автор изданий «Чапанная война в Симбирской губернии» (2008), «Школы Симбирской губернии, которые посещал И.Н. Ульянов» (2012), «Селения Майнского района Ульяновской области. Страницы истории» (2013) и др. Живёт в посёлке Майна.

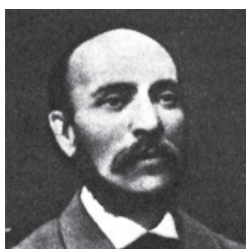
21 июня – 75-летний юбилей отмечает краевед **Владимир Кузьмич Воробьёв** (р. 21.06.1945, с. Старое Погорелово Вешкаймского р-на Ульяновской обл.). Окончил Ульяновский государственный педагогический институт. Работает в Майнском историко-краеведческом музее. Автор изданий «Чапанная война в Симбирской губернии» (2008), «Школы Симбирской губернии, которые посещал И.Н. Ульянов» (2012), «Селения Майнского района Ульяновской области. Страницы истории» (2013) и др. Живёт в посёлке Майна.

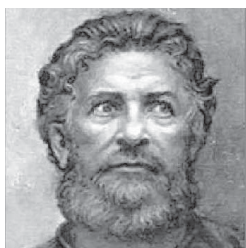
23 июня – 170 лет назад родился этнограф, историк, публицист **Александр Степанович Пругавин** (23.06.1850, г. Архангельск – 1.11.1920, г. Красноярск). В 1890-е гг. был секретарём Самарской губернской земской управы. Летом 1902 года путешествовал на пароходе по Волге, провёл несколько дней в Симбирске. Автор сочинений «Религиозные отщепенцы» (1906), «Раскол вверху» (1909), «О Льве Толстом и толстовцах» (1911), «Бунт против природы» (1917) и др. Отступал вместе с армией Колчака. Умер в Красноярской тюрьме.

23 июня – 85 лет со дня рождения эрзянского поэта **Ивана Алексеевича Каликина** (23.06.1935, с. Челдаево Инзенского р-на Куйбышевского края, ныне Ульяновской обл. – 14.06.2012, г. Саранск). Был главным редактором журнала «Сятко» в Саранске (1977 – 1984), председателем правления Союза писателей Мордовии. Автор книг «Улыбки зари» (1969), «Слепой дождь» (1972), «Золотой узел» (1974), «Черёмуховый берег» (1984), «Женщина и река» (1998) и др. Член Союза писателей СССР (1976). Народный поэт Мордовии.

25 июня – 195 лет назад родился поэт, очеркист **Павел Валерианович Жадовский** (25.06.1825, с. Субботино Любимского у. Ярославской губ. – 5.08.1891, г. С.-Петербург). Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1847). Участвовал в Крымской войне. С 1868 года служил помощником Самарского губернского почтмейстера. Не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Писал рассказы, повести, очерки. Автор романа «Житейские сцены» (1859), сборников «Стихотворения» (1859), «Собрание стихотворений» (1872) и др.

545 лет назад скончался путешественник, писатель, тверской купец **Афанасий Никитин** (? – 1475, близ Смоленска). В 1468 – 1474 гг. совершил путешествие по Персии, Индии и Турции. Составил описание этого путешествия в книге «Хождение за три моря». Отправился в дорогу на нескольких судах из Твери по Волге; по пути отмечал Калязин, Углич, Кострому, Нижний Новгород, Казань. Проплыл мимо Симбирской горы. Записки Никитина обнаружил Н.М. Карамзин в архиве Троице-Сергиевского монастыря и опубликовал отрывки в 1818 году.

290 лет со дня рождения переводчика **Никанора Ивановича Ознобишина** (1730-е, ? – ?). Дед поэта Д.П. Ознобишина. Получил в наследство с. Троицкое-Сюксюм Пензенского уезда (ныне с. Троицкое Инзенского р-на Ульяновской обл.). С 1785 года был предводителем пензенского дворянства. Автор более 20 переводов произведений западно-европейской литературы, в т.ч. новеллы Сервантеса «Корнелия» (1761), романа из эпохи Просвещения «Несчастный француз, или Жизнь кавалера Беликурта, писанная им самим» (1764) и др.

270 лет назад родился переводчик **Николай Осипович Пушкиков** (ок. 1750 – после 1810). С 1764 года служил копиистом в Придворной конторе. Известен как переводчик пьесы П.-О. К. Бомарше «Евгения» (1770); постановка её в Москве была успешной, но скандальной. Принял участие в подавлении восстания Е.И. Пугачёва под Уфой и Оренбургом (1772 – 1774). В 1775 году вернулся в Москву. При открытии Симбирского наместничества был уездным казначеем в Карсуне и Сенгилее (1780 – 1798), затем уездным судьёй в Карсуне (1800 – 1801).

205 лет со дня рождения писательницы, мемуаристки **Марии Фёдоровны Растовской** (1815, С.-Петербург – 10.6.1872, там же). В 1840-х гг. вышла замуж за А.А. Растовского, помещика сс. Лебяжье и Шмелёвка Спасского у. Казанской губ. (ныне Старомайнского р-на Ульяновской обл.). Автор книг «Сельцо Лебяжье» (1856), «Дети» (1862), «Крестьянская школа» (1866) и др. Не раз бывала в имении мужа. Опубликовала «Воспоминания о Гаврииле Романовиче и Дарье Алексеевне Державиных»; приходилась им внучатой племянницей.

160 лет назад родился поэт, мемуарист **Пётр Сергеевич Поливанов** (1860 или 1859, Кавказ – 17.08.1903, г. Лорьян, Бретань, Франция). Жил в имении деда близ Нижнего Новгорода и у отца в Саратовской губ. Учился в Нижегородской гимназии вместе с В.В. Розановым (1873 – 1875), жил в Саратове и Москве. Не раз бывал проездом в Симбирской губ. Автор мемуаров «Алексеевский равелин» (1903), «Из записок о Шлиссельбургской крепости» (1903); стихи публиковались в сборниках «Под сводами» (1909), «Песни террора» (1917) и др.

135 лет со дня рождения драматурга **Всеволода Юрьевича Мусина-Пушкина** (1885 – 1939). Дворянин из с. Золино Сызранского у. Симбирской губ. Школьный товарищ писателя А.Н. Толстого. Учился в Сызранском реальном училище. Писал драмы для театров Москвы под псевдонимом Пушмин. Автор пьес «Проходная комната» (1927), «Прыжок в неизвестное» (1929), «Товарищ Нина» (1930), «Перед чисткой» (1930), «На острие меча» (1933) и др. Член Московского общества драматических писателей. Заведовал Институтом слова в Москве.

120 лет со дня рождения писателя **Петра Алексеевича Романова**, псевдоним – **Алексей Платонов** (1900, с. Новый Ризадей Сызранского у. Симбирской губ., ныне Сызранского р-на Куйбышевской обл. – ?.12.1942, ?). Плавал матросом по Волге, был штурвальным на

буксирных судах нефтешлипа. Работал в газете «Гудок», входил в литературные группы «Молодая гвардия» и «Перевал». Публиковался в столичных журналах и сборниках. Автор книги очерков и рассказов «Сплыв» (1932). Ушёл на фронт, пропал без вести в 1942 году.

95 лет назад родился лакский поэт **Абдул Тайзуевич Мирзаев** (1925, с. Кули Кулинского р-на Дагестанской АССР – 6.08.1996, Дагестан). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1960). Член Союза писателей СССР. С 20 по 26 апреля 1987 года участвовал в Днях дагестанской культуры

в Ульяновске; выступал на творческих встречах с жителями города на УАЗе, в совхозах им. Крупской и «Тепличный», в Ивановском детском доме. Автор сборников стихов «Звуки сердца», «Жажда», «Звёзды», «Пять песен», «Голос земли», «Песня о жизни» и др.

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ИЮНЯ

Георгий МАСЛОВ (1895 – 1920)

Я

Нет. Жизни раннего конца
Я всё-таки желать не смею.
Вы улыбнулись мне с крыльца,
И ветер обвеваает шею.

Скрипит подгнивший тротуар,
Залаял пёс на перекрёстке,
А розы в запёртом киоске
Глядят на проходящих пар.

Смотрю на звёзды и бреду
Домой, мечтая о постели.
Но сладкая усталость в теле,
И кажется, я не дойду...

Теряя дням бесплодным счёт,
Над песнями узду теряя,
Засну на лавке у ворот,
Улыбку вашу вспоминая...

ЯМБУ

О мой ямб, звонконогий мой конь,
Непокорный рабам Буцефал,
Я смогу укротить твой огонь, —
Я свободным и дерзостным стал!

Вдохновенно Пушкина нёс
Ты по темени девственных скал
И в венках из вакхических роз
Под Языковым буйным дрожал.

Но, не согнутый вихрями лет,
Так же ты непреклонен и горд, —
Был не раз беззаботный поэт
Под твоими ногами простёрт...
Но прими от меня дифирамб,
Кто б из нас побеждённым не стал,
О мой конь, звонконогий мой ямб,
Непокорный рабам Буцефал!

1919

1919

Лев НЕЦВЕТАЕВ (р. 1940)

СТИХИ БЛАГОВА

Не спрячешь слово за скрипучей дверью,
ни под какой не подведёшь устав.
Его услышав, каждый скажет: верю
и улыбнётся, заново узнав.

Казалось бы, давно и знал, и слышал,
а вот поди ты, как оно сошлось:
то шелестит соломою на крыше,
то кованый вколачивает гвоздь.

Слова простые, а сойдутся рядом —
заговорит исписанный листок,
и словно в летний зной ошпарит градом:
в одно — и страх, и свежесть, и восторг!

* * *

Судьба даёт родителей и предков,
тем самым предопределяя путь;
Как разные плоды на разных ветках —
вот так и мы кустимся как-нибудь.

Тот — персик, тот — кизил, а эта — груша;
а вот и волчья ягода — держись!
Порядок задан, и его нарушить,
боюсь, что не получится ни в жисть.

Сие несправедливостью чревато,
и вот она колотится в виски:
ну чем полынь степная виновата,
что не даны ей розы лепестки?

Принцессу ту никто не пнёт ногами —
восторженно задержится любой.
По полынку ж — тупыми сапогами,
колёсами... И порознь, и гурьбой...

За что? За то! Умнее нет ответа.
Судьба. Необсуждаемый закон.
И снова ты — как в комнате без света,
к тому же, без дверей и без окон.

Иван КАЛИНКИН (1935 – 2012)

ПШЕНИЦА И ВЬЮНОК

Когда малиновой зарницей
Над полем полыхал восток,
Под зеленеющей пшеницей
Расцвёл молоденький вьюнок.

Он был, соцветьями кивая,
На вид пригож, невинен, мил.
Пришла минута роковая:
Пшенице талию обвил.

И с этих пор в долинах тучных,
Волнуясь, слухи поползли
О новобрачных неразлучных,
Об удивительной любви!

Пшеница чахнет иссушённо,
Но шёпот слышен на меже:
Так, дескать, любящие жёны
Порой худеют от мужей.

...Случается: судьбина злая
Иного скручивает в жгут,
А люди, ничего не зная,
Его счастливым зовут!

КАРАВАЙ

Над полем – широкое синее небо.
Комбайн оставляет прокошенный след.
Дочурка ковригу горячего хлеба
Отцу своему принесла на обед.

Улёгся большой каравай золочёный
На скатерть, на вышитый солнечный круг,
Не в печке, а в солнце самом испечённый,
Такой, что прибавилось света вокруг!

Поел хлебороб. И опять, колыхаясь,
Комбайн заспешил убирать урожай,
Чтоб девочка в мире жила, улыбаясь,
Держа на руках золотой каравай.

Павел ЖАДОВСКИЙ (1825 – 1891)

* * *

Мчатся быстро, бесполезно
Жизни лучшие часы;
И какой рукой железной
Остановишь взмах косы;
Той косы, что жизнь подкосит
И разрушит все мечты.
Для чего ж всё сердце просит
И любви, и красоты?
Для чего без сожаленья
Забываем мы всегда
Драгоценные мгновенья,
Что проходят без следа.

1860

* * *

Хочу забытья я с мечтой.
Мне нужен сад и куст сирени,
Цветы и нега летней тени,
И луч, луч солнца золотой!

Я буду слушать птичек пенье;
Я буду сладостно дремать;
Пусть жизнь пройдёт, как сновиденье,
Мне надо сердцем отдыхать.

Пусть пролетают предо мною
Все тени прошлого в тиши,
И всё, что жизненной весною
Лелеял я от всей души.

Под ветра тихое дыханье
Я встречу ночи тишину;
Взгляну на листьев колыханье
И непробудным сном засну.

1872

* * *

Из пустого сердца песня –
Для души лишь звук пустой;
Она страстью не взволнует,
Не утешит красотой.

Только тот, кто жил недаром,
Кто страдал и кто любил,
Тот найдёт слова и звуки
Выражать душевный пыл.

Лишь с последним жизни вздохом
Смолкнет песня навсегда,
Но её святая сила
Не исчезнет без следа.

1885

Абдул МИРЗАЕВ (1925 – 1996)

РАСТИТЕ ХЛЕБ

Растите хлеб!
Выращивайте хлеб!
Он – смех детей,
Он – радость мирных дней!
Он – наших городов и сёл мечта,
Он – пенье птиц,
Он памятником стал
Всем тем, кто жизни за него отдал.
Растите хлеб!
Мы за него страдали,
И долгими ночами на полях,
Как мать над сыном,
Мы над ним не спали.
Растите хлеб – историю страны.
Растите хлеб –
Грядущего опору,
Дороже он, чем всех сокровищ горы.
Он – наша жизнь,
А жизни нет цены.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ИЮНЯ

Сергей ШАРАПОВ (1855 – 1911)

РОССИЯ БУДУЩЕГО (отрывок из романа)

24 июля 1899 года, вечером, я попал в один кружок. Было много незнакомых мне лиц. Как водится, сидели, пили чай и бранились. Бранились не между собой, а вообще, т.е. бранили нашу русскую современность во всех её видах.

Что же делать? Бранить всё и всех – наша национальная слабость. Да и то сказать: разве же нам хорошо живётся? Разве не нависла над почтеннейшим нашим отечеством густая туча всевозможных недоразумений, из которых многие прямо могут отравить жизнь?

Не бранятся у нас разве только люди, целиком отдавшие себя на служение мамону, да и то, лишь пока им везёт удача. Не бранятся ещё, когда пьют водку. Тогда всякая политика откладывается сама собой, люди предаются блаженству свинского времяпрепровождения, затем теряют образ человеческий и начинают уже не браниться, а ругаться и сводить между собой старые и новые счёты, кончая иногда фонарями (не электрическими), а в публичном месте – и полицейским протоколом.

Наша компания пила только чай, и даже без коньяку, и бранилась очень усердно. Бранили всё окружающее, всю русскую жизнь, доходили даже до очень печальных пророчеств. России прямо сулили разложение и гибель, если так пойдёт дальше.

Этот, совсем уже крайний, взгляд вызывал, однако, возражения. Возражали, что хоть сейчас и дурно живётся, но всё-таки Русь-матушка идёт по своему историческому пути вперёд и вперёд; что перемелется – мука будет... и т. д.

Я прислушивался и не выдержал:

– Эх, дорого бы я дал, чтобы дожить да посмотреть, что у нас лет через сто будет?

Это моё восклицание никем поддержано не было, но я увидел, что на меня пристально посмотрел нестарый ещё человек, сидевший в стороне, да так посмотрел, что мне жутко стало. В этих чёрных, блестящих глазах было что-то пронизывающее, острое, углубляющееся в самую душу.

Должно быть, я смутился от этого взгляда. Велика и могущественна тайна, скрытая в глазах у человека. Что такое в самом деле глаз? Ничего особенного. Камера-обскура, фотографический аппарат без пластинок. Подите-ка, определите, отчего одни глаза вас ласкают, радуют и манят к себе, обдавая слов-

но солнцем и теплом, а другие колют, как кинжалы?

Через минуту этот человек подошёл ко мне и сказал тихо:

– Правда, вы хотели бы увидеть, что будет через сто лет в России?

Я оправился от моего смущения и отвечал:

– Да, очень бы хотел.

– Серьёзно?

– Совершенно серьёзно.

Он подумал немного.

– Сто лет – слишком длинный срок. Жизненная сила человека не выдержит и погаснет. Но лет на пятьдесят заснуть можно. Да и на что сто лет? В России идёт всё с такой быстротой, что вы её и через пятьдесят лет не узнаете. Возьмите, например, хоть бы последнюю половину девятнадцатого века. Разве Россия 40-х годов хоть издали похожа на Россию пятидесятых?

– Всё равно, и через полвека любопытно...

– На этот срок заснуть можно...

– В самом деле? Это не сказка и не шутка?

– Ничуть. Это великое научное открытие, сделанное, разумеется, не нашей европейской наукой...

– А чьей же?

– Индийской. Мы привыкли искать там магии, фокусничества. Между тем в смысле изучения основных свойств человека, особенно его нервов и души, там ушли очень далеко. Да неужели вы не читали о тамошних опытах временного прекращения жизни?

– Читал что-то... Кажется, там зарывали в землю усыпленного факира и через несколько времени пробуждали. Только я был уверен, что это вздор, сказки, что-нибудь вроде рассказней покойной Блаватской...

– Вы ошибаетесь. Это не фокусы, а совершенно серьёзные научные опыты. Человека, разумеется, если он сам пожелает, усыпляют на очень продолжительный срок. Его тело тщательно хранят, потому что, вы понимаете, в этом всё дело. Затем осторожно возвращают к жизни. Он не только не подвергается никакой опасности, но в течение своей длинной летаргии (и чем срок дальше, тем верней) излечивается от некоторых внутренних болезней.

– Это удивительно.

– Вы бы согласились испытать это на себе?

Владимир ЗАЗУБРИН (1895 – 1937)

ДВА МИРА (отрывок из романа)

Земля вздрагивала.

Тела орудий, круто задрав кверху дула, коротко и быстро металы жёлтые, сверкающие снопы огня. Тайга с шумящим треском и грохотом широко разносила гул выстрелов, долго, визгливо и раскатисто звенела стальным воем снарядов, лопавшихся далеко на улицах, на земле и над крышами Широкого.

Прислуга на батарее, молодые краснощёкие, скуластые солдаты, работали с буднично спокойными лицами, изредка равнодушно ругались, перебрасываясь грубой шуткой. Противник был не страшен: он не имел артиллерии. Сидевший на наблюдательном пункте поручик Громов в бинокль, не отрываясь, следил за селом и часто кричал в трубку телефона короткие, холодные слова команды. Ветра не было. Сухой, горячий воздух висел над тайгой, напиваясь запахом душистой смолы, игольчатой зелени и пороховым дымом. На дереве сидеть было неудобно и жарко. Ноги у офицера затекли, руки устали держать тяжёлый бинокль. Толстые губы с подстриженными чёрными усами засохли и потрескались. Фуражка надвинулась на самый лоб, из-под козырька текли тёплые, липкие струйки пота, грязными каплями висли на сухом, горбатом носу, на гладко выбритом четырёхугольном подбородке, капали на зелёный френч.

Мёртвые стеклянные глаза бинокля, поблескивая, сверлили зелёную даль большой таёжной поляны, на которой скучилось Широкое, бегали по улицам села, шупали густую цепь противника, лежащую у поскотины.

– Прицел!.. Трубка!..

Толстые губы дёргались, и по тонкому стальному нерву телефона бежали отрывистые фразы, слова, цифры, полные скрытого смысла.

– Прицел!.. Трубка!.. – повторял телефонист на батарее.

– Прицел!.. Трубка!.. – кричали бегающие у орудий солдаты в грязных гимнастёрках с расстёгнутыми воротами и красными погонями на плечах.

– Готово!

– Первое!.. Второе!.. Третье!..

Орудия судорожно подпрыгивали, давясь, с болью оглушающе харкали и плевались длинными

кусками огня и раскалёнными, воющими сгустками стали. Верхушки деревьев гнулись, как от ветра.

– Прицел!.. Трубка!.. – кричала натянутая жила телефона.

Спокойно поблёскивал чёрный бинокль. Послушно, с точностью заведённого механизма, солдаты щёлкали замками, совали в орудия снаряды, стреляли.

На опушке тайги стоял сухой треск ломающегося валежника. Серо-зелёная цепь белых вела частую стрельбу из винтовок, чётко стучала длинными очередями пулеметов. Партизаны, окопавшись у самой поскотины Широкого, молчали. Вооружённые более чем наполовину дробовиками, почти не имея патронов, они берегли каждую пулю, не стреляли, выжидая, пока противник подойдёт ближе и можно будет бить его, беря на мушку, без промаха. Пули со свистом сочно впивались в жерди и колья поскотины, зарывались в чёрные бугорки окопов, тысячами визгливых свёрл буравили воздух. Бойцы лежали сосредоточенно, спокойно. Глубокие складки залегли у каждого между бровей, и глаза, потемнев, резко чернели на напряжённых, чуть побледневших лицах. Когда в цепи пуля задевала кого-нибудь и слышался стон или крик, то все молча оборачивались в сторону раненого и быстрыми, тревожными взглядами следили, как возились с ним санитары.

Снаряды рвались далеко за цепью, в селе. Белые облачка шрапнели клубились над Широким, и тяжёлый дождь крупными каплями картечи с треском низал дощатые крыши, дырявил заборы, ворота, звенел осколками выбитых стёкол. На улицах в прыгающих, крутящихся столбах чёрной пыли огненными красными лоскутами рвались гранаты. Ключья огня вспыхивали и тухли спереди и сзади десятка запоздалых подвод, спешивших к северному концу села. Поручик Громов не мог взять верного прицела. Крестьянские телеги, тяжело скрипя, медленно ползли между домов, трещавших от взрывов. На возах в беспорядке, наспех высоко были навалены сундуки, самовары, цветные половики, подушки, на самом веру металась и громко плакали ребятишки, охали, крестились, всхлипывали женщины...

Луиза БАЮРА (р. 1945)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОЛЛЕКЦИИ СИМБИРСКОГО КРАЯ (отрывок из книги)

Некогда богатый и разнообразный мир симбирской усадьбы в её материальном воплощении с трудом поддаётся реконструкции. В редчайших случаях уцелели усадебные постройки. Ещё более уязвимыми оказались те некогда многочисленные предметы искусства и старины, что составляли художественное убранство дворянского дома.

Опыт изучения памятников искусства, запол-

нявших симбирские усадьбы, основан прежде всего на исследовании немногих фрагментов фамильных коллекций, что в настоящее время хранятся в музеях. Лишь отдельные владельческие описи и каталоги, относящиеся уже ко второй половине XIX – началу XX века, позволяя представить целостно, в полном объёме разнородные по структуре, по составу собрания симбирских дворян.

Однако вряд ли какой-либо документальный или музейный материал способен дать нам сегодня полное представление о характере коллекций изобразительного и декоративно-прикладного искусства и их роли в культурном пространстве симбирского усадебного дома. И здесь огромное значение приобретают литературные источники. В сочинениях И.И. Дмитриева, М.А. Дмитриева, В.А. Соллогуба, И.А. Гончарова мы находим упоминания о произведениях искусства, находившихся в усадьбах Симбирского края. Но, пожалуй, трудно найти более яркое, более полное и обстоятельное описание художественного убранства симбирской усадьбы, нежели в произведениях С.Т. Аксакова «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858). Особая ценность сочинений Аксакова заключается ещё и в непреложной достоверности его хроник, очевидной для современных исследователей творчества писателя.

В книгах Аксакова описана симбирская усадьба Чуфарово (по книге Аксакова – Чурасово) Н.И. Куроедовой (Куролесовой), урождённой Аксаковой, не дошедшая до наших дней. Не сохранились и произведения искусства, но их описание позволяет реконструировать художественное наполнение чуфаровского дома. Благодаря подробному изложению сюжетов картин нетрудно предположить, что в доме находились работы западноевропейских мастеров. Однако в собственности у Куроедовой могли быть и копии. Провинциальные собиратели высоко ценили саму возможность иметь картину с редким сюжетом или копию, связанную с именем знаменитого мастера. Подлинность произведения стояла на втором месте. В усадьбе Куроедовой имели место росписи клеевыми красками, исполненные крепостным «моляром», портреты. Здесь, безусловно, нет ещё коллекции в полном смысле этого слова,

но есть стремление к её созданию, укрепляемое амбициями владельца, стремящегося обрести особую значимость в глазах окружающих.

Об этом свидетельствуют описанные в аксаковских хрониках образцы мебели, художественной бронзы. Редкими произведениями декоративно-прикладного искусства являлись люстры, канделябры, которые во второй половине XVIII века ввозили из Франции. В России производство бытовых предметов из бронзы появится лишь в самом конце XVIII века и станет массовым спустя десятилетия. Столь богатое убранство интерьера уникальными предметами бронзы, фарфора, художественного стекла говорит о том, что симбирские дворяне, не жалея средств, устраивали свой быт в соответствии с требованиями времени. Со временем бытовые предметы приобретут статус коллекции.

К числу крупнейших поместий (26000 десятин) относилось Никольское-на-Черемшане, о котором писали С.Т. Аксаков, Д.В. Григорович, В.А. Соллогуб. В конце XVIII века, когда усадьба принадлежала богатому симбирскому помещику Н.А. Дурасову, она, по свидетельству С.Т. Аксакова, была наполнена редкими по красоте и роскоши предметами мебели и бронзы, картинами и статуями. О произведениях живописи в усадьбе Ундоры Симбирского уезда, принадлежавшей в начале XIX века П.Н. Ивашеву, писала О.К. Буланова в книге о декабристе В.П. Ивашеве. Однако чаще всего литературные источники свидетельствуют о наличии в усадьбах любого уровня портретных галерей (М.А. Дмитриев, И.А. Гончаров).

Как показывает изучение частных художественных коллекций в составе фондов Ульяновского художественного музея, практически в каждой из них имелись фамильные портреты, созданные в конце XVIII – первой половине XIX века...

Александр ПРУГАВИН (1850 – 1920)

ПАШКОВЦЫ (из путевых набросков)

Пассажирский поезд Московско-Брестской железной дороги мерно катил по направлению к Москве. В купе второго класса почти все места были заняты.

Рядом со мною помещался московский приносящий доверие – маленький, худой, юркий, с желчным чахоточным лицом и быстрыми воспалёнными глазами. *Vis-à-vis* сидел плотный, хорошо сложенный мужчина лет сорока, с выхоленным лицом и тщательно подстриженными бакенбардами. Он то и дело обращался к сидевшей рядом с ним, очевидно, давно знакомой ему молодой даме, бледное, но красивое и выразительное лицо которой носило печать какой-то особенной вдумчивости, почти грусти.

– Я не могу себе представить, – говорил несколько брезгливым тоном выхоленный господин, – как можно проводить в деревне зиму... Зима – без театра, без оперы, без клуба, без симфонических

вечеров, наконец, без общества... я не понимаю!.. Pardon, но я решительно не могу себе представить... по моему это... это... пустынный остров, монастырь!.. Non, c'est impossible!..

Дама слушала, смотря в окно и улыбаясь едва заметною мягкою, снисходительною улыбкою.

– Привычка, – сказала она. – Мы уже шестой год живём в деревне... Наконец, хотя и не каждую зиму, но мы выезжаем, бываем в Москве, в Петербурге, ненадолго, разумеется...

– По крайней мере, есть соседи?

– Очень мало. Около нас имение князя Г-на, но он почти никогда не живёт в нём... затем К-вы. Слышали? Наконец, Пашков.

– Какой Пашков?

– Василий Александрович Пашков... вероятно, вы слышали: проповедник?

– Как же! Помилуйте! – вдруг оживляясь, заговорил выхоленный господин. – Однако, это ин-

тересно!.. О нём столько пишут, столько говорят!.. Скажите, пожалуйста, что у него здесь – в порядке? – И он слегка постучал себе по лбу кончиками пальцев, затянутых в свежую шведскую перчатку gris de perle.

– Почему вы так думаете? – серьёзным тоном спросила дама.

– Но как же иначе! Чем вы объясните его образ действий?.. Согласитесь сами. Вы знаете, он был полковник гвардии, прекрасно шёл по службе... огромные связи, кровный аристократ, самой чистой воды... Его отец играл такую видную роль при Николае Павловиче... C'est un homme qui a une fortune... можно сказать – редкое состояние. У него огромные имения: в Нижегородской губернии, в Тамбовской, в Московской... чудные усадьбы... богатейшие заводы на Урале, в Уфимской, Оренбургской губерниях... В Петербурге – дом – дворец на Гагаринской набережной, роскошнейший... И вдруг!..

Выхоленный господин с сожалением пожал плечами и сделал пренебрежительную гримасу. Его собеседница молчала.

– Говорят, Пашков пользуется большой известностью среди сектантов? – снова заговорил мой

vis-à-vis, обращаясь к своей соседке.

– Да, имя Пашкова весьма популярно среди последователей рационалистических сект: молокан, штундистов и т. п.

– Чем это можно объяснить, скажите, пожалуйста?

– Этому много способствует рассылка Пашковым евангелий и различных брошюрок духовно-нравственного содержания. Говорят, эти брошюры и евангелия можно встретить всюду, где только есть сектанты: и на Кавказе, и в Сибири, и на Урале, и в Архангельске, и в Одессе, и в Астрахани, – словом, везде и всюду. Наконец, газетные толки о беседах и проповедях Пашкова также немало способствовали его известности. Сектанты, отправляясь в Петербург на заработки или по торговым и иным делам, обыкновенно считают своею обязанностью побывать на проповеди Пашкова...

– Интересно было бы проследить: какое именно влияние оказывает проповедь Пашкова на те или другие сектантские учения?

– Да, это было бы крайне интересно, но, к сожалению, об этом почти ничего неизвестно.

Афанасий НИКИТИН (? – 1475)

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ *(отрывок из сочинения)*

Поплыл я вниз Волгою. И пришёл в монастырь калязинский к святой Троице живоначальной и святым мученикам Борису и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение. Из Калязина плыл до Углича, и из Углича отпустили меня без препятствий. И, отплыв из Углича, приехал в Кострому и пришёл к князю Александру с другой грамотой великого князя. И отпустили меня без препятствий. И в Плёс приехал без препятствий.

И приехал я в Нижний Новгород к Михаилу Киселёву, наместнику, и к пошленнику Ивану Сараеву, и отпустили они меня без препятствий. А Василий Папин, однако, город уже проехал, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха татарского. А ехал он с кречетами от великого князя Ивана, и кречетов у него было девяносто. Поплыл я с ними вниз по Волге. Казань прошли без препятствий, не видали никого, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезан проплыли и вошли в Бузан. И тут встретили нас три татарина неверных да ложную весть нам передали: «Султан Касим подстерегает купцов на Бузанае, а с ним три тысячи татар». Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по штуке полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, неверные татары, по одnorядке-то взяли, да в Астрахань царю весть подали. А я с товарищами своё судно покинул, перешёл на польское судно.

Плывём мы мимо Астрахани, а месяц светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: «Качма – не бегите!» А мы этого ничего не слышали и бежим себе под парусом. За грехи наши послал царь за

нами всех своих людей. Настигли они нас на Богуне и начали в нас стрелять. У нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили. А меньшее наше судно у еза застряло, и они его тут же взяли да разграбили, а моя вся поклажа была на том судне.

Дошли мы до моря на большом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут они нас настигли и велели судно тянуть вверх по реке до еза. И судно наше большое тут пограбили и четыре человека русских в плен взяли, а нас отпустили голыми головами за море, а назад, вверх по реке, не пропустили, чтобы вести не подали.

И пошли мы, заплакав, на двух судах в Дербент: в одном судне посол Хасан-бек, да тезики, да нас, русских, десять человек; а в другом судне – шесть москвичей, да шесть тверичей, да коровы, да корм наш. И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег. И тут стоит городок Тарки, и вышли люди на берег, да пришли кайтаки и всех взяли в плен.

И пришли мы в Дербент, и Василий благополучно туда пришёл, а мы ограблены. И я бил челом Василию Папину и послу ширваншаха Хасан-беку, с которым мы пришли – чтоб похлопотал о людях, которых кайтаки под Тарками захватили. И Хасан-бек ездил на гору к Булат-беку просить. И Булат-бек послал скорохода к ширваншаху передать: «Господин! Судно русское разбилось под Тарками, и кайтаки, придя, людей в плен взяли, а товар их разграбили».

И ширваншах посла тотчас послал к шуринау своему, князю кайтаков Халил-беку: «Судно моё разбилось под Тарками, и твои люди, придя, лю-

дей с него захватили, а товар их разграбили; и ты, меня ради, людей ко мне пришли и товар их собери, потому что те люди посланы ко мне. А что тебе от меня нужно будет, и ты ко мне присылай, и я тебе, брату своему, ни в чём перечить не стану. А те люди ко мне шли, и ты, меня ради, отпусти их ко мне без препятствий». И Халил-бек всех людей отпустил в Дербент тотчас без препятствий, а из Дербента ото-

слали их к ширваншаху в ставку его – койтул.

Поехали мы к ширваншаху в ставку его и били ему челом, чтоб нас пожаловал, чем дойти до Руси. И не дал он нам ничего: дескать, много нас. И разошлись мы, заплавав, кто куда: у кого-то осталось на Руси, тот пошёл на Русь, а кто был должен, тот пошёл куда глаза глядят. А иные остались в Шемахе, иные же пошли в Баку работать...

Пётр ПОЛИВАНОВ (1860 – 1903)

АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН (отрывок из мемуаров)

На вешалке висели два-три пальто, в углу виднелись калоши и зонтик. На диване примостился какой-то старый-престарый лысый и беззубый хрыч в форменном зелёном двубортном сюртуке – вероятно, швейцар или курьер, который при нашем появлении поспешно вскочил на ноги, протирая себе глаза. В соседней комнате сидел за письменным столом дежурный чиновник, очень молодой и очень развязный субъект, занимавшийся прикладыванием печатей и надписыванием чего-то на бланках, которых перед ним лежала целая кипа. Переговорив с моим жандармом, он ушёл во внутренние комнаты, и минут через пять оттуда вышел ко мне пожилой бритый господин с типичной канцелярской физиономией, очень любезный и вежливый.

Поздоровавшись со мной, он обратился к жандарму, который тем временем пошёл за моими вещами и только что снова появился в дверях, держа в руках мой немногосложный багаж.

– Это не нужно: ведь они здесь не останутся.

Дежурный чиновник что-то тихо шепнул ему.

– Ну хорошо, поставь тут, – сказал он остановившемуся было в недоумении жандарму.

– А где же дежурный офицер?

– Сейчас придут. За ними послали, – доложил хрыч.

Действительно, он не заставил себя долго ждать: скоро послышался звон шпор и прочих аксессуаров полной жандармской формы, и в прихожую вошёл офицер, плотный и бравый, с окладистой бородой и очень почтенной лысиной, совсем даже не по чину: он был всего лишь поручик. На нём были нацеплены и револьвер, и шашка, и лядунка, и эполеты, и аксельбанты, и прочее; всё это сверкало и звякало при каждом его движении, что, видимо, очень нравилось бравому поручику, и он поминутно щёлкал каблучками и отряхивал свою сбрую.

Они тихо заговорили между собой.

– Знаете, рядом с тем, который давно, – сказал офицер.

Чиновник одобрительно кивнул головой и любезно со мной распростился, а бравый поручик не менее любезно попросил меня пожаловать, а затем, обратившись к стоявшим по моим бокам жандармам, скомандовал:

– Сабли вон!

И повели меня, раба божия, столь торжественно, как ещё никогда не приходилось ходить в пределах тюремной территории, ибо в суд, слушать приговор в окончательной форме, меня вели под конвоем целой полуроты пехоты, десятка конных полицейских и множества околоточных, но тогда вели по улицам города.

Мы вышли на двор и направились к тому самому подъезду, у которого стояла карета. Мне опять бросилась в глаза надпись «Казначейская», и я, бывший раньше в Третьем отделении на допросе, но не сидевший там, несколько недоумевал, куда меня ведут.

Мы поднялись во второй этаж и свернули в коридор, над которым была та же самая надпись. Пройдя несколько шагов, офицер отворил дверь в своё помещение. Столь же торжественно скомандовал он:

– Сабли в ножны!

И столь же любезно попросил меня сесть на диван, предложив при этом папиросу. Жандармы стали обыскивать мои вещи, а он записывал их в книгу.

Затем обыскали меня самого, и хотя поручик выворачивал мои карманы с самой очаровательной улыбкой, но эта процедура настолько тяжела и унизительна, что привыкнуть к ней невозможно, как бы любезно она ни производилась. (Ни улыбка, ни новое предложение папиросы после обыска, от которой я, понятно, отказался, не могли заглушить во мне чувства оскорблённого человеческого достоинства, и по телу пробежала дрожь.) Я почувствовал большое облегчение, когда обыск кончился и меня повели опять между двумя жандармами с саблями наголо тем же коридором на лестницу.

Алексей ПЛАТОНОВ (1900 – 1942)

БРОНЕВЫЕ ОТВАЛЫ (отрывок из рассказа)

В деревне – где и родилась – Аришу светиком звали. За характер добротный. В клин никому не вставала. Служить была рада. И пустяковое дело, а глядь – человек улыбнётся и легко ему станет. Лёгкости тоже на свете – не горы, песочинки малые.

Отец к большому готовил. Жениха с деньгою высматривал. Наметил сына старинного друга – Андрюшу Панова.

В германскую отца угнали. Брата за ним. Осталась радость, Андрюша. Голубилась. С глаз не скидала. Мать Андрея в начале войны померла. Дом без бабы шатается. Ходила к ним помогать по хозяйству.

Только Андрюшин отец с глупой ли старости или от жалости к кровному – достал наговорной от знахарки мази:

– Грудь, сыночек, помажь. Не заберут. Не всем на войну.

Стало сердце стуками разными. Дали отсрочку.

– Ты, Андрюха, не бойсь. Недели не минет – пройдёт.

Но за неделей – другая. Месяц. Хирел.

Грудь завалилась. В кашель, в ознобы. Сгас, ни доктора, ни молебны. Мясоедом похоронили.

– Осталась, светик, одна, – плакался старый, – на красной горке бы свадебку. Убил сыночка, убил.

Аришу как подломало. Вступила жалость в башку. К бабкам кинулась. С ними по бобылям. К больным. Постирать. Посиделкой.

Вечерами доткнётся домой – мать не заплачется:

– Ты бы, Ариша, на улицу. Хоронишь ты молодость. Девки с парнями. Подь.

Ариша после Андрюшки ни на кого б не глядела. Но на сиделках не мокла. В смехе – колокол. В пляске – ветряк. Через костры любила махать. В горелки тоже любила.

У парней слюнки канатом. Надо бы: девка топор. Глазом метнёт – парнюга с сердцем не справится. Только парни-то – слякоть. Отсрочники. Иль недомерки.

А дома хуже да хуже. Словно облаком застит. Хозяйство без мужиков – конь некованный. Старик Андрея своим не управится. На два дома спины не уложишь. Пошло богатство дымком.

Отец Ариши без вести пропал. Брат вернулся домой в революцию. Большевиком. Винтовку при-

вёз. Глухарей из винтовки стрелял. В комбеде стал председателем.

Чрезвычайный налог, повинности разные чуть не один раскладал. Другие боялись.

Однако телят и коней кулаковых от Степана приняли. Работать стали после разгрома усадьбы. На генерала Кручилова большую злобу питали. Усадьба к тому же богатая. Повесили обществом. Вперёд язык гвоздем к подбородку прибили. Ругаться, сволочь, любил.

Усадьбу в щепки. Кирпич из погреба выбрали. Годится печки лепить.

Степан хотя верховодил – рук к добру не прикладывал. Хотел трубу самоварную, было, да посмотрел – прогоревшая – плюнул.

И Степана побили. На охоте поймали. Из своего же комитета ребята. Побили и пригрозили:

– Рук не прикладывал... Небось, не выдашь коли. На трубу поплевал, а золото де генеральское?..

– Его поди с пуд...

– Убьём, подлюга!

Сослуживец по фронту старший унтер Козлов жестко добавил:

– И вообще – ни тебе в комитете старшим. Как ты был до войны буржуазом. Теперь-от глиной к лаптам.

Степан с побоев покашливать стал. Пол в кровавой харкотине. Стелит как пятаками. И была Арише, сестре, революция – кашлем Степановым.

Его ушли из комбеда.

Заверховодил Козлов.

На Степана налоги:

– Укрыться думаешь, жога? Отдай золото в обчюю.

– Вынь...

...Сила в пыль, в ветерок. Потоньшали ломти на столе. Щи забыли о мясе.

К тому же была революция не только кашлем Степановым. О царе мужики позабыли. Тонули избы в реках самогонных. Звенели улицы гамом гармоник. Туго ржали поля.

Да влетела негаданно гайным галопом в Сырью Музгу опричина царская. Тряхнула голову сырьемузгицам. Пели «Боже царя»... Служили молебны.

Повесили белые на церковных воротах Степана. По доносу...

*Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед*

